

В О И Н А

1877 и 1878 гг

Выпускъ I^я.

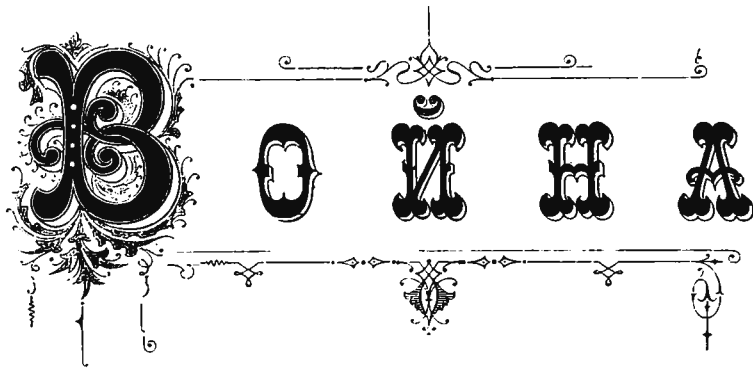
Изданіе редакціи
„Досугъ и Дѣло“.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Обертка печатана въ типографіи Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке), по Фонтанкѣ № 99.

1879.

1877 и 1878 гг.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1879.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 20 Марта 1879 года.

Заглавный листъ печатанъ въ Типографіи Министерства Путей Сообщенія (А.Бенде), по Фонтанкѣ № 99.
Текутъ печатанъ въ Типографіи Товарищества „Общественная Польза“.

ПЕРЕПРАВА

У ГАЛАЦА И ЗИМНИЦЫ.

Императоръ Александръ II.

I.

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Очеркъ Балканскаго полуострова. — Жители. — Природа. — Появленіе турокъ въ Европѣ. — Судьба греческой имперіи и славянъ Балканскаго полуострова.

Турецкою или Оттоманскою имперіею, какъ извѣстно, называются всѣ турецкія владѣнія въ Европѣ, Азіи и Африкѣ. Въ Европѣ владѣнія турокъ находятся въ самой юго-восточной части, именно на Балканскомъ полуостровѣ. Нѣкогда и вся южная часть полуострова принадлежала туркамъ, но съ 1828 года греки, при помощи русскихъ и другихъ европейскихъ державъ, освободились изъ-подъ власти Турціи и составили особое государство — Греческое королевство.

Турецкая имперія въ Европѣ занимаетъ всего съ островами 322,567 квадратныхъ верстъ. Въ этотъ расчетъ не входятъ Сербія, Румынія и Черногорія. Первые два княжества, хотя и принадлежали къ составу Турецкой имперіи, но управлялись особыми наследственными князьями и находились отъ Турціи только въ вассальной зависимости. Только одна Черногорія всегда была независима отъ Турціи, хотя ея и не признавалась независимою.

Въ турецкихъ земляхъ живутъ славяне (болгары, босняки, герцеговинцы, сербы), греки, албанцы, цыгане, армяне, евреи, черкесы, татары и турки. Последние, хотя и хозяева и господа всего полуострова, и держали всѣхъ остальныхъ жителей въ рукахъ и страхѣ, но ихъ очень немного: въ пять разъ менѣе славянъ. Въ княжествахъ: Сербскомъ жителей до 1.000,200 тысячъ, въ Румынскомъ

около 5 милліоновъ, а въ Черногоріи менѣе 200 тысячъ, Болгары самое многочисленное славянское племя; ихъ насчитываютъ свыше пяти милліоновъ; они составляютъ $\frac{2}{3}$ славянскаго населенія Турціи, и земля ихъ занимаетъ около четверти всей Европейской Турціи.

Турки, черкесы, татары и нѣкоторыя другія небольшія племена — магометанской вѣры; къ магометанамъ принадлежитъ нѣкоторая часть и славянъ, которые, при покореніи турками Балканскаго полуострова, страха ради за свою жизнь и достоиніе, приняли вѣру турокъ и отуречились; но такихъ отступниковъ, сравнительно, немного. Остальное-же населеніе — христіане и преимущественно православные.

Богъ надѣлилъ Балканскій полуостровъ всѣми дарами: воздухъ здоровъ, кромѣ нѣкоторыхъ болотистыхъ мѣстъ, гдѣ господствуютъ лихорадки; лѣсовъ много; горы изобилуютъ разными рудами — есть золото и серебро, есть и драгоценные камни. Въ Турціи растутъ виноградъ, хлѣбныя растенія, табакъ, ленъ, плоды; изъ животныхъ находятся отличныя лошади; въ нѣкоторыхъ областяхъ можетъ разрабатываться шелкъ. Земля плодородна. Такъ Болгарія считается житницею Балканскаго полуострова. Но турки, со времени прихода ихъ на Балканскій полуостровъ, не разбогатѣли сами, а

*

раззорили въ конецъ, какъ увидимъ ниже, и всѣ прочія покоренныя ими племена. Земледѣліе находится въ Европейской Турціи въ самомъ жалкомъ состояніи; промышленности фабричной и заводской почти никакой не существуетъ; если ею и занимаются сколько-нибудь, то главными дѣятелями являются греки, армяне и евреи; сами-же турки ничѣмъ не занимаются и высасывали только изъ земли и ея обитателей всѣ соки, нисколько не заботясь о будущемъ. По всему полуострову торговля, кромя названныхъ народностей, находится въ рукахъ иностранцевъ, въ особенности англичанъ.

Въ управленіи государствомъ царствовалъ совершенный произволъ властей. Турки и ихъ чиновники смотрѣли на всѣхъ не-турокъ и не-магометанъ какъ на что-то низкое, какъ на рабовъ, созданныхъ для черной работы, для услугъ или какъ на рабочую силу. Въ этомъ виновата и сама магометанская религія, по ученію которой только тотъ, и можетъ пользоваться правами свободнаго человѣка, кто признаетъ пророка Магомета. Непризнающихъ-же слѣдуетъ предавать мечу, а достойные ихъ огню, или самихъ обращать въ рабство. И эти рабы, какой-бы они другой религіи ни были, не болѣе - не менѣе какъ презрѣнное, безсловесное стадо — *раія*. Въ награду за распространеніе этого ученія, основатель его, Магометъ, сулитъ въ будущей жизни неисчислимыя чувственныя наслажденія и блага.

Въ первый разъ турки появились въ Европѣ слишкомъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, именно: въ началѣ XIV столѣтія по Р. Хр. (1330 г.). Пришли они сюда изъ Азіи, а позвалъ ихъ престарѣлый византійскій императоръ Андроникъ Палеологъ, какъ союзниковъ и помощниковъ, когда воевалъ онъ съ своимъ внукомъ, который отнималъ у него царство.

Византійская или Греческая имперія нѣбогда составляла часть всемірной Римской имперіи. Одинъ изъ римскихъ императоровъ, въ трехсотыхъ годахъ по Р. Христова (въ IV вѣкѣ), Константинъ Великій, причисленный къ лику святыхъ и чествуемый православною, греко-восточною церковью, не желая оставаться въ прежней столицѣ Римѣ, перенесъ свое пребываніе въ Византію, на берегъ Босфорскаго пролива, назвавъ ее Новымъ Римомъ. Впослѣд-

ствіе Византія получила также названіе Константинополя, а русскіе прозвали ее Царьградомъ. Передъ смертію Константинъ раздѣлилъ имперію между своими сыновьями на двѣ части—на Восточную и Западную. Въ составъ Восточной вошли нынѣшняя Турція, Греція, Малая Азія и Египетъ съ столицею *Константинополемъ*. Восточная Византійская или Греческая имперія болѣе 1000 лѣтъ принуждена была бороться съ различными внѣшними врагами, нападавшими на нее со всѣхъ сторонъ. Въ этой продолжительной борьбѣ, при внутреннихъ неурядицахъ, Византійская имперія мало-по-малу потеряла области и уменьшилась въ своихъ предѣлахъ. Къ числу главнѣйшихъ непріятелей Греческой имперіи принадлежали славяне, поселившіеся на сѣверныхъ ея границахъ. Славяне, придя въ соприкосновеніе съ греками, приняли христіанство, и одни изъ нихъ подпали подъ власть грековъ, а другіе образовали самостоятельныя новыя государства. Мало того, нѣкоторые изъ начальниковъ славянскихъ племенъ занимали даже греческій престолъ, какъ напримѣръ Юстиніанъ.

Изъ славянскихъ народовъ, по своей судьбѣ, наиболѣе замѣчательны: *болгары* и *сербы*.

Поселясь, съ береговъ Волги, на берегъ Дуная, въ шестисотыхъ годахъ по Р. Хр., болгары слились съ жившими тамъ славянами и составили одно племя. Они стали нападать на Византійскую имперію и не разъ подходили къ Константинополю, такъ что греческіе императоры принуждены были платить болгарамъ дань и уступать области. Одинъ изъ болгарскихъ князей, именно Борисъ, принявъ въ 863 г. (а по другимъ въ 859 г.) христіанскую вѣру. При немъ Болгарія расширилась и заключала въ себѣ восточную часть теперешней Турціи. Въ царствованіе сына Бориса, Симеона, наименовавшася уже царемъ болгарскимъ, Болгарія достигла цвѣтущаго состоянія. Помимо того, что Симеонъ одолѣлъ византійцевъ, онъ дошелъ до Адрианополя и заключилъ съ греками выгодный миръ. При немъ-же болгары овладѣли даже Сербією. Послѣ Симеона въ Болгарскомъ царствѣ начались возстанія, неурядицы и столкновенія съ греками, которые, для отраженія болгаръ, привади русскаго князя Святослава Игоревича. Святославъ съ своею храброю дружиною завоевалъ Болгарію,

которая понравилась ему; «туда, по его словам, сходилась все хорошее: изъ Греціи — золото, павлоки, вино и разные плоды; изъ Чехіи и Венгріи —

серебро и кони; а изъ Руси — мѣха, воскъ, медъ и невольники». Русский князь думалъ даже перенести свой престолъ изъ Кіева въ болгарскій городъ Пе-

Султанъ Абдуль Гамидъ.

реяславецъ. Но изъ-за этого между Святославомъ и греческимъ императоромъ Иоанномъ Цимисхиемъ произошла война. Византійскій императоръ, опасаясь или русской и самъ имѣя виды овладѣть Болгарією, потребовалъ, чтобы Святославъ ушелъ изъ Болгаріи, а тотъ не согласился. На Святослава, у

саясь или русской и самъ имѣя виды овладѣть Болгарією, потребовалъ, чтобы Святославъ ушелъ изъ Болгаріи, а тотъ не согласился. На Святослава, у

котораго была не особенно большая дружина, Цимисхій напалъ съ многочисленнымъ войскомъ. Не устоявъ въ бою въ открытомъ полѣ, Святославъ заперся въ крѣпости Силистріи, по тогдашнему въ Доростолѣ, и здѣсь былъ осажденъ. Не смотря на свою малочисленность, Святославъ съ дружиною удивлялъ храбростію грековъ, но, въ концѣ концовъ, русскій князь принужденъ былъ заключить миръ съ греками и выйти изъ Болгаріи. На пути въ Кіевъ, близъ днѣпровскихъ пороговъ, Святослава стерегли печенѣги, которые въ то время иногда нападали на Русскую землю. О проходѣ Святослава съ небольшою дружиною печенѣги были извѣщены хитрыми греками, хотѣвшими такъ или иначе навсегда отдѣлаться отъ воинственнаго русскаго князя. Печенѣги напали на Святослава, истребили дружину и убили самаго князя, изъ черепа котораго печенѣжскій ханъ едѣлалъ чашу. По уходѣ и гибели Святослава, Болгарія была покорена греками.

Хотя по смерти императора Іоанна Цимисхія, болгары, подъ предводительствомъ воеводы Шишмана (жирный) и возстали, и отошли изъ подвласти грековъ, но не надолго, и Болгарія все-таки осталась подъ властію Греціи.

Исторія сосѣдей болгаръ—сербовъ—почти схожа съ исторіею Болгарскаго государства. Сербы, какъ и болгары, также не коренные жители Балканскаго полуострова, а переселенцы. Здѣсь они образовали нѣсколько отдѣльныхъ областей, управлявшихся почти независимыми одинъ отъ другаго князьями, и въ IX вѣкѣ приняли христіанство. Изъ князей сербскихъ областей, владѣтели собственно Сербіи, или *жупаны*, какъ ихъ называли, постоянно стремились прибрать къ рукамъ власть надъ всѣми этими мелкими владѣніями, и назывались иногда сербскими царями. Но не всѣ сербскія области охотно подчинялись жупанамъ. Сліянію всѣхъ сербовъ также мѣшали происки грековъ, которые, изъ своекорыстныхъ видовъ, старались сѣять между владѣтелями сербскими раздоръ. Раздоръ этотъ грекамъ былъ необходимъ, потому что соединись все славянское племя въ одно государство — грекамъ бы не устоять. Эту безурядицу прекратилъ князь Урошъ Немани; онъ въ своихъ рукахъ соединилъ власть надъ всѣми сербами и породнился съ византійскимъ императоромъ: сынъ

его, Стефанъ, женился на греческой царевнѣ. Этотъ Стефанъ первый принялъ титулъ: «Божіею милостіею первовѣнчанннй краль и самодержецъ всей Сербской земли и Поморской». Съ женитьбою и съ принятіемъ царскаго титула, къ сербамъ перешли и нравы, и установленія, и роскошь византійскія. Съ теченіемъ времени, въ Сербіи происходило почти то же самое, что и въ Болгаріи: тѣ же неурядицы, междоусобія, борьба съ греками. Такое положеніе дѣлъ длилось вплоть до Душана Мудраго, при которомъ Сербія достигла такого могущества и славы, какое уже болѣе не повторялось. При Душанѣ Сербія владѣла большею частію Балканскаго полуострова. Душанъ стремился создать такое государство, которое могло бы не допустить турокъ въ Европу. Вмѣстѣ съ этимъ Душанъ далъ сербамъ писанные законы. Какъ ни казалось сильно при Душанѣ Сербское царство, но едва онъ закрылъ глаза, какъ государство распалось на множество частей, которыми завладѣли бывшіе намѣстники, объявившіе себя независимыми правителями. Собственно же сербскіе цари не имѣли, при такомъ положеніи дѣла, никакого вліянія и значенія. Последнимъ царемъ былъ Лазарь, при которомъ Сербія окончательно потеряла свою самостоятельность.

Въ 1387 году сербы были разбиты турками на Коссовомъ полѣ и сдѣлались рабами турокъ. Вмѣстѣ съ ними, послѣ внутреннихъ неурядицъ, Герцеговина и Болгарія подпали подъ власть турокъ, которые были вызваны на Балканскій полуостровъ греческимъ императоромъ Андроникомъ.

Призванные престарѣлымъ византійскимъ императоромъ, турки, увидѣвъ безсиліе, неурядицу и неурядицу Византійскаго царства, задумали завладѣть имъ. Сперва они пріѣзжали на европейскій берегъ только по призыву греческихъ императоровъ, а вскорѣ и совершенно утвердились, поставивъ свой гарнизонъ на берегу Мраморнаго моря, въ Галлиполи. Съ тѣхъ поръ турки стали распространять свои завоеванія и подчинять себѣ одинъ за другимъ народы Балканскаго полуострова. Съ небольшимъ черезъ сто лѣтъ послѣ своего перваго появленія на Балканскомъ полуостровѣ, именно 29 мая 1453 года, турки, въ царствованіе султана Магомета II, добрались до Царьграда, на который они

уже давно смотрѣли съ завистью, какъ на городъ богатый, торговый и удобно расположенный при проливѣ, соединяющемъ два моря. Въ это время всѣ владѣнія бывшей Византійской имперіи ограничивались небольшимъ полуостровомъ, между Чернымъ и Мраморными морями, не болѣе ста верстъ въ длину и 50 въ ширину. Поводомъ же благопріятнымъ для турокъ къ отнятію у грековъ Константинополя,—послужило слѣдующее обстоятельство.

Вступивъ, въ февралѣ 1451 г., на престолъ, султанъ Магометъ II, человекъ весьма дѣятельный, настойчивый и образованный, поклялся передъ византійскими послами соблюдать вѣчный миръ и ежегодно выплачивать по 13 тысячъ рублей на наши деньги за содержаніе подъ присмотромъ и за охраненіе въ Константинополѣ турецкаго принца Урхана. Казалось дѣло было улажено; но нашлись неблагоприятные совѣтники, которые подбили византійскаго императора Константина IX требовать отъ Магомета увеличенія дани, съ угрозою, въ случаѣ несогласія султана, выпустить на свободу Урхана, который, какъ уже совершеннолѣтній и изъ царскаго рода, легко найдетъ между турками сторонниковъ и можетъ надѣлать Магомету много хлопотъ.

Султанъ пришелъ въ ярость; но, затаивъ злобу и положивъ разъ навсегда порѣшить съ Византією, онъ не далъ однако прямого отвѣта посламъ, а объявилъ, что разсудитъ требованіе императора.

Послы удалились, а турки стали готовиться къ войнѣ. Прежде всего они построили крѣпость на Босфорѣ и преградили въ проливъ свободный проходъ судамъ, опредѣливъ съ cadaго корабля извѣстную пошлину; въ суда-же, отказывавшіеся исполнить это требованіе, приказано было стрѣлять. Тогда началась война.

Въ февралѣ 1453 года, султанъ сначала придвинулъ къ стѣнамъ Константинополя артиллерію, а въ апрѣлѣ 250 тысячъ турокъ расположились предъ византійскою столицею.

Несчастный Константинъ бросился было просить помощи у западныхъ европейскихъ государствъ, но нигдѣ не нашель союзниковъ: всѣ отказывались идти на выручку императора. Только одинъ генуэзецъ Юстиніанъ прибылъ къ нему съ разными военными машинами и нѣсколькими стами воиновъ. Всего-же на-все войска, на защиту Константинополя отъ мно-

гочисленнаго непріятеля, у грековъ нашлось только 7,000 человекъ. 3 апрѣля началась бомбардировка Царьграда; но прошло нѣсколько недѣль, а успѣха не было: всѣ поврежденія греки исправляли необыкновенно быстро.

Неудачи не остановили упornaго султана. Зная, что Босфоръ проникаетъ въ самый городъ заливомъ въ видѣ рога (что у грековъ, тогда и теперь, называется Золотымъ Рогомъ) и это мѣсто слабо защищено, а греческій флотъ хотя и стоялъ по близости, но входъ ему въ Золотой Рогъ турки заградили желѣзными цѣпями, Магометъ приказалъ сюда перетасить ночью часть своихъ кораблей. Для этого изъ Босфора съ неимоверными трудностями пришлось тащить корабли цѣпья восемь верстъ сухопутьемъ. Тѣмъ не менѣе, Магометъ настоялъ на своемъ—и на утро предъ удивленными греками стояло 80 непріятельскихъ кораблей.

Корабли сильно беспокоили грековъ; хотя и были они съ необычнымъ мужествомъ, но вмѣстѣ съ императоромъ ясно видѣли, что городу не устоять противъ турокъ. Тѣмъ не менѣе греки оборонялись, а самъ императоръ не зналъ ни страха, ни отдыха, распоряжаясь защитою и являясь на самыя опасныя мѣста.

Не видя спасенія, Константинъ IX просилъ мира, обѣщая заплатить дань, какую только пожелаетъ султанъ. Но предложеніе это было отвергнуто, и на 29 мая 1453 года Магометъ назначилъ штурмъ Царьграда.

Съ разсвѣтомъ турки хлынули къ городу. Произошла страшная сѣча; турки нѣсколько разъ были отброшены отчаянною горстью грековъ, но, поддержанные страшными янычарами (войско, набранное изъ молодыхъ и отуреченныхъ христіянъ), овладѣли городскими стѣнами. Константинъ, видя, что все потеряно, въ отчаяніи воскликнулъ: «Неужели не найдется ни одной христіанской души, кто-бы изъ состраданія ко мнѣ убилъ меня!» Не желая отдаться живымъ въ руки турокъ, онъ бросился въ средину янычаръ, которые, не узнали и убили императора. Потомъ, по захватѣ Константинополя, была отыскана голова императора и принесена султану, который приказалъ ее похоронить съ почестями. Ворвавшись въ городъ, турки принялись убивать жителей и грабить, что имъ было дозволено Магоме-

томъ въ теченіи трехъ дней. Турки не пощадили и храмовъ: они врвались туда и истребляли тамъ скрывшихся грековъ.

Преданіе говоритъ, что въ соборномъ константинопольскомъ храмѣ Св. Софіи *) въ то время, какъ ворвались туда турки, шла обѣдня. И вотъ совершилось чудо: стѣна раздвинулась и скрыла отъ невѣрныхъ священнодѣйствовавшего архіерея и сослужащихъ ему. Когда Константинополь, говорить тоже преданіе, будетъ отнятъ у турокъ православнымъ царемъ съ сѣвера, ихъ побѣдителемъ, стѣна снова разступится и, скрытый, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, архіерей докончитъ прерванную обѣдню.

Сказаніе о приходѣ съ сѣвера великаго православнаго Царя распространено не только между христіанскими подданными султана, но и между турками, которые увѣрены, что рано или поздно ихъ выгонятъ изъ Европы опять въ Азію. Эта увѣренность въ непрочности пребыванія въ Европѣ едва ли и не служитъ поводомъ къ хищническому хозяйству турокъ на Балканскомъ полуостровѣ.

*) Этотъ знаменитый соборъ построенъ императоромъ Юстиніаномъ, на мѣстѣ древней церкви, также во имя Св. Софіи, сгорѣвшей въ 530 г. Юстиніанъ хотѣлъ, чтобы соборъ этотъ, по богатству и красотѣ, превзошелъ іерусалимскій храмъ Соломона, и потому не щадилъ никакихъ средствъ. 16 лѣтъ строилась софійская церковь и надъ нею трудились 10 тысячъ рабочихъ. И дѣйствительно церковь вышла на удивленіе, такъ что самъ Юстиніанъ, войдя въ первый разъ въ соборъ, настолько былъ восхищенъ его величественностію и богатствомъ, что воскликнулъ: «Соломонъ, я побѣдилъ тебя».

Въ полдень 29 мая 1453 года Царьградъ уже вполне принадлежалъ туркамъ.

Такимъ образомъ кончилось существованіе знаменитой Византійской имперіи.

Племянница убитаго императора Константина, Софія Омнишпа, бѣжала съ дядей въ Италію, а впослѣдствіи вышла за мужъ за великаго князя Московскаго Ивана III Васильевича, того самаго, что избавилъ Русскую землю отъ страшной татарской кабалы (ига монгольскаго), въ которой русскій народъ страдалъ и терпѣлъ притѣсненія и разореніе болѣе двухъ-сотъ лѣтъ. Съ тѣхъ-же поръ на русской государственной печати (русскій гербъ) сталъ вырѣзываться двуглавый орелъ, бывшій до толѣ гербомъ греческихъ императоровъ.

Завладѣвъ Константинополемъ, султанъ Магометъ II перенесъ сюда свою столицу и переименовалъ его въ Стамбулъ; церковь-же Св. Софіи была обращена въ магометанскую мечеть. Такъ основана въ Европѣ Отоманская или Турецкая имперія, наводившая своими завоеваніями трепетъ на всю западную Европу. Войска турецкія доходили даже до столицы нынѣшней Австрійской имперіи — Вѣны, но были прогнаны польскимъ королемъ Іоанномъ Собіескимъ.

Съ теченіемъ времени турки подчинили себѣ всѣ народности Балканскаго полуострова, не исключая и нынѣшней Румыніи, куда правителями ставили господарей.

Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич Старший.

Г Л А В А   В Т О Р А Я .

Магометъ II и его преемники. — Райя. — Россія и ея сношенія съ Турціею. — Войны русскихъ съ турками до Крымской кампаніи включительно.

Взявъ Константинополь, султанъ Магометъ II, какъ человекъ умный и дальновидный, весьма основательно полагалъ, что власть надъ покоренными народами держится не однимъ только страхомъ и угнетеніями, но и предоставленіемъ имъ нѣкоторыхъ правъ, въ томъ числѣ и права свободного исполненія обязанностей вѣры и свободного богослуженія. Въ силу этого чрезъ нѣсколько дней по овладѣніи Константинополемъ, онъ приказалъ грекамъ избрать патріарха «по постановленіямъ церкви». Избраннаго святителя Магометъ пригласилъ къ своему столу, отпустилъ съ честью и даже проводилъ самъ до выхода изъ дворца. Предоставивъ христіанамъ нѣкоторыя церкви для свободного богослуженія, онъ далъ патріарху охранительную грамоту, и освободилъ его отъ всѣхъ податей. Жителямъ же города приказано было возвратиться въ дома и пользоваться полною неприкосновенностью и свободою, съ сохраненіемъ ихъ вѣры и обычаевъ.

Преемники Магомета II совсѣмъ иначе смотрѣли на христіанъ и старались всемірно угнетать ихъ. Христіане въ глазахъ султановъ и всѣхъ турокъ сдѣлались не болѣе - не менѣе, какъ безгласною и презрѣнною райею, т. е. безсловеснымъ стадомъ. Мѣста епископскія и священническія стали покупаться за деньги, и ихъ повсюду заняли греки. Духовенство пришлое ни сколько не заботилось о духовномъ воспитаніи своей паствы. Въ то время какъ повсюду не только въ городахъ, но и въ селахъ, у турокъ, разбросавшихся всюду между побѣжденными народонаселеніями, строились хорошія каменные мечети, у христіанъ церкви ветшали, приходили

въ разрушеніе или пожѣщались въ самыхъ невзрачныхъ, неподходящихъ строеніяхъ. О колоколахъ и помину не стало: колокола были сняты, и турки не дозволяли имѣть ихъ христіанамъ. Низшее духовенство стало невѣжественнымъ, безграмотнымъ.

Кромѣ того, турецкое правительство лишило христіанъ всякихъ правъ, даже правъ на владѣніе пожѣстьями, такъ что многіе зажиточные люди, ради сохраненія своего имущества и правъ, обратились въ магометанство. Христіане лишились права имѣть у себя какое либо оружіе. Никто не могъ считаться хозяиномъ своего дома, имущества, земли: придутъ турки и все возьмутъ — и на нихъ негдѣ отыскать ни суда, ни расправы. У христіанъ отнято было даже право свидѣтельствовать на судѣ, потому что по турецкимъ понятіямъ и турецкой вѣрѣ, только магометанинъ можетъ пользоваться правосудіемъ; христіанинъ же, какъ презрѣнная райя, какъ безсловесное созданіе, стоитъ внѣ покровительства закона. Въ случаѣ обиды, убійства, захвата, христіанинъ тогда только можетъ выиграть на судѣ, когда въ оправданіе свое представитъ свидѣтелей — не единовѣрцевъ, а такъ какъ магометанинъ, изъ ненависти къ христіанамъ, въ свидѣтели противъ магометанина не пойдетъ, то до нынѣ и велось въ Турціи, что христіанамъ приходилось или безмолвно терпѣть и сносить обиды, или, если пожалуются, не только ничего не выиграть, но еще заплатить штрафъ и благодарить судью и обидчика, что они были такъ жалостливы, не отняли у жалобщика самой жизни. Христіане не только не допускались ни къ какимъ должностямъ, но и не могли быть въ военной службѣ. Военная повинность замѣнялась

особою податью. Кромѣ того христіане обязаны были платить еще множество другихъ податей. Съ теченіемъ времени, когда Турецкая имперія начала приходить въ упадокъ, когда турки и ихъ султаны стали изнѣженными, когда казна государственная пустѣла, вошло въ обычай сборъ податей отдавать на откупъ. Сборщики эти, разумѣется, собирали вдвойнѣ, втройнѣ, ходили по христіанскимъ землямъ съ великою силою. Творилось ужасно: бѣдныя въ конецъ разорялись, у нихъ отбиралось послѣднее, ихъ били, убивали, надъ ними безчинствовали. Кромѣ того, жители должны были солдаты сопровождавшихъ сборщиковъ содержать и терпѣть всякое ругательство и безчестіе: не христіанинъ былъ тогда хозяиномъ, а турокъ, который распоряжался у христіанина какъ у себя: тотъ всемъ пользовался; даже за честь своей жены и дочери христіанинъ не могъ быть покоенъ и долженъ былъ уступать все, если не желалъ быть убитымъ. Хорошенькихъ женщинъ просто отнимали и поставляли въ гаремы начальниковъ и властей. А какъ только христіанки попадали въ руки турокъ, то ихъ тотчасъ-же силою обращали въ магометанство, иначе убивали. Точно также, въ Сербіи, на примѣръ, каждая пятая лѣтъ производился наборъ мальчиковъ, которыхъ уводили въ Константинополь, обращали въ магометанство и воспитывали такъ, что они впоследствии дѣлались злѣйшими врагами христіанъ. Губернаторы и всякіе начальники всюду ставились изъ турокъ. Всѣ эти мѣста были покупныя и недолговѣчныя, потому что кто больше платилъ, тотъ и получалъ власть. Отъ этого всѣ наши хлопотали объ одномъ только, какъ бы нажитья съ барышемъ и запастись на будущее, въ виду недолгаго пребыванія на мѣстѣ. Такіе порядки истощали не только христіанъ, но и самую Турецкую имперію и довели до нынѣшняго печальнаго положенія, при которомъ въ казнѣ нѣтъ ни гроша и государство существуетъ одними займами у иностранцевъ, преимущественно у англичанъ, и не въ состояніи не только уплачивать долга, но и процентовъ.

Конечно случались возстанія, но они ни къ чему, кромѣ истребленія жителей, казней, разрушенія городовъ и монастырей, не приводили. Одной только Сербіи удалось кое-чего добиться. Выведенные изъ

терпѣнія притѣсненіями турокъ сербы, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, подъ предводительствомъ Георгія Чернаго (Карагеоргія) возстали. Богъ помогъ, и турки въ 1804—1805 г.г. были изгнаны изъ всей Сербіи, кромѣ Вѣлграда; но въ 1815 году сербы поднялись подъ начальствомъ Милоша Обреновича. Турки удержали только нѣкоторыя крѣпости, а Милошъ былъ избранъ въ наслѣдственные князья. Въ 1867 году всѣ сербскія крѣпости были очищены турками. Давнишняя вражда между родомъ Обреновичей и Карагеоргіевичами, изъ желанія послѣднихъ овладѣть престоломъ, привела къ тому, что князь Милошъ Обреновичъ былъ убитъ подкупленными убійцами. Со времени избранія Обреновичей въ наслѣдственные князья, Сербія немного вздохнула свободнѣе, хотя и оставалась въ подчиненіи и зависимости Турціи, съ обязанностію выплачивать дань туркамъ.

Хуже всѣхъ было положеніе болгаръ и Болгаріи. Эта прекрасная, Богомъ надѣленная страна, по своему плодородію — житница всего Балканскаго полуострова, подъ владычествомъ турокъ упала въ промышленности и производительности.

Въ дни блеска Болгарскаго государства, болгаре образовали у себя отдѣльное патріаршество въ городѣ Трновѣ; патріаршество это было турками уничтожено и болгары подчинились патріарху константинопольскому. Съ этимъ подчиненіемъ заведены были по всей Болгаріи въ дѣлахъ церкви константинопольскіе порядки, а въ богослуженіи введенъ греческій языкъ. Богатые стыдились называть себя болгарами, а выдавали себя за грековъ, и самая народность почти исчезла. Даже во всей Европѣ позабыли, что болгары принадлежатъ къ славянскому племени. Возстанія не приводили ни къ чему, кромѣ усиленія гнета. И только съ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія между болгарами стала возникать мысль, что они славяне, а не греки. Но это обстоятельство произошло благодаря сношеніямъ болгаръ съ Россією.

И дѣйствительно, изъ всѣхъ славянскихъ народностей, одна только Россія не исчезла съ лица земли, не смѣшалась съ другими неславянскими племенами, не подпала въ зависимость другихъ государствъ, подобно болгарамъ, сербамъ, чехамъ, хорватамъ и другимъ, изъ которыхъ одни подчини-

лись туркамъ, а другіе—нѣмцамъ. Не смотря ни на какія невзгоды, каковы нашествія половцевъ, монголовъ, поляковъ, шведовъ и въ новѣйшее время, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, непобѣдимого Наполеона съ его несмѣтными полчищами, Россія, одна, безъ союзниковъ, собственными силами выходила изъ тяжелыхъ испытаній побѣдительною и, не утративъ народности, служила всегда оплотомъ и спасительною, по большей части, своихъ благодарныхъ сосѣдей. Послѣ каждой войны она выходила торжествующею и, увеличиваясь въ владѣніяхъ, заняла громадныя пространства въ Европѣ и Азіи. Въ то время какъ другіе славяне, и даже православная Греція, искали спасенія въ покровительствѣ католиковъ, нѣкогда могущественныхъ, и многіе славяне приняли латинскія буквы, Россія осталась преданной грековосточной православной вѣрѣ и сохранила ее во всей чистотѣ до настоящаго времени, также сохранила на всемъ громадномъ пространствѣ своихъ владѣній и русскій языкъ, и русскую азбуку, разъ навсегда, при принятіи христіанства, унаслѣдованную изъ Болгаріи, отъ просвѣтителей славянъ, болгарскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія. Вотъ это-то единство языка, православной вѣры и любовь къ отечеству и помогли Россіи сохранить независимость своей народности.

Немудрено поэтому, что слабыя, угнетенныя, разоренныя племена славянскія смотрѣли и смотрятъ на Россію какъ на свою защитницу и покровительницу, тѣмъ болѣе, что султаны турецкіе съ самаго начала сношеній своихъ съ Россією, относились къ ней и ея царямъ съ полнымъ уваженіемъ и дорожили ихъ дружбою, въ то время какъ на другихъ западныхъ государей, напримѣръ на австрійскихъ, смотрѣли съ пренебреженіемъ.

Первыя сношенія съ турками начались у насъ при Іоаннѣ III Васильевичѣ, женатомъ на греческой царевнѣ, какъ сказано выше. Слѣдовательно, турки искали нашей дружбы тотчасъ по завоеваніи Константинополя и начала господства ихъ на Балканскомъ полуостровѣ, когда еще султаны турецкіе были могущественны и наводили ужасъ на всю западную Европу. Турки настолько сознавали силу Россіи, что молчали и тогда, когда царь Иванъ Васильевичъ Грозный завоевалъ Астраханское царство, на которое султанъ турецкій самъ

имѣлъ виды и ханъ котораго былъ подручникомъ турокъ. Мало того, когда турки, при томъ-же Іоаннѣ Грозномъ, возвращаясь во-свои, по завладѣніи на Кавказѣ однимъ городкомъ на рѣкѣ Сунжѣ*), безъ всякой войны, были крѣко побиты русскими,—за то только что осмѣлились, безъ спросу, пройти по нашимъ владѣніямъ,—султанъ промолчалъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Наши послы не только съ почетомъ принимались въ Константинополь, но и выпрашивали разныя льготы и защиту греческому духовенству въ Палестинѣ; русскіе цари заступались за притѣсняемыхъ христіанъ, и, по настоянію ихъ турки уступили патриарху цареградскому церковь.

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ султанъ искалъ нашего союза противъ польскаго короля и просилъ защиты отъ набѣговъ донскихъ казаковъ, которыми нашъ государь послалъ грамоту, чтобы они съ турками «жили мирно и не ворошили». Въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича русскіе едва начали войны изъ за тѣхъ-же казаковъ: эти непосѣды-воины, недовольствуясь небольшими набѣгами на турецкія владѣнія, налетѣли на турецкую крѣпость Азовъ и, отразивъ турецкія войска, шедшія на выручку, взяли ее. Зная, что турки этимъ не удовольствуются, а пришлютъ еще большую рать, которую имъ, по малочисленности, не одолѣть, казаки послали къ царю выборныхъ съ просьбою, чтобы Государь взялъ Азовъ «подъ свою великую руку». Пріобрѣтеніе Азова имѣло большое значеніе: владѣя имъ, русскіе могли сдерживать на окраинѣ государства набѣги татаръ и другой пограничной вольницы. Съ другой стороны, Русское государство еще не совсѣмъ оправилось, окрѣпло и собралось съ силами послѣ самозванщины и поляковъ, и потому рѣшено было до поры до времени отказаться отъ Азова. Царь послалъ казакамъ, которые владѣли Азовомъ уже около пяти дѣтъ, приказъ уйти изъ крѣпости: тѣ послушались, вышли, но, уходя, не оставили камня на камнѣ, взорвавъ Азовъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

До сихъ поръ русскіе поддерживали еще дружественныя сношенія съ турками, но при премирнѣхъ царя Алексѣя Михайловича, Ѳеодоръ Алексѣе-

*) Притокъ рѣки Терека, впадающаго въ Каспійское море.

вичь, между турками и русскими произошел разрывъ, а затѣмъ война, кончившаяся тѣмъ, что турки принуждены были заключить съ русскими миръ и навсегда отказаться отъ притязаній на землю по Днѣпру до Запорожья, и обѣщались не дѣлать набѣговъ на Русскую землю. Русскимъ же предоставили ловить рыбу въ Черномъ морѣ и вывозить изъ Крыма соль и сѣно съ небольшою пошлиною. Это была *первая русская война съ турками* (1677 г.). Заключенный, по окончаніи этой войны миръ, обѣ стороны должны были соблюдать *двадцать лѣтъ*. Съ перваго же столетовенія турки сразу увидѣли, что воевать съ русскими не легко.

Съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней при всѣхъ войнахъ турокъ съ русскими, турки были биты и, вромѣ внутренняго разлада, Турція никому иному не обязана уничтоженіемъ ея могущества, какъ только единственно одной Россіи.

Уже при слѣдующей войнѣ (1686 г.), поработанные турками народы стали обращаться въ Россію съ просьбою о помощи. Осенью 1688 г. низложенный константинопольскій патріархъ Діонисій писалъ правительницѣ Русскаго государства (во время малолѣтства братьевъ, царей Ивана и Петра Алексѣевичей) царевнѣ Софіи: «Всѣ благочестивые святаго вашего царствія ожидаютъ, сербы и болгары, молдаване и валахи; возстаните, не дремите, придите спасите насъ!» То же писалъ и сербскій святитель Арсеній, а аеонскій архимандритъ Исаія, привезшій оба эти письма, выдавалъ себя посланникомъ отъ грековъ и славянъ, чтобы умолять великихъ государей напасть на турокъ и не отдавать православныхъ въ неволю папешниковъ*), которые поотнимали церкви и распространяютъ католичество.

Начатая, въ союзѣ съ поляками и австрійцами, при царевнѣ Софіи, война съ турками «за неправды турецкія», окончилась, по удаленіи Софіи отъ правленія государствомъ, при царѣ Петрѣ Первомъ Великому, взятіемъ Азова и оставленіемъ его, по мирному договору, за Россію.

Третья война съ турками началась у насъ по пройскамъ шведскаго короля Карла XII, который, разбитый русскими 29 июня 1709 года подъ Пол-

тавою, бѣжалъ въ Турцію съ небольшимъ отрядомъ казаковъ. Эти казаки дѣлали набѣды въ русскіе предѣлы, чтобы подговорить оставшихся вѣрными русскому царю казаковъ присоединиться къ Карлу XII. Разумѣется, эти набѣды враждебныхъ намъ казаковъ вызвали со стороны русскихъ пограничныхъ властей преслѣдованія набѣзавшихъ недруговъ. Одинъ разъ, провожая этихъ набѣдниковъ, русскіе заскакали на Турецкую землю. Недоброжелатели Россіи постарались внушить турецкому султану, что русскіе, безъ объявленія войны, ворвались въ султанскія владѣнія и нарушили миръ. Султанъ объявилъ намъ войну.

Занятыя въ это же время продолжавшея войною со шведами, русскіе, желая успокоить турокъ и, такимъ образомъ, не разъединяя военныхъ силъ, докончить ослабленіе Швеціи, заключили, послѣ нѣсколькихъ сраженій, миръ съ турками и уступили имъ Азовъ, въ полной увѣренности, что крѣпость эта переходитъ къ туркамъ только временно, что впоследствии и случилось въ *четвертую войну* съ турками, при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, когда Азовъ былъ взорванъ.

Быстрый ростъ Россіи со времени Петра Великаго сталъ беспокоить западныя государства. Чтобы подорвать могущество Россіи, сосѣди наши всѣми мѣрами старались нанести намъ вредъ. Такъ, при императрицѣ Екатеринѣ II Алексѣевнѣ, французское правительство сыпало деньгами при султанскомъ дворѣ, только чтобы произвести разрывъ между Россією и Турцією. Этому помогли и поляки. Случайное сожженіе, при преслѣдованіи польскихъ бѣглецовъ, одной турецкой деревушки было выставлено нашими недоброжелателями предъ султаномъ какъ открытое нарушеніе мира и вторженіе въ турецкія области. Султанъ послушался и объявилъ русскимъ войну, пятую по порядку, длившуюся съ 1768 до 1774 года. Эта война, болѣе чѣмъ доселѣ бывшія, возвеличила русское оружіе и ослабила Турцію. Русскіе прославились на сушѣ и на морѣ. Румянцевъ въ двухъ сраженіяхъ на голову разбилъ турокъ, въ особенности при рѣчкѣ *Кагуль*, гдѣ съ 17 тысячами войска онъ одержалъ побѣду надъ 150,000 турокъ, а графъ Алексѣй Орловъ, при Чесмѣ, уничтожилъ весь турецкій флотъ, который былъ сожженъ; только остался

*) Католиковъ, отъ слова папа—глава католиковъ

Великій Нязь Алексій Александровичъ.
Начальникъ всѣхъ морскихъ командъ на Дунаѣ.

одинъ корабль, да и тотъ былъ взятъ русскими въ плѣнъ.

Война эта окончилась миромъ въ *Кучукъ-Кайнарджии*. Россія по этому миру приобрѣла часть азовскихъ и черноморскихъ береговъ; русскимъ купеческимъ кораблямъ открыто свободное плаваніе въ Средиземное море; султанъ обязался уплатить военныя издержки. Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ за-

мѣчательнѣе еще, что въ немъ въ первый разъ Россію выговорены нѣкоторыя льготы для христіанскихъ подданныхъ Турціи: 7-ю статью этого мира Порта обязалась принимать во вниманіе всѣ представленія нашего посланника въ пользу церкви, и позволено, кромѣ по-сольской домово-церкви, воздвигнуть въ Га-

латѣ *) «публичную грекороссійскаго исповѣданія церковь, которая никакому оскорбленію подвержена не будетъ»; 16-ю статью Турція обязалась: «не препятствовать исповѣданію христіанскаго закона, постройкѣ и поправкѣ церквей, возвратитъ монастырямъ и частнымъ лицамъ земли и владѣнія въ

извѣстныхъ мѣстностяхъ; признавать и почитать духовенство; относительно своихъ христіанскихъ подданныхъ «наблюдать всякое человеколюбіе и великодушіе въ наложеніи денежной подати, и получать оную чрезъ депутатовъ, присылаемыхъ всякіе два года». «При такомъ положенной подати точномъ платежѣ, никто изъ пашей и губернаторовъ, или какая-бы то ни было особа, не имѣетъ притѣ-

снять ихъ, или требовать отъ нихъ какого-либо платежа или другихъ налоговъ, подѣ вакимъ-бынаименованіемъ или предлогомъ то ни было».

Князьямъ Молдавіи и Валахіи позволено имѣть при дворѣ султана своихъ повѣренныхъ, «которые будутъ благосклонно приняты *) и въ милости почитаемы». Ми-

нистру-же русскому предоставлено «говорить въ пользу княжествъ».

Такимъ образомъ, когда ни одно изъ другихъ европейскихъ государствъ, съ самыхъ первыхъ дней владычества турокъ надъ христіанами, не позаботилось объ ихъ судьбѣ, ни словомъ, ни дѣломъ,

Генераль-Маіоръ Черняевъ.

*) Часть города.

*) т. е. вслушиваемы.

православная Россія является первою покровительницею и ходатайницею за угнетенных и, въ своихъ побѣдахъ, не забываетъ свое предстательство за несчастную райю освятить письменнымъ договоромъ.

По присоединеніи къ Россіи Крыма, Турція изыскивала поводы воевать съ нами. Наконецъ, по внушеніямъ непріязненныхъ намъ втайнѣ Пруссіи, Швеціи и Англіи, завидовавшихъ могуществу и усиленію Россіи, она начала предъ посланникомъ нашимъ предъъявлять разныя незаконныя притязанія. Посланникъ не могъ собственною властію уладить пререканій и потому отписалъ о несогласіяхъ съ Турціею въ Петербургъ, прося совѣтовъ и наставленій. Султанъ же, не выждавъ отвѣта изъ Петербурга, приказалъ, 5 августа 1787 г., заключить посланника нашего въ тюрьму и въ то же время двинулъ флотъ, предполагая застать насъ врасплохъ. Но онъ горько ошибся. Императрица Екатерина, еще заблаговременно извѣстясь о непріязненномъ отношеніи къ намъ турецкаго правительства, исподоволь приказала дѣлать приготовленія, и потому 7 сентября 1787 г., былъ изданъ манифестъ о войнѣ съ турками. Это была *шестая война*, вся слава побѣдъ которой принадлежитъ замѣчательнѣйшему полководцу всѣхъ вѣковъ и народовъ — нашему Александру Васильевичу Суворову.

Помимо того, что русскіе въ эту войну на каждомъ шагу разбивали турокъ, Суворовъ въ два раза нанесъ страшнѣйшее пораженіе султанскимъ войскамъ: сперва при Фокшанахъ, а потомъ при Рымникѣ. Послѣ этого разгрома турки пали духомъ. Суворовъ же, получившій за побѣду при Рымникѣ, прозваніе Рымникскаго, взялъ штурмомъ, по приказу главнокомандовавшаго въ эту войну князя Потемкина, турецкую первоклассную крѣпость Измаиль. Послѣдствіемъ такихъ пораженій русскими турокъ былъ миръ, заключенный 29 декабря 1791 года, въ Яссахъ (Молдавія), по которому Турція уступила намъ съ Очаковскимъ уѣздомъ земли по Днѣстру, подтвердила присоединеніе къ Россіи Крыма и обязалась не нападать на земли грузинскаго царя и на поселенія наши на р. Кубани. Кромѣ того, по ясскому договору, Порта должна была отказаться отъ права смѣнять въ дунайскихъ княжествахъ (Молдавіи и Валахіи) господарей, по произволу, когда вздумается.

Но при императорѣ Александрѣ Павловичѣ *Благословенномъ*, Турція подпала подъ влияніе недоброжелательной намъ Франціи, и нарушила одну изъ статей ясскаго договора, именно — стала смѣнять господарей дунайскихъ княжествъ. Русскія войска, по приказанію императора, вступили въ эти княжества, и война съ турками, по счету *седьмая*, объявлена была 18 декабря 1806 года и длилась шесть лѣтъ, по 1812 годъ, когда, послѣ поражений, нанесенныхъ Кутузовымъ, султанъ заключилъ съ русскими въ Бухарестѣ миръ, — турки уступили намъ всю Бессарабію и границу нашу съ Турціею назначена была р. Прутъ, впадающая въ Дунай.

Но турки не вполне выполнили статьи Бухарестскаго договора: они по-прежнему Молдавію и Валахію обременяли налогами и поборами, избивали сербовъ и возбуждали противъ Россіи горскіе народы на Кавказѣ. Для устраненія этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, еще императоръ Александръ I Благословенный предполагалъ наказать турокъ, но вмѣшались въ это дѣло австрійцы — и переговоры затянулись до 1820 года. Затѣмъ возстали противъ турокъ греки, которые дрались за свою свободу цѣлыя шесть лѣтъ, такъ что наконецъ Европа обратила вниманіе на эту бойню. Между императоромъ Николаемъ Павловичемъ и Англіею произошло соглашеніе — принудить турокъ прекратить рѣзню и притѣсненія грековъ, дать имъ самостоятельное управленіе и довольствоваться только податью. Къ русскому и англійскому соглашеніямъ пристали австрійцы, пруссаки и французы. Общими усиліями эти державы успѣли склонить султана прекратить военныя дѣйствія. Но начальніе египетскихъ войскъ продолжалъ неистовствовать надъ греками. Тогда союзные флоты, 8 октября 1827 г., вступили въ Наваринскій заливъ; турки открыли по кораблямъ союзниковъ пальбу, и дѣло кончилось тѣмъ, что весь турецкій флотъ въ теченіи четырехъ часовъ былъ истребленъ. Султанъ пришелъ, при вѣсти объ этомъ, въ ярость и всю вину свалилъ на Россію, объявивъ ее, въ воззваніи, непримиримымъ врагомъ всѣхъ мусульманъ. Кромѣ того, онъ задержалъ русскія суда, закрылъ Босфорскій проливъ и подбивалъ Персію, которая въ то время вела мирные переговоры, снова воевать съ нами.

Тогда императоръ Николай Павловичъ манифестомъ 14 апрѣля 1828 г. объявилъ войну Турціи. Русскіе, въ Европейской Турціи — подъ начальствомъ Дибича, а въ Азіатской — Паскевича всюду разбивали турокъ. Дибичъ взялъ наконецъ Адрианополь, въ которомъ 2 сентября 1829 г. заключенъ былъ миръ. По этому миру султанъ уступилъ намъ восточный берегъ Чернаго моря, призналъ независимость вновь образовавшагося Греческаго королевства, предоставилъ русскому государю покровительство надъ Сербією, Молдавією и Валахією, и обязался не вмѣшиваться въ самостоятельное управленіе этихъ земель, открылъ русскимъ судамъ свободное плаваніе по Дунаю и Дарданелламъ, и уплатилъ полтора милліона голландскихъ червонцевъ за военныя издержки.

Величіе и могущество Россіи не давали покоя западнымъ европейскимъ государствамъ; видя разстройство Турецкой имперіи во всѣхъ отношеніяхъ, всегдашнія побѣды русскихъ надъ турками заботы русскаго правительства о подвластныхъ Турціи христіанскихъ племенахъ, они боялись, какъ-бы Турція не подчинилась совсѣмъ Россіи. Но болѣе всего читали къ намъ ненависти Австрія и Англія. Австрія, хотя и нѣмецкая держава, но большая часть областей въ ней славянскія (сербы, хорваты, чехи, руссины, моравцы, словаки и хорутане). При такомъ преобладаніи славянъ, Австрія ежеминутно опасается за свое существованіе. Если Австрія въ 1849 году не могла справиться съ венгерцами и должна была просить русскихъ помочь, гдѣ-же ей справиться съ славянами, которыхъ гораздо больше венгерцевъ. Вотъ эти обстоятельства и заставляютъ Австрію смотрѣть на Россію враждебно.

Англія-же, которой Турція кругомъ должна, боится, что, въ случаѣ уничтоженія Турціи, не съ кого будетъ получить долги. Кромѣ того, Россія въ Азій владѣеть громадными пространствами и подвигается мало-по-малу къ англійскимъ владѣніямъ; поэтому англичане опасаются, какъ-бы Россія современемъ не завладѣла этими землями, тѣмъ болѣе что въ Индіи собственно англійскихъ войскъ мало, а войска изъ туземцевъ не надежны. Наконецъ англичане, какъ народъ торговый, всюду проникли съ своими товарами, вездѣ открыли свои конторы и склады, и потому страшатся, что ихъ товары будутъ

вытѣснены русскими. Эти-то обстоятельства и заставляютъ англичанъ вредить намъ.

Подобный случай представился имъ въ 1852 году. Благодаря нашимъ побѣдамъ надъ турками и постоянному заступничеству православныхъ русскихъ государей, православная вѣра и церковь издревле пользовались особеннымъ покровительствомъ султана. Но въ 1852 г., по проискамъ католическаго духовенства, султанъ нарушилъ эти права, и издалъ постановленіе въ пользу католиковъ, въ прямой ущербъ церкви православной. Понятное дѣло Русское правительство не могло снести такого оскорбленія православной вѣры; и это императоръ Николай считалъ тѣмъ правильнѣе, что Турція въ 1833 году была спасена и осталась цѣла единственно при помощи русскихъ войскъ, о присылкѣ которыхъ султанъ умолялъ для усмиренія воинственнаго египетскаго паши, не только возставшаго противъ падишаха, но и грозившаго уничтожить самое существованіе Турецкой имперіи. Поэтому русское правительство потребовало возстановленія нарушенныхъ правъ православнаго духовенства на Востокѣ. Турки, подученные англичанами и подкупленные англійскимъ золотомъ, не только воспротивились, но еще осмѣлились не только сами явно высказывать сомнѣніе — имѣемъ-ли мы, русскіе, право заступаться за своихъ единовѣрцевъ, но и подбили нашихъ западныхъ недоброжелателей заняться разсмотрѣніемъ и обсужденіемъ этого дѣла, во что никогда западныя державы до того времени не вмѣшивались.

Императоръ Николай Павловичъ двинулъ войска въ Дунайскія княжества, съ единственною цѣлью добиться отъ турокъ возстановленія нарушенныхъ правъ, о чемъ и послѣдовалъ манифестъ въ іюнѣ 1853 года.

Между тѣмъ, спасенная въ 1849 году Австрія и жадная до барышей Англія, въ надеждѣ поживы на счетъ Россіи и въ желаніи унизить ее, подъ благовидною личиною помирить насъ съ турками, предложили свое, якобы, посредничество, имѣя въ виду, покарать бесполезные переговоры, собраться съ силами и приготовить войска. Къ этимъ нашимъ друзьямъ — присоединился еще третій, императоръ французовъ Наполеонъ III, и союзники объявили Россіи войну, известную подъ именемъ *Крымской*,

въ которой Россія прославилась 11-мѣсячной обороной Севастополя и побѣдами надъ турками въ Азіи.

Не имѣя возможности сломить русскихъ и ограничившись лишь взятіемъ Севастополя и, въ то же время, потерявъ до 800,000 войска, союзники уви-

дѣли полнѣйшую невозможность продолжать войну, стоившую имъ, кромѣ жертвъ людьми, и громад-ныхъ денегъ, и потому открыты были переговоры въ Парижѣ, окончившіеся 18 марта 1856 года. По этому миру Россія потеряла устья Дуная, нынѣ возвращенныя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Положеніе славянъ въ Турціи послѣ крымской войны. — Возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ. — Война Турціи съ Сербією и Черногорією. — Причины послѣдней войны съ Россією. — Объявленіе войны и переходъ черезъ Прутъ. — Прибытіе Государя Императора къ арміи.

Со времени Крымской войны Турція стала поступать съ христіанами еще хуже прежняго. Положеніе христіанъ, въ особенности болгаръ, ухудшилось съ того времени, когда русскіе, окончательно покоривъ въ 1865 году Кавказъ, предоставили черкесамъ на выборъ или оставаться на прежнихъ мѣстахъ жительства и, въ такомъ случаѣ, подчиняться безпрекословно вѣмъ распоряженіямъ русскаго правительства, или же выселиться. Свыше ста тысячъ головорѣзовъ выселилось въ Турцію, гдѣ турецкое правительство разселило ихъ между христіанами въ перемежку.

Такое разселеніе послужило страшнымъ зломъ для христіанъ. Черкесы, непривыкшіе ни къ какому самостоятельному мирному труду, стали смотрѣть на несчастныхъ болгаръ какъ на своихъ батраковъ и, пользуясь покровительствомъ турокъ, своихъ единовѣрцевъ, безнаказанно грабили, притѣсняли, рѣзали христіанъ, заставляли работать на себя. Всѣ жалобы на такія своеволія черкесовъ, разумѣется, не приводили ни къ чему: турокъ не выдавалъ черкеса, какъ своего единовѣрца.

Не лучше приходилось и другимъ подвластнымъ Турціи христіанамъ—боснякамъ и герцеговинцамъ. «Турки относятся къ намъ, писали христіане въ обращеніи своемъ къ европейскимъ державамъ, прося ихъ защиты, какъ къ собакамъ, грабятъ, убиваютъ безнаказанно, безчестятъ нашихъ женъ и дочерей.

Мы не можемъ болѣе выносить гнета турецкаго: мы или должны сдѣлаться магометанами, или умереть».

Приводитъ бесчисленные примѣры звѣрства турокъ, черкесовъ, башибузукъ *) надъ христіанами, и въ особенности надъ несчастными болгарами, положительнаго невозможно: для этого пришлось-бы написать нѣсколько книгъ. Достаточно сказать, что, напримѣръ, въ Болгаріи, когда туда посланы были шайки черкесовъ, башибузукъ, съ прибавленіемъ регулярныхъ войскъ, для удержанія болгаръ отъ открытаго возстанія, въ одинъ какой нибудь мѣсяцъ сожжено и разграблено было до 150 селеній и городовъ, побито до 100,000 безоружныхъ жителей, болѣе 20 тысячъ дѣвушекъ уведено для продажи въ гаремы. За рубль на наши деньги можно было купить любую взрослую болгарскую дѣвушку, а дѣтей чуть не за грошъ. Турки разрѣзали животъ беременнымъ женщинамъ, вынимали изъ утробы младенцевъ и разрѣзали на части. Малыхъ дѣтей выносили съ высоты на ятаганы и кинжалы. Женщинъ насиловали самымъ постыднымъ образомъ и потомъ убивали, обрѣзывая имъ груди, уши, носы, или, начиная несчастныхъ порохомъ, взрывали. На базарахъ открыто продавали награбленныя серебряныя вещи, напримѣръ серьги, кольца, запястья. И

*) Иррегулярное войско составленное изъ всякаго сброда.

въ какомъ видѣ эти вещи предлагались покупателямъ: серьги—вмѣстѣ съ оторванными ушами, кольца—съ обрубленными пальцами, запястья—съ кистями руки. Однимъ словомъ, не было варварства, которому бы христіане не подверглись; не было униженія, котораго бы они не испытали. Вотъ какіе на примѣръ факты случались на каждомъ шагу: въ самый день Рождества Христова къ кмету (старшина) одного селенія пріѣхалъ заптій (жандармъ турецкій). Прознавъ, что по сосѣдству, у одного болгарина есть красивыя дочери, заптій сталъ требовать, чтобы кметъ отвелъ его на постой именно къ этому болгарину—разумѣется не съ добрымъ намѣреніемъ. Старшина отговаривался исполнить желаніе заптія, потому что тамъ уже стояли турецкіе солдаты. Взбѣшенный заптій рѣшился выместить свою неудачу надъ ничѣмъ неповиннымъ старшиною. Онъ приказалъ бѣдняку стать на четверенки, наложилъ на спину сѣдло, подтянулъ подпругу, сѣлъ верхомъ и приказалъ везти себя къ кабаку. И несчастный болгаринъ долженъ былъ, волей-неволей, провозити на себѣ храбраго

турка. Добравшись до кабака, турокъ привязалъ воображаемую лошадь къ столбу, подложилъ несчастному сѣна, приказалъ ему ѣсть. Болгаринъ, заливаясь слезами, не смѣлъ отказаться, изъ боязни быть зарѣзаннымъ, и долженъ былъ жевать траву. И это было въ Тырновѣ, въ первый день Рождества Христова, когда вездѣ всѣ прочіе христіане, даже самые бѣдные, встрѣчаютъ этотъ праздникъ въ веселіи.

Что говорить про людей, когда и самые храмы

Божіи не были пощажены. Турки оскверняли церкви и издѣвались надъ священниками православными: безбожники вносили дохлыхъ собакъ въ церкви и заставляли священниковъ пѣть надъ падающею. Пишущій эти строки самъ видѣлъ, въ октябрѣ 1876 года, въ Сербіи въ селѣ Слатинѣ, въ какомъ состояніи находилась церковь послѣ побывки въ ней турокъ. Это была хорошая каменная церковь. Стекла въ окнахъ были перебиты; паникадило сорвано и разломано по частямъ. Со всѣхъ иконъ вѣнчики серебряные сорваны; мѣстные иконы вынуты съ своихъ мѣстъ и разбросаны по полу. Икона Спасителя хорошаго письма расколота надвое. Богослужебныя книги валялись изорванными; изъ алтаря сосуды вынесены; престолъ былъ ободранъ, и на немъ лежали груды всякаго хлама: тутъ были и тряпки, и рваныя книги свѣтскаго содержанія, осколки горшковъ, уголья, и тутъ-же истерзанная плащаница съ изображеніемъ Христа во гробѣ.

Не довольствуясь грабежомъ и убійствомъ христіанъ, турки въ славянскихъ поселеніяхъ, время пребыванія своего сопровождали непремѣнно и разрушеніемъ, и потому города, села, гдѣ проходили турки, представляли самую грустную, возмущающую дѣлу, картину. Наводненіе, пожаръ—бѣдствія; но они оставляютъ хоть стѣны; турки-же не оставляютъ камня на камнѣ. Изъ видѣннаго нами разрушенія мы убѣждались, что турки просто-напросто забавлялись въ христіанскихъ поселеніяхъ превра-

2

Полковникъ Кирѣевъ.

Убитъ въ сраженіи при Раковичахъ 6 іюля 1876 года.

ки въ славянскихъ поселеніяхъ, время пребыванія своего сопровождали непремѣнно и разрушеніемъ, и потому города, села, гдѣ проходили турки, представляли самую грустную, возмущающую дѣлу, картину. Наводненіе, пожаръ—бѣдствія; но они оставляютъ хоть стѣны; турки-же не оставляютъ камня на камнѣ. Изъ видѣннаго нами разрушенія мы убѣждались, что турки просто-напросто забавлялись въ христіанскихъ поселеніяхъ превра-

щеніемъ, растрескавшихся уже отъ огня, стѣнъ въ мелкій щебень, съ явнымъ замысломъ, чтобы потомъ нельзя ихъ было возстановить. Разрушенныя и обожженныя жилища представляли не пепелища, надъ которыми высились остовы стѣнъ и трубъ, — а просто громадныя груды мусора, безъ всякой возможности выбрать хоть одинъ годный кирпичекъ. Нужно замѣтить, что славянскія села, деревни и мѣстечки на Балканскомъ полуостровѣ нисколько не похожи на наши велико-русскія, гдѣ ваѣкъ на ладони, вѣсь и вервь идутъ ряды деревянныхъ и заокпѣлыхъ, по большей части невзрачныхъ хатокъ, между которыми рѣдко можно встрѣтить бѣдное деревцо. Тамъ совсѣмъ иначе: селенія тонуть всѣ въ зелени; зданія каменные, крытыя черепицею. Измученный и усталый отрядъ русскихъ добровольцевъ, въ сербскую войну, проходивъ цѣлый день по горахъ, видитъ издали спрятанное въ зелени славянское селеніе, тянущееся на цѣлыя версты. Каждый думаетъ: «отдохнемъ здѣсь!» и что же? — Чѣмъ ближе подъѣзжаешь, тѣмъ на сердцѣ становится жутче, грустнѣе: изъ за зелени са-

довъ выглядываютъ разрушенныя кафаны *), груды обвалившихся, превращенныхъ въ щебень домовъ, пустыя огороды съ капустой, чеснокомъ и лукомъ, брошенныя земледѣльческія орудія, колы (тележки), и ни одной человѣческой души. Въѣдешь въ селеніе — тоже людей не видно; только поднимается надрывающій душу пронзительный вой и лай собакъ, повинуемыхъ хозяевами, жалобное мяуканье кошекъ,

*) Въ каждомъ почти селеніи есть непременно нѣчто въ родѣ постоялаго двора, гдѣ можно найти черный кофе, ракию (водку мѣстнаго производства), овечій сыръ, кукурузный хлѣбъ и ячменный кормъ коню: — это кафаны.

воркованіе голубей, выпархивающихъ изъ-подъ уцѣлѣвшихъ крышъ; гдѣ-то спрятавшіеся гуси шумно взлетаютъ изъ-за зелени и, поднимаясь высоко надъ всадниками, кружатся въ воздухѣ съ громкимъ гоготаньемъ. Эги лай и вой собакъ, мяуканье кошекъ, воркованье голубей, гоготъ гусей, при отсутствіи человѣка, при всеобщемъ разрушеніи, — производятъ подавляющее ужасное впечатлѣніе на свѣжаго чловека!

Естественнымъ послѣдствіемъ турецкаго гнета и звѣрства явилось возстаніе, вспыхнувшее первоначально въ Герцеговинѣ, на западной сторонѣ Балканскаго полуострова, въ іюнѣ 1875 года.

Вслѣдъ за тѣмъ возстаніе распространилось и на Боснію; начались стычки, отправленіе войскъ турецкихъ въ возставшія провинціи, казни, жестокости... Западныя державы, вѣсто того, чтобы съ твердостью заступиться за христіанъ, пускались въ безплодныя съ турками переговоры и переписку, какъ будто бы дѣло шло съ какимъ нибудь благоустроеннымъ государствомъ, а не съ варварами. Вмѣсто того, чтобы подѣйствовать на злодѣевъ силою, австрійскій министръ,

Полковникъ Раевскій.

Убитъ въ сраженіи при Адровацѣ 20 августа 1876 года.

графъ Андраши, составилъ планъ преобразованій въ Турецкой имперіи для улучшенія быта христіанъ. Въ этомъ планѣ австрійскаго министра требовалось дать равноправіе христіанамъ наравнѣ съ мусульманами, простить возставшихъ, дать средства возвратиться бѣжавшимъ, построить имъ дома и снабдить всѣмъ необходимымъ для перваго обзаведенія, избавить на извѣстное время отъ поборовъ и предоставить самоуправленіе, т. е. право выбирать должностныхъ лицъ изъ своихъ же, и управляться по своимъ обычаямъ. Разумѣется, турецкому правительству ничего не стоило не только согласиться исполнить требованіе

западныхъ державъ, но и наобъщать еще больше, чѣмъ требовалось, съ явнымъ намѣреніемъ ничего не исполнить изъ обѣщаннаго, подобно тому, какъ ничего не было выполнено въ пользу христіанъ Балканскаго полуострова со времени Крымской войны. Немногіе изъ возставшихъ повѣрили въ обѣщаніе Турціи, и когда нѣкоторые изъ этихъ легковѣрныхъ возвратились, то или были обезглавлены, или посажены на колъ. Мало того, Турція, на представленія великихъ державъ о звѣрствахъ и избіеніяхъ христіанъ башибузумами и черкесами, притворилась какъ бы ничего незнающею и даже казалась обиженною. Вообще во всѣхъ поступкахъ Турціи проглядывала изворотливость, лицемеріе, упорство и нахальство, желаніе затянуть дѣло, обмануть Россію и Германію, горячо и искренно вступившихся за христіанъ. Съ одной стороны турецкое правительство какъ будто бы соглашалось съ доводами великихъ державъ, относительно необходимости преобразованій въ пользу христіанъ, а съ другой—втайнѣ старалось возбудить къ намъ ненависть. Наконецъ, раздраженіе турокъ противъ христіанъ дошло до того, что ни однимъ турецкимъ подданнымъ стало плохо. Иностранцы не могли нигдѣ показываться, а въ одномъ турецкомъ городѣ, Салоникахъ, турки убили даже французскаго и германскаго консуловъ. Тогда европейскія державы, для предупрежденія повторенія подобныхъ злодѣйствъ, послали къ берегамъ Турціи свой флотъ.

Откуда же являлось упорство Турціи и ея изво-

ротливия, неискреннія дѣйствія? Что позволяло ей противиться четыремъ сильнымъ государствамъ, заступникамъ христіанъ, каковы: Россія, Германія, Англія и Австрія, которыя могли бы раздавить Турцію? Упрямство Турціи происходило отъ надежды, что Австрія и Англія никогда не допустятъ Россіи до войны съ Турціею. У Австріи есть много славянскихъ подданныхъ, надъ которыми господствуютъ нѣмцы и венгерцы. Поэтому Австрія заботится, чтобы вокругъ нея не было славянскихъ государствъ, въ которыхъ бы ея собственные под-

данные находили защиту отъ нѣмецкихъ и венгерскихъ притѣсненій. Англія же, при слабости Турціи, извлекала изъ нея торговныя выгоды и давала много взаимности этому государству. Такъ какъ главные плательщики были христіане, то выгода Англіи заключалась въ томъ, чтобы турецкіе христіане всегда были подъ варварскимъ турецкимъ игомъ: въ противномъ случаѣ Турція не могла бы заплатить Англіи долговъ. При этомъ нужно замѣтить, что Австрія никогда не выступала противъ

Унтеръ-офицеръ Михайловъ.

насъ открыто, но прикрываясь будто бы однимъ искреннимъ желаніемъ не проливать напрасно христіанской крови. Поэтому она всѣми мѣрами старалась остановить храбрую Черногорію, а съ нею въ союзѣ и Сербію отъ объявленія войны Турціи. На самомъ же дѣлѣ австрійское правительство хотѣло, проволочкою въ пустыхъ переговорахъ, дать туркамъ возможность собраться съ силами.

Когда въ Берлинѣ состоялась конференція для улаженія дѣлъ Турціи съ ея возмущившимися

христианскими подданными, и затѣмъ были предложены ей мѣры къ прекращенію кровопролитія, съ напоминаніемъ, что если турецкое правительство и теперь уклонится привести предлагаемыя мѣры въ исполненіе, то союзныя державы принудятъ ее къ тому силою, — Англія напрямикъ отказалась присоединиться къ такому предложенію державъ на томъ основаніи, что это будто бы нарушаетъ парижское условіе 1856 г., по которому она, въ числѣ прочихъ, подписавшихъ условіе державъ, обязалась охранять неприкосновенность Оттоманской имперіи отъ всѣхъ постороннихъ посягательствъ, и теперь стоитъ за невмѣшательство въ дѣла Турціи, «этого большаго человѣка» по выраженію покойнаго императора Николая. Такое заявленіе было чрезвычайно неожиданно и странно, потому что на берлинской конференціи обсуждались тѣ же мѣры, какія предлагались графомъ Андраши и противъ которыхъ Англія не возражала. Вмѣстѣ съ тѣмъ англичане не дремали, и между самими турками въ Константинополѣ, конечно по проискамъ англійскаго посланника, Эллиота, составилъ заговоръ, съ цѣлью низвергнуть султана Абдуль-Азиса съ престола, за то, что этотъ несчастный государь склонялся болѣе на сторону русскихъ, и, такимъ образомъ, русское правительство имѣло больше вліянія и вѣса при константинопольскомъ дворѣ, чѣмъ англійское. Въ пользу русскихъ дѣйствовалъ также и великій визирь Махмудъ-паша, прозванный за свою приверженность къ намъ «Московъ-пашою». Это не могло нравиться англичанамъ, которые боялись, что султанъ уступитъ представленіямъ державъ-заступницъ за христіанъ, а въ особенности Россіи. Поэтому, такъ или иначе, необходимо было извѣстнаго рода

шихъ выгодамъ англичанъ. И вотъ англійскій посланникъ Эллиотъ сошелся съ нашею Митхадомъ и шейхъ-уль-исламомъ *); они подговорили софты **), составили заговоръ и принудили султана Абдуль-Азиса отречься отъ престола въ пользу племянника, воцарившагося подъ именемъ Мурада V (съ 18 на 19 мая 1876 г.). Абдуль-Азиса сначала удалили изъ дворца, окруживъ почетною стражею, потомъ запретили выходить на балконъ подышать чистымъ воздухомъ, а за тѣмъ отняли у него даже всякое оружіе. Спустя нѣкоторое время, заговорщики ночью прошли въ спальню Абдуль-Азиса и убили его. Новый султанъ, Мурадъ V, обязанный всеѣмъ англичанамъ, по необходимости, имъ подчинился, и Турція отказалась отъ всякихъ перемѣнъ въ обращеніи съ христіанами, и дѣло кончилось тѣмъ, что Сербія и маленькая храбрая Черногорія объявили войну туркамъ.

Ерошенко.

Убитъ въ сраженіи при Адексинацѣ 11 августа 1876 года.

Въ Сербіи главное начальство поручено было русскому генералу Михаилу Григорьевичу Черняеву, георгиевскому кавалеру, прославившемуся еще въ концѣ шестидесятихъ годовъ въ Туркестанскомъ округѣ. Черногорцы, какъ и всегда, закаленные въ бояхъ, несмотря на свою малочисленность, начали бить турокъ на каждомъ шагу. Что же касается Сербіи, то здѣсь сначала дѣла пошли хорошо, а затѣмъ приняли неблагоприятный оборотъ. Этому способствовало, во-первыхъ, то, что сербовъ было хотя и больше, чѣмъ черногорцевъ, но они уже давно ни съ кѣмъ не воевали, и набранное войско сплошь состояло изъ земледѣльцевъ, взятыхъ прямо отъ сохи и одѣтыхъ въ солдатское платье, безъ всякой выправки и выучки.

*) Главный начальникъ магометанскаго духовенства.

**) Мусульманскіе семинаристы.

Нашъ Государь всечески старался удержать Сербію отъ войны, зная ея еще неготовность; но все было напрасно; Англія-же и Австрія попрежнему остались сторонниками турокъ: Англія снабдила турокъ оружіемъ, деньгами и офицерами, а хитрая Австрія, не помогая въ явь туркамъ, отказала въ пропускъ въ сербамъ военныхъ припасовъ и, между прочимъ, 100,000 ружей, купленныхъ Сербію на послѣдніе гроши въ Пруссіи.

За то, едва только началась сербско-турецкая война, какъ изъ Россіи, на подмогу славянскому дѣлу, поднялись русскіе добровольцы всѣхъ сословій. Точно также открылся сборъ пожертвованій деньгами и вещами для сербской и черногорской арій.

Кромѣ генерала Чернышева добровольцами въ Сербію отправились много и другихъ лицъ какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, желавшихъ принести пользу славянскому дѣлу. Между ними многіе пожертвовали даже своею жизнью. Изъ лицъ, портреты которыхъ приложены здѣсь, многіе не вернулись обратно въ Россію, но положили свой животъ за славянъ, прославивъ русское имя. Такъ, нашъ бывшій полковникъ Раевскій былъ убитъ въ сраженіи при Адровацѣ 20-го августа 1876 года; полковникъ Кирѣевъ палъ впереди сербскихъ войскъ въ бою при Раковичахъ; гг. Гольдштейнъ и Ерошенко не вернулись въ Россію; послѣдній былъ убитъ въ бою при Алексинацѣ 11 августа 1876 года, а первый въ концѣ августа того же года умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи.

Не мало легло, защищая славянское дѣло и протѣхъ русскихъ людей, не знатныхъ ни родомъ, ни ученостью, но богатыхъ сердцемъ и военною доб-

лестью. Между этими богатырями славянскаго дѣла прославился одинъ русскій доброволецъ Екатеринославскаго полка, унтеръ-офицеръ Михайловъ, бывшій въ то время во время отпуску.

Михайловъ служилъ во время польскаго мятежа и пользовался въ средѣ своихъ товарищей славою замѣчательнаго стрѣлка. До отъѣзда въ Сербію, онъ служилъ курьеромъ при храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ и такъ сильно увлекся военными событіями, что ежедневно ходилъ по утрамъ въ Охотный рядъ и повуналъ себѣ газету, жадно прочитывая въ ней послѣднія извѣстія съ театра войны.

Наконецъ, ему удалось отправиться въ Сербію вмѣстѣ съ 32 другими добровольцами, ѣхавшими подъ начальствомъ полковника Биллинскаго. Деньги на отправку Михайлова были собраны чиновниками и архитекторами, служившими при храмѣ.

Михайловъ прибылъ въ Бѣлградъ 25 августа и черезъ два дня явился уже въ Делиградъ, гдѣ поступилъ въ баталіонъ княгини Наталіи, который состоялъ изъ русскихъ и черногорцевъ. Въ первую-же ночь онъ участвовалъ въ вылазкѣ подъ командою М.

Хлудова. По оплошности одного изъ солдатъ, выстрѣлившаго изъ ружья, дѣло было испорчено и вылазка не имѣла успѣха. Такая неудача на первыхъ порахъ немного разочаровала Михайлова, что, однако, не помѣшало ему велѣдъ затѣмъ, отличиться во время неблагоприятнаго для сербовъ сраженія на горѣ Кривотъ, происходившаго 17 сентября. Въ 11 часовъ утра завязался жаркій бой; нашъ храбрый доброволецъ засѣлъ сначала въ шанцахъ, гдѣ находились сербскіе стрѣлки, на разстояніи 400 шаговъ отъ турецкихъ шанцевъ; послѣдніе

Гольдштейнъ.

Умеръ отъ ранъ 30 августа 1876 года.

отдѣлялись отъ первыхъ врагомъ, черезъ который для перехода былъ положенъ срубленный дубъ. Среди поля стоялъ другой дубъ, обросшій кустами. Безстрашный Михайловъ, подъ градомъ пуль, направилъ къ нему свои шаги; никто изъ товарищей не рѣшился за нимъ слѣдовать. Очутившись подъ прикрытiемъ дуба, въ 200 шагахъ отъ своихъ, и на такомъ-же разстоянiи отъ непрiятеля, храбрецъ, наблюдая, чтобы какой-нибудь турокъ не положилъ его изъ-за шанцевъ на мѣстѣ, началъ стрѣлять въ турецкую колонну, проходившую въ 300 шагахъ отъ него. Онъ выстрѣлилъ такимъ образомъ 26 разъ въ густую массу людей, и ни одинъ зарядъ не пропалъ даромъ. Вскорѣ онъ обратилъ на себя вниманiе турокъ, которые начали переходить къ нему по дубу черезъ врагъ; но едва показывалась голова турка, мѣткiй стрѣлокъ прицѣливался въ нее и — турка какъ не бывало! Однако, четыремъ турецкимъ солдатамъ удалось подойти къ нему сзади, и Михайловъ хотѣлъ уже было застрѣлиться, чтобы не отдаться въ плѣнъ, но, по какому-то вдохновенiю, онъ удержался отъ самоубiйства и выстрѣлилъ въ подошедшихъ къ нему турокъ, убивъ на повалъ двоихъ однимъ выстрѣломъ; двое остальныхъ напали на него со штыками; но и этихъ послѣднихъ уложилъ онъ, отдѣлавшись одною раной въ руку. Оказалось, что, кромѣ четырехъ валявшихся на полѣ труповъ, въ врагѣ было еще восемь. Виновникъ этого подвига былъ представленъ генералу Черняеву, который обласкалъ его и привѣсилъ ему за храбрость медаль Такова на лентѣ.

Михайловъ отличился еще въ нѣсколькихъ битвахъ и вылазкахъ. 11-го октября онъ былъ контуженъ гранатой, которую разорвало около него, и былъ отнесенъ на перевязочный пунктъ двумя закадычными своими друзьями, черногорцами Марковичемъ и Аташевичемъ, такими-же храбрецами, какъ и онъ, которые были съ нимъ неразлучно.

Николай Михайловъ вернулся въ Россiю и занялъ опять свое прежнее мѣсто при храмѣ Христа Спасителя.

Въ октябрѣ 1876 г. турки, подъ Дюнишемъ, съ огромными силами опрокинулись на сербовъ и разбили ихъ, прорвали центръ Сербской армiи, послѣ десятидневнаго боя, и двинулись внутрь сербскаго чняжества. Извѣстiе объ этомъ въ Бѣлградѣ, при-

вело всѣхъ въ ужасъ — и не заступись за Сербiю Русскiй Царь — Сербiя погибла-бы.

Тѣмъ временемъ, пока велась Сербско-черногорско-турецкая война, въ Турцiи случился новый переворотъ: 19 августа 1876 г. султанъ сошелъ съ ума и его мѣсто заступилъ новый султанъ — Абдуль-Гамидъ.

Русскiй посолъ, Николай Павловичъ Игнатьевъ, представляясь новому султану, высказалъ, что Государь Императоръ желаетъ, чтобы нынѣшнее затрудненiе было устранено, и чтобы султанъ, приступилъ къ улучшенiю участи своихъ поданныхъ. Разумѣется, султанъ отвѣтилъ на это ни то, ни се. Но вотъ, въ виду бѣдствiй и военныхъ неудачъ Сербiи, послѣдовалъ русскiй *ультиматумъ* къ турецкому правительству, что если Турцiя въ двухдневный срокъ не заключить съ сербами перемирiя на шесть недѣль или на два мѣсяца, и если немедленно не дастъ приказанiй приостановить военныя дѣйствiя, то русскiй посолъ со всѣмъ посольствомъ выѣдетъ изъ Константинополя и всѣ сношенiя съ турецкимъ правительствомъ будутъ прерваны. Турки сначала также думали и отъ этого отдѣлаться проволочкою, но, въ виду неизбежности войны съ Россiей и убѣжденiя другихъ державъ, вынуждены были исполнить требованiе Русскаго Царя — и христіанская кровь на полгода перестала литься.

По поводу этого перемирiя, Его Величество Государь Императоръ, въ бытность свою въ Москвѣ, при представленiи Ему московскаго дворянства, 29 октября 1876 г., изволилъ между прочимъ высказать слѣдующее:

«Благодарю васъ, господа, за чувства, которыя вы желали Мнѣ выразить по случаю наступающихъ политическихъ обстоятельствъ. Они теперь болѣе разъяснились и потому Я готовъ принять вашъ адресъ съ удовольствiемъ. Вамъ уже извѣстно, Турцiя покорилась Моимъ требованiямъ о немедленномъ заключенiи перемирiя, чтобы положить конецъ бесполезной рѣзнѣ въ Сербiи и Черногорiи. Черногорцы показали себя въ этой неровной борьбѣ, какъ всегда, истинными героями. Къ сожалѣнiю, нельзя того-же сказать про сербовъ, не смотря на присутствiе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многiе заплатились кровью за славянское дѣло.

«Я знаю, что вся Россiя, вмѣстѣ со Мною, при-

нимаешь живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и по происхожденію; но для Меня истинные интересы Россіи дороже всего, и Я желалъ - бы до крайности падить дорогую русскую кровь. Вотъ почему Я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ, для опредѣленія мирныхъ условій.

«Желаю весьма, чтобы мы могли придти къ общему соглашенію. Если-же оно не состоится и Я увижу, что Мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали - бы исполненіе того, что Мы въ правѣ требовать отъ Порты, то Я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, и увѣренъ что въ такомъ случаѣ вся Россія отзовется на Мой призывъ, — когда Я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе».

На слова своего Царя откликнулись всѣ уголки обширнаго Русскаго царства. Со всѣхъ сторонъ, отъ всѣхъ сословій подносились Его Величеству адресы съ выраженіемъ полной готовности жертвовать и жизнью, и достояніемъ въ случаѣ войны.

Между тѣмъ Турція, ободраемая воинственными выходками англичанъ и англійскими министрами, долго не давала отвѣта на созваніе въ Константинополѣ конференціи, о чемъ Государь упомянулъ въ только-что приведенной рѣчи, и даже турецкій посланникъ въ Лондонѣ получилъ приказаніе отъ своего правительства заявить англійскому двору, что Турція высказывается противъ конференціи. Такое возраженіе было сообщено и другимъ державамъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько разъ нарушено перемиріе съ Сербією. Въ виду этого русскій посолъ, генералъ Игнатъевъ, получилъ приказаніе заявить Портѣ, что «Россія сочтетъ бесполезнымъ продолжать переговоры, если Турція не будетъ соблюдать условій перемирія, и будетъ вынуждена отозвать изъ Константинополя своего представителя и всѣхъ чиновъ русскаго посольства».

Вслѣдъ за тѣмъ, наконецъ стало извѣстнымъ (10 ноября 1876 г.), что въ чрезвычайномъ засѣ-

даніи совѣта, въ Константинополѣ, турецкое правительство рѣшило безусловно согласиться на конференцію. Первое засѣданіе этой конференціи, однакоже, состоялось только черезъ мѣсяць, именно 11 декабря, хотя предварительныя къ тому работы начались въ десятыхъ числахъ ноября. На константинопольской конференціи предполагалось обсужденіе: 1) условій для заключенія мира между Турцією, Сербією и Черногорією; 2) какія слѣдовало сдѣлать преобразованія въ возставшихъ провинціяхъ и 3) что могло служить обезпеченіемъ, что эти преобразованія непременно будутъ выполнены, а не останутся только на бумагѣ.

Между тѣмъ слова Государя Императора, сказанныя московскому дворянству 29 октября, произвели громадное впечатлѣніе на всю Россію. Московское дворянство, земство и городское общество представили Государю Императору слѣдующіе адресы:

I.

«Всемилоостивѣйшій Государь!

«Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія выслушало московское дворянство многозначительныя слова, произнесенныя Вашимъ Императорскимъ Величествомъ здѣсь въ Москвѣ, въ древнемъ исконномъ средоточіи Россіи. Съ твердымъ довѣріемъ смотримъ мы впередъ. Мы знаемъ, что честь отечества сохранна въ Вашей десницѣ. Государь, не мало пришло Вамъ рѣшать трудныхъ задачъ на славу и благоденствіе русскаго народа. Нынѣ, въ тяжкую пору міровой смуты, Провидѣніе довѣряетъ Вашему Императорскому Величеству окончаніе того, что такъ постоянно и такъ долго озабочивало державныхъ предковъ Вашихъ. Да поможетъ Вамъ Всевышній одержать мирную побѣду надъ недругами и снова даровать спокойствіе Европѣ. То будетъ новое славное дѣло славнаго царствованія. Но если война необходима для поддержанія чести Россіи, съ глубокою вѣрою въ Бога и правоту нашего дѣла, выступимъ мы противъ враговъ нашихъ и готовы костями лечь за Царя и родину».

«Дворянство всегда сражалось въ первыхъ рядахъ противъ непріятеля; оно, помня завѣтъ предковъ, и нынѣ не забудетъ своего призванія, и еще

тѣснѣе, еще неразрывнѣе сплотится вѣковой союзъ между любимымъ Государемъ и неизмѣнно вѣрнымъ Ему дворянствомъ».

II.

«Всемиловѣйшій Государь!

«Съ безпредѣльною любовью къ Вамъ и родной землѣ, внимали мы, люди земскіе, державному слову, которое Вашему Императорскому Величеству благоудобно было произнести въ стѣнахъ первопрестольной Вашей столицы. Глубоко запало это слово въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей, и московское земство поспѣшило собраться, дабы повергнуть передъ Вами, Государь, свои вѣрноподданныческія чувства.

«Намъ вѣдомы, Государь, отеческія заботы и попеченія Ваши о благѣ вѣреннаго Вамъ Богомъ народа. На нашихъ очахъ совершился рядъ великихъ дѣяній, которыми гордятся Россія. Подъ Вашею державою путемъ мирныхъ преобразованій крѣпла Русская земля и стала сильна тою неразрывною связью, что искони вѣковъ соединяетъ русскаго Царя съ русскимъ народомъ.

«Въ настоящее тяжкое время всѣ заботы Вашего Императорскаго Величества обращены на улучшение быта страждущихъ братьевъ нашихъ по вѣрѣ и происхожденію. Каковъ-бы ни былъ исходъ начатыхъ по Вашимъ предначертаніямъ переговоровъ, московское земство всецѣло отдается въ волю Вашу, Государь, зная, какъ для Русскаго Царя дороги, истинные интересы Россіи и всего славянскаго міра. Если Провидѣнію не угодно будетъ, чтобы святое дѣло, начатое Вами, завершилось путемъ мирныхъ переговоровъ, и честь и слава нашего отечества потребуютъ борьбы, то вѣрное преданіемъ земли Русской московское земство еще тѣсней, еще тверже сплотится у престола Вашего Величества въ несокрушимой вѣрѣ въ милость и благословеніе Божіе, никогда не покидавшія православнаго Царя и русскаго народа.

III.

«Всемиловѣйшій Государь!

«Когда простерлось за море Твое державное слово и мгновенно приостановило кровопролитную брань,

благословилося имя Твое по всѣмъ странамъ православнымъ, во всѣхъ предѣлахъ славянской рѣчи и ожиданіемъ исполнился міръ, смущенный неизвѣстностью грядущихъ рѣшеній. Нынѣ же, когда ликующая Москва, вповь сръбтал Тебя въ стѣнахъ Кремлевскихъ, отъ Тебя Самого приняла истину Твоей царственной мысли и воли; когда въ этотъ дивный мигъ Твоего торжественнаго общенія съ народомъ, сердца милліоновъ забились за одно съ сердцемъ Царевымъ, и вся Русь, въ лицѣ Москвы, мощная и единая, послышала себя въ Царѣ, воплотителѣ ея судебъ, вождѣ ея силъ, носителѣ ея духа и историческаго призванія, — какъ отъ лучей солнца разсѣялась мгла невѣдѣнія и недоумѣній, и добрый день засіялъ надъ Русскою землею надеждою и упованіемъ.

«Вѣдаемъ нынѣ, Государь, что крѣпкій сознаніемъ своей правоты, Ты пребылъ твердъ предъ искушеніями бранной славы и, дорожа какъ святыней жизнью Твоихъ подданныхъ, безконечною благостію смиря Самъ врученное Тебѣ Богомъ могущество, упорно изыскивалъ и изыскиваешь доселѣ вѣрнаго, но безкровнаго врачеванія вѣковому злу, удручающему христіанъ на Востокѣ. Благо Тебѣ, Царь нашъ, миролюбивый Царь миролюбивѣйшаго изъ народовъ! Вѣдаемъ также, что Твоя мудрость уже предуказала возможную грань Твоему царскому долготерпѣнію и опредѣлила въ грядущемъ часъ самостоятельныхъ для Россіи дѣйствій.

«Вѣдай-же и Ты, Государь, что нѣтъ и не было царя сильнѣе Тебя въ настоящую пору крѣпостью связи, единствомъ мысли и чувства съ своимъ народомъ, праведностію и чистотою предстоящей Тебѣ исторической задачи. Вѣдай, Государь: нѣтъ предѣла нашему самоотверженію, какъ нѣтъ предѣла могуществу любви, покорности и преданности Тебѣ Твоихъ подданныхъ.

«Безусловно отдаваясь Твоему державному руководительству, Москва вѣруетъ, вѣруетъ безусловно, что всегда, вездѣ, на всѣхъ путяхъ, высоко, честно и грозно пребудетъ съ Тобою великое имя Россіи, и да перейдетъ слава Царя - Освободителя далеко за русскій рубежъ, во благо нашимъ страждущимъ братьямъ, во благо всему человѣчеству, во славу истинѣ Божіей!»

Въ слѣдъ за Москвою, со всѣхъ концовъ обшир-

Турецкія звѣрства въ христіанскихъ селеніяхъ.

ной Россіи представлялись Государю Императору выраженія вѣрноподданныхъ чувствъ отъ всѣхъ сословій.

Казалось, константинопольская конференція приведетъ дѣло къ доброму концу. Но, помимо разныхъ проволочекъ, споровъ, новый визирь, другъ—приятель англійскаго посла Эллиота, пустился на всевозможныя выдумки: то вдругъ, къ удивленію всѣхъ, провозглася въ Турціи конституцію, немыслимую въ странахъ, гдѣ магометанство, которое смотритъ на всѣхъ людей, исповѣдующихъ другую вѣру, какъ на стадо, презрѣнную райю, непользующуюся никакими человѣческими правами; то сегодня турецкіе сановники изъявляютъ полное согласіе на предначертанія европейскихъ державъ по улучшенію быта христіанъ, а завтра ото всего, или на половину от-

кажутся. Турецкіе представители не спускали съ устъ, и изо-дня въ день твердили, что христіанскія державы, вмѣшиваясь въ дѣла Турціи, посягаютъ на *независимость* государства, на его *неприкосновенность*; что *честь* заставляетъ правительство султана отстаивать эти постороннія посягательства. Все это лицедѣйство кончилось заявленіемъ турецкѣ, что *лучше смерть, чѣмъ безчестье*, и наконецъ было постановлено: *отвергнуть всѣ предложенія европейскихъ уполномоченныхъ*.

Такимъ образомъ конференція закрылась, и послы европейскихъ державъ выѣхали изъ Константинополя, т. е. съ Турціею прекращены были всѣ сношенія всѣхъ тѣхъ государствъ, представители которыхъ участвовали на послѣднихъ совѣщаніяхъ.

Г Л А В А Ч Е Т В Е Р Т А Я .

Мобилизація русской арміи. — Назначеніе главнокомандующаго. — ВѢСОЧАЙШІЙ манифестъ. — ВѢСОЧАЙШІЕ смотры дѣйствующей арміи. — Переходъ за границу.

Между тѣмъ Государю Императору еще при самомъ началѣ конференціи благоудно было провозвести мобилизацію русской арміи. 7-го ноября Высочайше повелѣно было: изъ дивизій, находящихся въ кievскомъ, одесскомъ и харьковскомъ военныхъ округахъ, образовать шесть армейскихъ корпусовъ, съ № 7 по 12-й включительно, а изъ корпусовъ №№ 8, 9, 11 и 12-го образовать дѣйствующую армію.

Означенные корпуса сформировались:

7-й изъ 15-й и 36-й пѣх. и 7 кав. дивизій.	
8-й 9-й » 14-й » » 8 » »	
9-й » 5-й » 31-й » 9 »	
10-й » 13-й » 34-й 10	
11-й » 11-й » 32-й 11	
12-й » 12-й » 33-й » 12 »	

Въ скоромъ времени по объявленіи войны, въ составъ дѣйствующей арміи были еще назначены:

4-й корп. изъ 16 и 30 дивиз. и 4 кавалер.	
13-й » 1 » 35 » » 13 »	
14-й » » 17 » 18 » 1 дон. каз. див.	

Главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, генераль-инспекторъ кавалеріи и по инженерной части, генераль-адъютантъ, инженеръ-генераль, Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій назначенъ былъ главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, со всѣми правами, властью и преимуществами, главнокомандующему арміею въ военное время предоставленными. Членъ военнаго совѣта, предсѣдатель главнаго военно-кодификаціоннаго комитета, генераль-адъютантъ, генераль

отъ инфантеріи Непокойчицкій — назначенъ былъ начальникомъ штаба дѣйствующей арміи.

Въ тотъ-же день военнымъ министромъ былъ отданъ приказъ о сформированіи полевыхъ и корпусныхъ управленій для дѣйствующей арміи.

«По поводу-же мобилизаціи русскихъ войскъ Государственный канцлеръ, его свѣтлость князь Горчаковъ, ко всѣмъ представителямъ Россіи при иностранныхъ державахъ писалъ изъ Царскаго Села (1 ноября):

«Прискорбныя событія, обagrившія кровью Балканскій полуостровъ, произвели глубокое впечатлѣніе во всей Европѣ. Правительства, по состоявшемуся между ними соглашенію, признали необходимымъ, во имя челоуѣколюбія и общаго блага, положить преграду такому порядку вещей. Они прекратили кровопролитіе, настоявъ на заключеніи обѣими воюющими сторонами перемирія, и условились опредѣлить основы для мира, который предоставилъ бы христіанскимъ населеніямъ положительныя обезпеченія противъ неисправимыхъ злоупотребленій турецкой администраціи и необузданнаго произвола оттоманскихъ властей, ограждая вмѣстѣ съ тѣмъ и Европу отъ періодическаго возобновленія кровавыхъ потрясеній.

«Императорское правительство стремилось всѣми силами къ упроченію единодушія между великими державами, сохраняя непрестанно въ виду, что въ настоящемъ вопросѣ интересы политическіе должны уступить мѣсто болѣе возвышеннымъ интересамъ всего челоуѣчества и спокойствія Европы. Оно направитъ всѣ зависящія отъ него средства къ тому, чтобы это единодушіе привело наконецъ къ послѣдствіямъ существеннымъ, прочнымъ и согласнымъ съ требованіями справедливости и общаго мира.

«Но между тѣмъ какъ дипломатія ведетъ въ теченіи года переговоры, имѣющіе цѣлью привести европейское соглашеніе къ дѣйствительному осуществленію, Порта воспользовалась возможностью вызвать изъ глубины Азіи и Африки темныя силы наименѣ обузданныхъ элементовъ исламизма, возбудить фанатизмъ мусульманъ и раздавить подъ тяжестью численнаго превосходства христіанскія населенія, вступившія въ борьбу за свое существованіе. Виновники ужасныхъ избіеній, справедливо воз-

мутившихъ всю Европу, продолжаютъ пользоваться безнаказанностью, и въ настоящее время, слѣдую ихъ примѣру, на всемъ протяженіи Оттоманской имперіи совершаются на глазахъ негодующей Европы повторенія тѣхъ же насилій и того же варварства.

«Въ виду таковыхъ усложненій, Государь Императоръ, принимая съ Своей стороны твердую рѣшимость преслѣдовать и достигнуть, всѣми зависящими отъ Него средствами, предначертанную великими державами цѣль, изволилъ признать необходимымъ мобилизовать часть Своей арміи.

«Государь Императоръ не желаетъ войны и сдѣлаетъ все возможное для избѣжанія оной. Но Его Величество не остановится въ Своей рѣшимости до тѣхъ поръ, пока признанные всею Европою принципы справедливости и челоуѣколюбія, къ которымъ народное чувство Россіи примкнуло съ неударжимой силою, не возымѣютъ полного и обезпеченнаго прочными гарантіями осуществленія.

«Вы уполномочены прочесть и передать копию съ настоящей депеши г. министру иностранныхъ дѣлъ.

19 Ноября Главнокомандующій долженъ былъ отправиться въ Кишиневъ, къ мѣсту сосредоточенія арміи. За нѣсколько часовъ до отправленія экстреннаго поѣзда, народъ массами сталъ наполнять Знаменскую площадь, тѣснясь также у наружнаго фасада вокзала николаевской дороги.

Были приняты мѣры, чтобы не допускать наплыва посторонней публики во внутренность вокзала, оставленную для офицеровъ гвардейскаго корпуса, которые явились въ громадномъ числѣ проводить отъѣзжающаго Главнокомандующаго.

Въ исходѣ втораго часа пополудни прибыли: Командиръ гвардейскаго корпуса — Государь Наслѣдникъ, Начальникъ первой гвардейской пѣхотной дивизіи — Великій Князь Владиміръ Александровичъ, Великая Княгиня Александра Петровна, въ сопровожденіи Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго и другихъ августѣйшихъ дѣтей. Крики «ура», огласившіе воздухъ, возвѣстили приближеніе главнаго виновника торжественныхъ проводовъ. Главнокомандующій дѣйствующею арміею подѣхалъ ровно въ 2 часа пополудни къ вокзалу. Едва Его Высочество вышелъ изъ экипажа, какъ

къ нему подошла депутація отъ города, имѣя во главѣ городского голову.

Городской голова обратился къ Великому Князю съ краткимъ привѣтствіемъ, въ которомъ высказалъ, что с.-петербургское городское общество отъ души напутствуетъ Его Высочество пожеланіемъ счастливаго пути и большихъ успѣховъ. Великій Князь поблагодарилъ депутацію и направилъ шаги къ вокзалу; на неумолкавшіе крики «ура» и восклицанія «счастливаго пути!»—отвѣчалъ привѣтливимъ наклоненіемъ головы.

При входѣ въ залу вокзала, Главнокомандующаго ожидала новая восторженная овація. Великій Князь обратился къ собравшимся здѣсь офицерамъ съ нѣсколькими словами, въ которыхъ выразилъ увѣренность, что они, офицеры, покажутъ себя молодцами, такъ какъ отнынѣ на нихъ обращенъ взоръ всей Россіи и Государя. Раздались крики «ура», которые не умолкали не только во время слѣдованія Его Высочества по платформѣ, но и при вступленіи въ вагонъ, и въ моментъ, когда экстренный поѣздъ тронулся съ мѣста.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ вручилъ Великому Князю Николаю Николаевичу дорогой золотой складень отъ гвардейскихъ войскъ, затѣмъ были поднесены Его Высочеству образа отъ Л. Гвардіи Уланскаго полка и отъ армейскихъ полковъ петербургскаго военнаго округа.

Съ наступленіемъ 1877 года дѣла нисколько не измѣнились, и дипломатическіе переговоры ни мало не улучшили положенія нашего. Такъ дотянулось до апрѣля мѣсяца. Государь Императоръ въ это время отправился къ дѣйствующей арміи, главная квартира которой находилось въ Кишеневѣ.

10 Апрѣля въ девять часовъ утра Государь Императоръ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ прибылъ на станцію Жмеринку, гдѣ на Парскій смотръ представлялась 5-я пѣхотная дивизія, съ ея артиллеріей и обозомъ. По окончаніи смотра, Его Императорское Величество изволилъ собрать къ Себѣ офицеровъ всѣхъ частей и произнести имъ напутственное предъ походомъ слово, а 17-му пѣхотному Архангелогородскому полку, по случаю дня рожденія его Августѣйшаго Шефа, Великаго Князя Владиміра Александровича, выразилъ увѣренность, что полкъ поддержитъ свою прежнюю боевую славу.

Въ 5¹/₂ часовъ, на станціи Бирзулъ представлялись 13-я пѣхотная и 9-я кавалерійская дивизіи, съ ихъ артиллеріей и обозами. Послѣ смотра, Государь изволилъ сказать собравнымъ офицерамъ осмотрѣнныхъ частей слѣдующія слова:

«Предъ отправленіемъ вашимъ въ походъ, Я хочу васъ напутствовать; если придется вамъ сразиться съ врагомъ—покажите себя въ дѣлѣ молодцами и поддержите старую славу своихъ полковъ. Есть между вами молодыя части, еще не бывавшія въ огнѣ, но Я надѣюсь, что онѣ не отстанутъ отъ старыхъ и постараются сравняться съ ними въ боевыхъ отличіяхъ. Желаю вамъ возвратиться поскорѣе и со славою. Прощайте, господа!»

Затѣмъ, обращаясь къ войскамъ, Государь произнесъ: «Прощайте, ребята!» Отвѣтомъ было громкое, долго непрерывавшееся «ура!» Офицерамъ 9-й кавалерійской дивизіи Его Императорское Величество выразилъ надежду, что полки дивизіи и въ военное время покажутъ себя столь же блистательно, какъ всегда представлялись Ему въ мирные дни.

Повсюду величайшій восторгъ со стороны войскъ и восторженные встрѣчи народа сопровождали Государя Императора.

11-го апрѣля въ 9 часовъ утра, въ Тирасполѣ, Его Величество изволилъ смотрѣть части восьмага и одинадцатаго корпусовъ, а именно: 9-ю пѣхотную дивизію и первую бригаду 32-й пѣхотной дивизіи, съ ихъ артиллеріей. По окончаніи смотра, Государь Императоръ, въ Своемъ напутственномъ словѣ, между прочимъ, изволилъ сказать: «Мнѣ жаль было пускать васъ въ дѣло, и потому Я медлилъ, доволѣ было возможно; Мнѣ жаль было проливать вашу дорогую для Меня кровь; но разъ, что честь Россіи затронута, Я убѣжденъ, мы всѣ до послѣдняго человека сумѣемъ постоять за нее. Съ Богомъ! Желаю вамъ полнаго успѣха. До свиданья».

Въ тотъ же день, въ 5 часовъ пополудни, Государь изволилъ прибыть на станцію Унгены, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ молдавскимъ въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи румынскаго духовенства, а также депутаціею яесскихъ гражданъ, съ яескимъ префектомъ во главѣ. Митрополитъ произнесъ привѣтственное слово, на которое Его Величество отвѣчалъ, что, поручая Себя и рус-

ское воинство святымъ молитвамъ православнаго духовенства, Онъ надѣется встрѣтить въ румынскомъ народѣ дружественныя чувства.

Смотръ 6-го сапернаго и 3-го желѣзно-дорожнаго баталіоновъ, 12-й пѣхотной и 8-й кавалерійской дивизіи, съ ихъ артиллерією, состоялся, въ началѣ 6-го часа, на пограничномъ полѣ близъ рѣки Прута. Не смотря на самую неблагопріятную погоду, войска представились въ блистательномъ порядкѣ. Смысль напутственныхъ словъ Государя Императора былъ таковъ-же, какъ и на предшествовавшихъ смотрахъ. Восторгъ войскъ былъ безпредѣленъ, неудержимъ; народъ русскій и румынскій, пришедшій изъ-за Прута, привѣтствовалъ Его Величество съ громкимъ восторгомъ. По окончаніи смотра коляску Государя Императора сопровождала громадная толпа конныхъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, при несомлаемыхъ вликахъ войска и народа. Выходя изъ экипажа на станціи, Государь, въ послѣдній разъ обратясь къ офицерамъ, сказалъ: «Храни васъ Богъ. Поддержите честь русскаго оружія».

Вечеромъ 11 апрѣля Государь прибылъ въ Кишиневъ. Пріѣздъ Государя Императора въ Кишиневъ встрѣченъ былъ торжественнымъ звономъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ города. Весь путь отъ станціи до губернаторскаго дома, гдѣ Его Величество изволилъ основать свое пребываніе, былъ иллюминированъ огнями, транспарантами, гирляндами, и флагами. На утро, отправляясь къ осмотру войскъ собранныхъ на Скаковомъ полѣ, Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Государемъ Цесаревичемъ, Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ и Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ, изволилъ заѣхать въ городской соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ городскимъ духовенствомъ въ облаченіи со крестомъ и святою водою, причемъ преосвященный Павелъ, епископъ кишиневскій и хотинскій, произнесъ привѣтственное слово.

На Скаковомъ полѣ собраны были слѣдующія части войскъ: дивизіонъ Собственнаго Его Величества конвоя, составленный изъ эскадрона кубанскаго и эскадрона терскаго казачьяго войска и командированный со льготы, по волѣ Государя Императора, въ конвой Главнокомандующаго; жандармская команда 8-го корпуса, 7-й саперный ба-

тальонъ, 14-я пѣхотная дивизія, два батальона болгарскихъ добровольцевъ, 11-я кавалерійская дивизія, полусотня донскаго казачьяго № 35 полка, 14-я артиллерійская бригада, 18-я конная и донская № 4-го батареи. Все свободное пространство поля было покрыто громадными толпами народа и множествомъ экипажей. Погода, хмурая и прохладная съ ранняго утра, къ началу смотра совершенно прояснилась, такъ что пріѣздъ Государя Императора, въ открытой коляскѣ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, въ сопровожденіи дежурной части конвоя, былъ озаряемъ уже полнымъ блескомъ теплыхъ лучей солнца. Обѣхавъ фронтъ войскъ, выстроенныхъ въ двѣ линіи (кавалерія съ артиллерією во второй), Его Величество съ многочисленною свитою изволилъ отѣхать на средину поля, въ виду всего фронта войскъ, и сошелъ съ лошади. При этомъ слѣзились и всѣ остальные лица свиты. Тогда выступилъ впередъ преосвященный Павелъ въ полномъ епископскомъ облаченіи и вскрылъ врученный ему пакетъ. Войска ударили бой: «на молитву» и, по командѣ, обнажили головы. Толпы народа едѣлали тоже. Обратясь лицомъ къ войскамъ, преосвященный, во всеуслышаніе, отчетливо и яснымъ голосомъ началъ чтеніе слѣдующаго Высочайшаго манифеста:

«Божією милостію Мы, Александръ Второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая. Всѣмъ Нашимъ любезнымъ вѣрно-подданнымъ извѣстно то живое участіе, которое Мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣлялъ съ Нами и весь русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова.

«Кровь и достоиніе Нашихъ вѣрно-подданныхъ были всегда намъ дороги; все Царствованіе Наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости Нашей сохранять Россіи благоденствіе мира. Эта заботливость оставалась Намъ присуща въ виду печальныхъ событій, совершавшихся въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. Мы первоначально поставили Себѣ цѣлью достигнуть улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ путемъ мирныхъ перегово-

ровъ и соглашенія съ союзными и дружественными Намъ великими европейскими державами.

«Мы не переставали стремиться, въ продолженіи двухъ лѣтъ, къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли бы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицомъ всей Европы. Усилія Наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ правительствъ, не привели, однако, къ желаемой цѣли. Порта осталась непреклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія безопасности своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленія Константинопольской конференціи. Желая испытать, для убѣжденія Порты, всевозможные способы соглашенія, Мы предложили другимъ кабинетамъ составить особый протоколъ, со внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій Константинопольской конференціи, и пригласить турецкое правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія Наши не оправдались: Порта не вняла единодушному желанію христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ.

«Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше, Мы вынуждены высокомѣрнымъ упрямствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости, и чувство Собственнаго Нашего достоинства. Турція, отказомъ своимъ, поставяетъ Насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія.

Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ Нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ упованіи на мощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда Мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи.

«Данъ въ Кишиневѣ, апрѣля 12-го дня, лѣта отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмое, царствованія же Нашего въ двадцать третье.

«На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «Александръ».

Торжественныя слова этого государственнаго акта были выслушаны въ благоговѣйномъ молчаніи, которое не прервалось и по окончаніи чтенія. Въ Кишиневѣ, до послѣдней минуты всѣ почему-то были убѣждены, что объявленіе манифеста послѣдуетъ не раньше, какъ спустя еще нѣсколько дней, и не иначе какъ въ Москвѣ, и потому-то неожиданность событія, при столь торжественной, исключительной обстановкѣ, произвела на всѣхъ глубокое, сильное впечатлѣніе. Подъ подавляющимъ вліяніемъ высокоторжественной, всемірно-исторической минуты, благоговѣйно приступлено было къ слушанію молебна. Раздался ликующій хоръ: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ», послѣ чего троекратно пропѣто было: «Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!» Когда въ теченіи службы произнесены были слова: «преклонше колѣна Господу помолимся», Его Императорское Величество громко произнести изволилъ: «Баталіоны, на колѣни!» — И по слову Монарха войско Его тихо склонилось къ землѣ. Одни лишь знамена высоко видѣлись надъ ними. По возглашеніи многолѣтія Государю Императору, Государынѣ, Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и Государынѣ Цесаревнѣ съ Ихъ Августѣйшимъ Сыномъ, Великому Князю Николаю Николаевичу и всему Царствующему Дому, было возглашено такое же русскому воинству, и затѣмъ, при пѣніи: «Спаси, Господи, люди Твоя», преосвященный, вышедши впередъ съ напутственнымъ благословеніемъ, на три стороны окропилъ войска св. водою. Его Величество, обратясь въ Августѣйшему Брату Своему, крѣпко обнялъ и нѣсколько разъ облобызалъ Его. Главнокомандующій благоговѣйно и въ трогательномъ волненіи принялъ устами къ рукѣ Монарха.

Предъ торжественнымъ служеніемъ молебна было произнесено преосвященнымъ слѣдующее слово, обращенное къ Главнокомандующему, начальникамъ и войскамъ:

«Вожди и воины христіолюбивые.

«Благочестивѣйшій Государь Нашъ Императоръ призываетъ васъ на великій, святой подвигъ! Вамъ предлежитъ по-истинѣ великій и святой подвигъ—положить конецъ тѣмъ невыразимымъ жестокостямъ и неистовствамъ, которыя варварь-турокъ уже нѣсколько вѣковъ совершаетъ надъ злосчастными братьями нашими христіанами, спасти ихъ жизнь, вѣру, семью, собственность, гражданственность отъ произвола и насилія жестокаго поработителя, и дать имъ возможность пользоваться правами человѣческими. Вамъ выпадаетъ великій жребій—и за Дунаемъ, и за Балканами водрузить Христовъ Крестъ надъ полумѣсяцемъ, какъ прежде наши водрузили Крестъ надъ полумѣсяцемъ въ землѣ Русской, и надъ серпомъ полумѣсяца, пожинающимъ только, какъ колосья, жизни человѣческой, и надъ тлетворною, губительною гражданственностью мусульманъ, водвигнуть древо жизни, знаменіе побѣды надъ смертію—Крестъ, и съ нимъ жизненную, животворную гражданственность христіанскую. На какое великое, святое дѣло призываетъ васъ Благочестивѣйшій Государь!

«Мужественно, дерзновенно идите на предлежащій вамъ подвигъ!

«Предлежащій вамъ путь хорошо извѣстѣнъ русскому воинству: онъ утоптанъ русскою ногою, усѣянъ костями и напоенъ кровію защитниковъ и враговъ русскаго народа и Христова имени. Повсюду на своемъ пути вы встрѣтите села, города, крѣпости, рѣки, горы и доли, напоминающіе великія русскія имена, доблестные подвиги, славныя побѣды русскихъ воиновъ! Кагуль, Ларга, Рымникъ, Измаиль, искони родной русскому народу Дунай съ вражескимъ на немъ твердынями, Балканы, Адрианополь, Константинополь и неисчислимое множество другихъ мѣстностей:—все это свидѣтели славныхъ подвиговъ и побѣдъ русскихъ дружинъ, русскихъ войскъ. Предъ вами будутъ возставать, какъ живые, то величавые лики древнихъ князей—витязей русскихъ: Олега, Игоря, Святослава, то величавые образы великихъ царей и царицъ—Великаго Петра, Великой Екатерины, Благословеннаго Александра, доблестнаго Николая; то величавые лики великихъ вождей—Румянцова, Суворова, Кутузова и другихъ, съ ихъ чудо-богатырями. Эти и многіе другіе славные мужи Россіи неоднократно заставляли трещетать

Царьградъ-Стамбуль предъ силою ихъ оружія; прославили своими подвигами, возвеличили Россію, расширили ея предѣлы присоединеніемъ къ ней отъ Турціи обширныхъ и богатыхъ областей. Какія славныя воспоминанія будутъ вдохновлять васъ къ подвигамъ и побѣдамъ!

«На васъ будутъ взирать съ любовію и надеждою дѣла славныхъ Царь-Отецъ съ Царицею и Августѣйшимъ Домомъ Своимъ и Россія-Мать; на васъ обращены будутъ взоры братій нашихъ, страждущихъ народовъ христіанскихъ, съ чаяніемъ избавленія отъ жестокаго поработителя; на васъ будутъ взирать и съ вами дѣлить труды, подвиги и опасности, вашъ любимый, исполненный воинскаго обаянія Августѣйшій Вождь. Какая великая честь и слава совершать свой подвигъ предъ такими свидѣтелями его, когда на васъ устремлено столько и такихъ взоровъ! Св. Церковь будетъ молиться за васъ, благословлять васъ, и просить Господа Бога, да поможетъ вамъ оградить Христову вѣру и христіанскую гражданственность среди народовъ, отъ которыхъ мы сами унаслѣдовали и вѣру Христову, и гражданственность христіанскую. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, положившій душу Свою за други Своя, съ любовію будетъ взирать на вашу готовность положить души ваши за други ваша, и благословитъ васъ . . . Какіе подвиги не будутъ для васъ возможны подъ осѣненіемъ такихъ благословеній!

«Явите-же себя достойными своего высокаго призванія и славнаго имени русскаго воина. Молитесь, любите Господа Бога, Царя, Отечество, ближнихъ, честно подвизайтесь, и вы будете увѣнчаны славою!»

За симъ, взявъ отъ протоіерея икону и, обращаясь къ Его Высочеству Главнокомандующему, преосвященный произнесъ:

«Благовѣрный Государь, Архистратигъ воинства русскаго! Въ твоемъ лицѣ благословляю предводимое тобою христолюбивое воинство святымъ образомъ Господа Вседержителя. Христосъ да пребудетъ неразлучно съ вами, защитниками дѣла Христова, и да вѣнчаетъ ваши подвиги славными побѣдами».

Благословивъ иконою Великаго Князя и взявъ другую, преосвященный обратился къ начальнику

14-й пѣхотной дивизіи, свиты Его Величества генераль-маіору М. И. Драгомирову, съ слѣдующими словами:

«Христолюбивый вождь пребываго въ предѣлахъ нашей области воинства! Благословляю тебя и всѣхъ твоихъ сподвижниковъ святою Гербоуепкою иконою Взбранной Воеводы — Царицы Небесной, покровительницы града и страны нашей; поручаю всѣхъ васъ могущественному покровительству Ея, и молю и буду молить Ее, да ведетъ Она васъ отъ подвига къ подвигу, отъ побѣды къ побѣдѣ.

«Да возвратитъ васъ Господь къ намъ цѣлыми и невредимыми, увѣнчанными лаврами».

Тихо сѣли всѣ на коней, тихо отъѣхали вслѣдъ за Монархомъ въ сторону, очистивъ мѣсто войскамъ для предстоявшаго церемональнаго марша.

Торжественное впечатлѣніе великой минуты все еще было слишкомъ сильно для того, чтобы нашлось у кого-либо подобающее слово къ выраженію этого чувства въ эти незабвенныя мгновенія.

Раздался трубный звукъ кавалерійскаго «похода»; это Собственный Его Величества конвой съ наклонными впередъ винтовками, по эскадронно, въ развернутомъ фронтѣ, тихо и стройно приближался по линіи церемональнаго марша къ мѣсту, гдѣ впереди громадной свиты стоялъ на конѣ Императоръ. Далѣе, за конвоемъ, рокотали барабаны, безъ всякихъ звуковъ музыки: это стройно приближались вольнымъ шагомъ, сверкая щетиною бесчисленныхъ штыковъ, боевые, комплектные батальоны пѣхоты, во взводныхъ батальонныхъ колоннахъ. 14-я пѣхотная дивизія давно уже принадлежитъ къ числу самыхъ доблестныхъ боевыхъ нашихъ войскъ, неоднократно покрывавшихъ себя военною славою на поляхъ сраженій. Достаточно напомнить, что съ именемъ перваго ея полка (53-го пѣхотнаго Волынскаго) связано безсмертное имя Севастополя. Эти храбрые историческіе полки имѣютъ и георгіевскіе знамена, и серебряныя трубы, которыя украшаютъ также и 14-ю артиллерійскую бригаду. Полки 11-й кавалерійской дивизіи: Рижскій драгунскій, Чугуевскій имени Государыни Цесаревны уланскій и Изюмскій гусарскій точно также принадлежатъ къ числу старѣйшихъ русскихъ войскъ, и полны славными преданіями боеваго прошлаго. Сознаніе торжественнаго величія переживаемою минутой ясно вража-

лось на лицахъ этихъ воиновъ, когда они стройными и грозными рядами величаво проходили мимо своего Императора. Всѣ части войскъ показали себя на смотру въ самомъ блистательномъ видѣ и порядкѣ, и каждая изъ нихъ удостоилась Царской похвалы и «спасибо»!

За четвертымъ полкомъ 14-й дивизіи слѣдовали два батальона болгарскихъ добровольцевъ, появленіе коихъ въ строю оказалось полнѣйшею и пріятною неожиданностію для присутствовавшихъ. Государь Императоръ остался весьма доволенъ молодецкимъ, бодрымъ, веселымъ и воинственнымъ видомъ этихъ батальоновъ, пропарадировавшихъ мимо Его Величества съ такою стройностію и порядкомъ, какіе сдѣлали-бы честь и любому регулярному батальону. Люди, вступившіе въ ряды болгарскихъ дружинъ, пришли къ намъ изъ-за Дуная. Иные изъ нихъ дрались въ Сербіи и украшены медалями; другіе, потерявъ семью и родной кровь въ Болгаріи, бѣжали подъ сѣнь Россіи отъ неистовства турокъ, унося въ душѣ непримиримую ненависть и мщеніе врагу ихъ вѣры и племени. Между ними не мало было людей интеллигентныхъ: студентовъ, гимназистовъ, учениковъ разныхъ школъ, и надо было видѣть, какой восторгъ надежды, вѣры и благодарности написанъ былъ на лицахъ этой молодежи и на солидныхъ усатыхъ фізіономіяхъ старшихъ болгаръ, когда они лихо, молодецки проходили мѣрнымъ шагомъ и стройными рядами мимо Монарха пріютившей ихъ страны. Болгарскіе батальоны были вооружены ружьями системы Шаспо со штыками — саблями, и однообразно обмундированы: на нихъ красовались сдвинутыя на бевренъ мѣховыя шапки съ зеленымъ верхомъ, черные суконные пиджаки, въ родѣ нашихъ матросскихъ, съ алыми погонами, ранцы съ принадлежностію, желтой кожи патронныя сумки, черныя суконныя шаровары и сапоги съ высокими голенищами. Все это снаряженіе и вооруженіе сдѣлано было на счетъ суммъ нашихъ благотворительныхъ славянскихъ комитетовъ. Кадромъ для этихъ первыхъ двухъ батальоновъ послужили офицеры и люди пѣшаго конвоя Его Высочества Главнокомандующаго, составленнаго изъ лучшихъ, образцовыхъ людей разныхъ полковъ и частей русской пѣхоты. Организанія добровольческихъ частей, порученная состоящему при Главнокомандующемъ

генераль-маіору Столѣтову, совершилась въ самый короткій срокъ, когда здѣсь стало уже ясно, что война неизбежна, и надо удивляться тѣмъ замѣчательно успешнымъ результатамъ, которые достигнуты при этомъ въ столь малое время. Это только и могло быть сдѣлано при содѣйствіи того рвенія, тѣхъ чувствъ и доброй воли, какія одушевляли какъ нашихъ болгарскихъ охотниковъ, такъ и ихъ русскихъ кадровыхъ учителей и организаторовъ-офицеровъ. Между тѣми и другими сразу-же установились самыя теплыя, братскія отношенія, и можно было надѣяться, что эти первыя добровольческія части, въ случаѣ надобности, послужатъ прекраснымъ кадромъ для дальнѣйшаго формированія добровольческихъ дружинъ славянскихъ. Государь Императоръ съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствовалъ оба батальона царственнымъ словомъ Своего одобренія и выразилъ благодарность генераль-маіору Столѣтову.

По окончаніи церемоніальнаго марша, Его Императорское Величество изволилъ подъѣхать къ частямъ войскъ всѣхъ родовъ оружія и высказывалъ собраннымъ вокругъ Себя офицерамъ пожеланія и напутствія.

Только въ ту минуту, когда Государь произнесъ войскамъ: «Прощайте! До свиданія!... Возвращайтесь поскорѣе со славою... Поддержите честь русскаго оружія, и да хранитъ васъ Всевышній!»—только послѣ этихъ съ глубокимъ чувствомъ произнесенныхъ словъ, войска разразилась громовыми криками. Но что это были за крики! что за мощная сила вырывала ихъ изъ груди каждаго! Какой восторгъ, какая любовь сіяла на лицахъ, какъ вся эта масса въ невольномъ порывѣ восторженно ринулась къ Монарху и обступила Его съ поднятыми вверхъ шапками, саблями, штыками.... Солдатскія шапки полетѣли цѣлыми рядами въ воздухъ... Безчисленныя массы народа видались на колѣни, простирали къ Государю руки и шумно, радостно вторили этому восторгу войскъ; надъ ними тоже мелькало въ воздухъ множество шапокъ; женщины, дѣти махали платками, видали букеты; множество усатыхъ, мужественныхъ лицъ было орошено слезами, которыхъ не старались прятать другъ отъ друга. «Ура! За братья! За святое дѣло! За вѣру Христову! За свободу славянъ!» раздавались по-

всюду мощные крики. Казалось, самый воздухъ гремитъ надъ этими слившимися во-едино и сплотившимися вокругъ своего Царя массами войскъ и народа. Но описать этого невозможно. Такія минуты народныхъ порывовъ, во всемъ ихъ объемѣ, во всей ихъ силѣ, не поддаются никакому описанію. Онѣ только глубоко чувствуются и никогда потомъ не забываются; онѣ всецѣло становятся достояніемъ всемірной исторіи.

Въ тотъ-же день Главнокомандующій, Его Императорское Высочество отдалъ слѣдующій приказъ по арміи:

«Сотни лѣтъ тяготѣетъ иго турецкое надъ христианами, братьями нашими.

«Горька ихъ неволя. Все, что дорого человѣку, святая вѣра Христова, честное имя, потомъ и кровью добытое добро — все поругано, осквернено невѣрными.

«Не выдержали, несчастные, возстали противъ угнетателей, и вотъ уже два года льется кровь христианская; города и села выжжены; имущество разграблено; жены и дочери обезчещены; населеніе иныхъ мѣстъ поголовно вырѣзано.

«Всѣ представленія Монарха нашего и иностранныхъ правительствъ объ улучшеніи блага христианъ,—остались безуспѣшными.

«Мѣра долготерпѣнія нашего Царя-Освободителя истощилась.

«Послѣднее слово Царское сказано:

«Война Турціи объявлена.

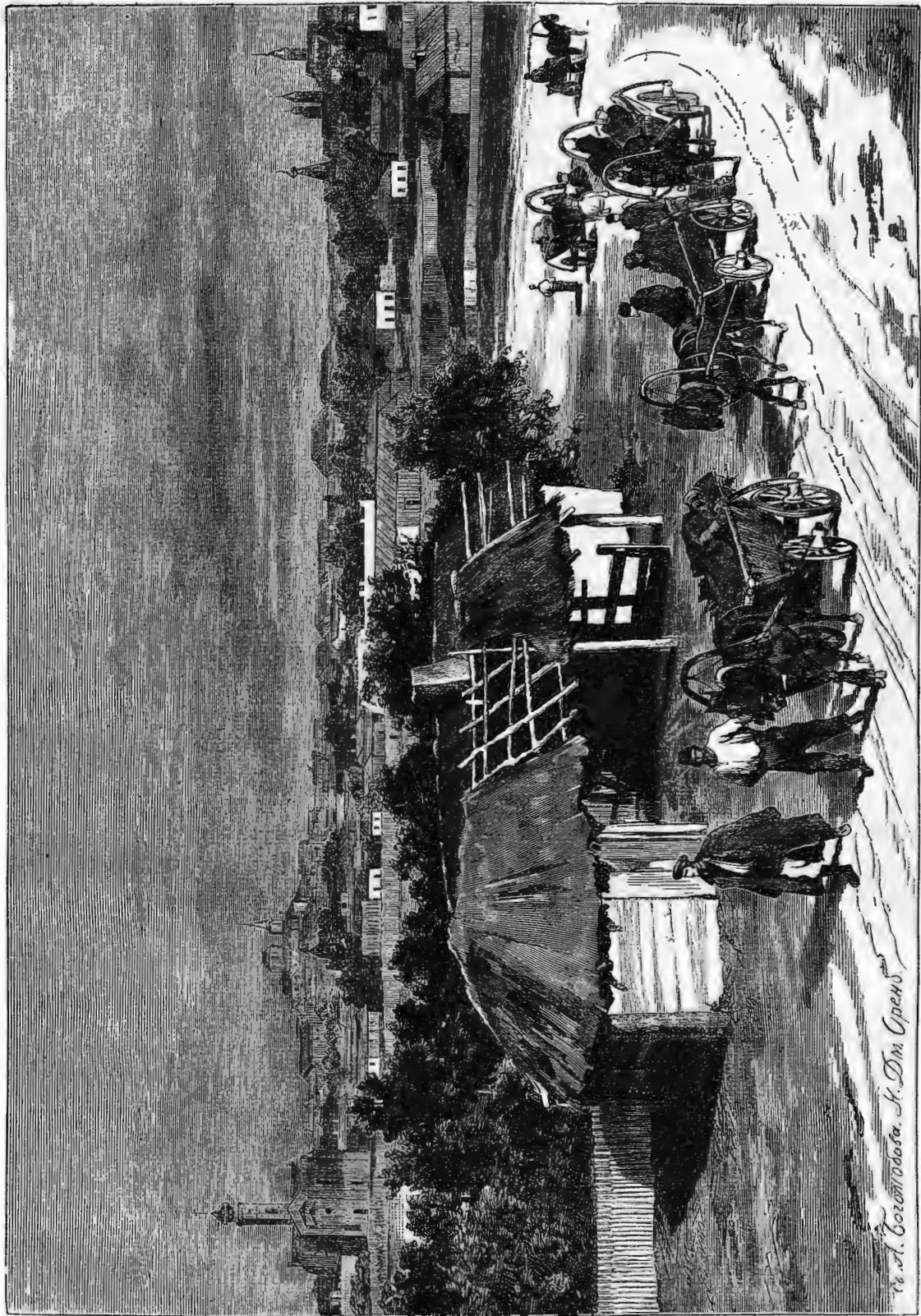
«Войска вѣрной мнѣ арміи!

«Намъ выпала доля—исполнить волю Царскую и святой завѣтъ предковъ нашихъ.

«Не для завоеваній идемъ мы, а на защиту поруганныхъ и угнетенныхъ братьевъ нашихъ и на защиту Вѣры Христовой.

«И такъ: Впередъ! Дѣло наше свято и съ нами Богъ.

«Я увѣренъ, что каждый, отъ генерала до рядоваго, исполнитъ свой долгъ и не посрамитъ имени Русскаго. Да будетъ оно и нынѣ такъ же грозно, какъ въ былые годы. Да не остановятъ насъ ни преграды, ни труды и лишенія, ни стойкость врага. Мирные-же жители, къ какой-бы вѣрѣ и къ какому народу они ни принадлежали, равно какъ и ихъ добро, да будутъ для насъ неприкосновенны. Ничто не

г. М. Боголюбова. К. Дм. Сренб

Видъ Браилова.

должно быть взято безвозмездно, никто не долженъ позволять себѣ произвола.

«Въ этомъ отношеніи, я требую отъ всѣхъ и каждаго самаго строгаго порядка и дисциплины; въ нихъ наша сила, залогъ успѣха, честь нашего имени.

«Напоминаю войскамъ, что по переходѣ границы нашей, мы вступаемъ въ издревле дружественную намъ Румынію, за освобожденіе которой пролито не мало русской крови. Я увѣренъ, что тамъ мы встрѣтимъ то же гостепрѣимство, какъ и предки, и отцы наши.

«Я требую, чтобы за то все чины платили имъ, братьямъ и друзьямъ нашимъ, полною дружбою, охраною ихъ порядковъ и безответною помощью противу турокъ, а когда потребуется, то и защищали ихъ дома такъ-же какъ свои собственные.

«Приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ и батареяхъ».

Одновременно съ этимъ на другомъ краѣ Россіи, на дальнемъ Кавказѣ, другой Главнокомандующій, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ отдалъ по кавказской арміи, перешедшей границу, слѣдующій приказъ:

«Войска кавказской арміи!

«Державная воля Государя Императора призываетъ васъ нынѣ къ защитѣ оружіемъ чести и достоинства нашего отечества.

«За вами—славное прошлое кавказскихъ войскъ; передъ вами поля и твердыни, обогранныя кровью вашихъ отцовъ и братьевъ!

«Впередъ! съ Богомъ зародину и Великаго Государя!»

17-го апрѣля Государь Императоръ слушалъ въ городскомъ кишиневскомъ соборѣ литургію и молебенъ; въ 2 часа произвелъ смотръ, проходившей черезъ Кишиневъ первой бригадѣ 9-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллерією, а въ 6 часовъ прибылъ въ зданіе дворянскаго собранія, гдѣ изволилъ давать обѣдъ всѣмъ лицамъ главной квартиры, начальникамъ отдѣльныхъ частей и управленій, представителямъ городскихъ управленій, дворянства и земства. За обѣдомъ, обращаясь къ Августѣйшему Главнокомандующему, Его Величество произнесъ слѣдующую рѣчь: «Я душевно радъ, что собственными Моими глазами имѣлъ случай убѣдиться въ

отличномъ состояніи дѣйствующей арміи и въ томъ прекрасномъ направленіи, которое ты сумѣлъ дать какъ твоему штабу, такъ и всѣмъ твоимъ многочисленнымъ управленіямъ и войскамъ; увѣренъ, что ты исполнишь свой долгъ. Пью за здоровье Главнокомандующаго и его славной дѣйствующей арміи! Да поможетъ намъ Богъ». Его Высочество отвѣтилъ: «Ваше Величество, отъ лица моей арміи передаю Вамъ, что мы исполнимъ свой долгъ до послѣдней капли крови. За здоровье Государя Императора, ура!»

Тутъ-же были Высочайше назначены шефами пѣхотныхъ полковъ: Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій—58-го волынскаго; генераль-адъютантъ Непокойчицкій—56-го Минскаго; генераль-адъютантъ Милютинъ—121-го Пензенскаго, какъ перваго полка, сформированнаго въ его бытность военнымъ министромъ.

Вслѣдъ за вступленіемъ нашей арміи въ Румынію, Главнокомандующій обнародовалъ къ жителямъ слѣдующую прокламацію:

«Жители княжества Румыніи!

«По повелѣнію Его Величества Императора Всероссийскаго, армія Его, состоящая подъ моимъ начальствомъ и предназначенная для военныхъ дѣйствій противъ Турціи, вступаетъ нынѣ въ предѣлы вашей страны, уже не разъ радушно встрѣчавшей русскія войска.

«Объявляя вамъ объ этомъ, предвараю васъ, что мы вступаемъ къ вамъ, какъ древніе друзья и добροжелатели ваши, надѣясь встрѣтить у васъ то-же гостепрѣимство и то-же радушіе, которыя предки ваши оказывали нашимъ войскамъ во время нашихъ прежнихъ кампаній противъ Турціи. Съ своей стороны, я, исполняя повелѣніе Его Императорскаго Величества, Августѣйшаго Брата моего, считаю долгомъ объявить вамъ, румыны, что проходъ черезъ вашу страну нашихъ войскъ и временное въ ней пребываніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не должны тревожить васъ, и что мы смотримъ на правитель-ство ваше какъ на дружественное намъ.

«Приглашая васъ поэтому къ продолженію мирныхъ занятій вашихъ и къ оказанію содѣйствія нашей арміи въ удовлетвореніи ея нуждъ и потребностей, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, распорядился, чтобы за

всѣ сдѣланныя для нея вами поставки уплачивались вамъ безъ замедленія деньги сполна изъ казначейства арміи.

«Вамъ извѣстно, что армія Его Величества отличается строгою дисциплиною. Я увѣренъ, что она поддержитъ честь свою среди васъ. Войска наши не нарушатъ вашего спокойствія и соблюдутъ должное уваженіе къ законамъ, къ личности и къ собственности мирныхъ гражданъ.

«Румыны!

«Предки наши проливали свою кровь за освобожденіе вашихъ предковъ. Мы считаемъ себя вправѣ рассчитывать на ваше содѣйствіе войску, проходящему чрезъ вашу страну, чтобы подать руку помощи угнетеннымъ христіанамъ Балканскаго полуострова, бѣдствія которыхъ вызвали сочувствіе не только въ Россіи, но и всей Европы».

Пробывъ еще нѣсколько дней въ Кишиневѣ и проводивъ войска въ походъ, Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ 19 апрѣля изволилъ выѣхать въ Одессу, а вечеромъ 22 числа прибылъ въ Москву, назначивъ на 23 число выходъ во дворцѣ.

По вступленіи въ тотъ день въ Георгіевскую залу, Государю Императору были представлены слѣдующіе адреса отъ московскаго дворянства, городского общества и Петровской земледѣльческой академіи.

I.

«Всемиловѣйшій Государь! Съ молитвою въ сердцѣ и на устахъ, встаетъ по слову Вашему земля Русская; она встаетъ во имя Христа на великое правое дѣло; настало время доказать, что дворянство вѣрно своему призванію. Сыны и братья наши, по примѣру предковъ, стоятъ уже въ рядахъ доблестнаго воинства Вашего. Не всѣмъ намъ выпала завидная и славная доля въ первыхъ рядахъ сразиться съ вѣковымъ врагомъ Россіи за освобожденіе поработенныхъ собратій. Но на всѣхъ насъ лежитъ другой, болѣе смиренный долгъ: по мѣрѣ силъ нашихъ, въ духѣ братской любви, будемъ мы служить болящимъ и раненымъ воинамъ нашимъ. Господь да поддержитъ Васъ, возлюбленный Государь, въ святомъ высокомъ подвигѣ».

II.

«Всемиловѣйшій Государь! Ты призвалъ къ брани — и возликовала Русь! Ты возвѣстилъ ей трудъ грозный и скорбный — и на Руси праздникъ! Двинувъ войска Свои въ бой, Ты явился народу въ стѣнахъ его древней столицы — и воздухъ колебался отъ кликовъ признательности и благоговѣнія! Никогда не срѣталъ Тебя Твой смиренно-мудрый народъ съ такимъ умиленіемъ и благодарностію, какъ именно нынѣ, виявъ бранному Твоему призыву, ибо важно и свято настоящее мгновение, и отъ слова Твоего, Царь, совѣсть и честь Россіи вздохнули свободно, ибо вѣдаетъ Твой народъ, что мечъ Россіи обнаженъ Тобою, миролюбивѣйшій изъ Царей, не суетной славы ради, а во имя Христово, за нашихъ многострадалныхъ славянъ — братьевъ, ибо не поработать и губить устремилъ Ты доблестные полки Свои за Дунай, а насаждать свободу и благоденствіе, призвать единовѣрныхъ и единокровныхъ намъ племена къ новой жизни, благоустроенному бытію. Нѣтъ войны праведнѣе сей, и, славя Господа, призвавшаго ее на такой чистый и святой подвигъ, святая Русь молить Его лишь о томъ: да сподобитъ Онъ ее явиться достойною призванія и свершить его до конца, вопреки кознямъ враговъ и лукавымъ внушеніямъ мпимой мудрости. Ты медлилъ бранью, милосердуя о жертвахъ брани, шадя дорогую Тебѣ русскую кровь. Въ этихъ любвеобильныхъ словахъ Твоихъ видится намъ залогъ грядущихъ успѣховъ: русская кровь не прольется напрасно. Голосъ Москвы — голосъ Россіи; вѣрь-же въ свою Россію, Державный Царь, радуйся въ наступившіе часы испытанія подъемомъ ея духа; какъ доспѣхомъ одѣвья ея любовью: въ ея любви сила и истина, ея любовь творитъ чудеса».

III.

«Всемиловѣйшій Государь! На мощное слово Ваше въ октябрѣ прошлаго года, раздавшееся съ высотъ московскаго Кремля, откликнулся русскій народъ какъ одинъ человекъ, и весь свѣтъ, друзья и недруги Россіи, не впервые увидѣли, что Вы, Государь, и миліоны вѣрнопопданныхъ Вашихъ — пе-

раздѣльное единство, одна воля, одно сердце. И теперь, когда, истощивъ безъ остатка мирныя средства, Ваше Величество державною рукою двинули полки Свои на защиту и восстановление человѣческихъ правъ, мы — слуги науки въ Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи, спѣшимъ присоединить нашъ голосъ къ народному одушевленію, съ выраженіемъ Вамъ, Великій Царь-Освободитель, нашей вѣрнопопданнической преданности, глубокаго преклоненія предъ всѣми Вашими начинаніями и готовности съ полнымъ сознаніемъ величія переживаемыхъ нами событій жертвовать достояніемъ своимъ, кровью и жизнью на высоко-христіанское, истинно святое дѣло, Вами начатое».

Выслушавъ эти адреса, Государь Императоръ изволилъ сказать:

«Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, въ этихъ самыхъ стѣнахъ, по среди Нашего древняго роднаго Кремля, Я выразилъ вамъ Мои надежды на мирный исходъ политическихъ дѣлъ на Востокѣ. Я желалъ до нельзя падить дорогую русскую кровь, но старанія Мои не увѣчались успѣхомъ. Богу угодно было рѣшить дѣло иначе. Манифестъ Мой, подписанный 12 апрѣля въ Кишиневѣ, возвѣстия Россіи, что минута, которую Я предвидѣлъ, для насъ настала, и вся Россія, какъ Я ожидалъ, откликнулась на Мой призывъ. Москва первая подала въ томъ примѣръ и вполне оправдала Мои надежды. Сегодня Я счастливъ, что могу, вмѣстѣ съ Государыней Императрицей, благодарить всѣ сословія Москвы, отъ глубины души, за ихъ истинно патріотическія чувства, которыя они доказали уже не одними словами, но дѣломъ. Могу сказать, по совѣсти, что ихъ пожертвованія превзошли Мои ожиданія. Да поможетъ Намъ Богъ исполнить нашъ долгъ, и да будетъ благословеніе Его на Нашихъ славныхъ войскахъ, идущихъ на бой за Вѣру, Царя и Отечество».

Громкое, восторженное «ура» потрясло стѣны дворца, слившись въ непрерывный гулъ, длившійся неумолкаемо во все время, какъ царственное шествіе, среди тысячной восторженной массы, медленно подвигалось къ выходу на Красное крыльцо. Народъ въ Кремлѣ стоялъ вездѣ, гдѣ только можно было стать. Кремлевскія рѣшетки были унизаны сплошными рядами, всѣ галереи Ивановской колокольни были переполнены, Кремлевскій звонъ и

народные клики привѣтствовали появленіе Государя. Толпы заволновались порывисто, и восторженные клики слились въ потрясающій гулъ безчисленныхъ голосовъ, когда Царь и Царица съ высоты историческаго крыльца поклонились Москвѣ. При дверяхъ Успенскаго собора, высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, митрополитъ московскій, встрѣтилъ Его Величество слѣдующею рѣчью:

«Благочестивѣйшій Государь! Наконецъ, по волѣ Всемогущаго Царя вселенной, Ты, по многому терпѣнію и долготерпѣнію, принявъ на Себя великое и святое дѣло освобожденія единоплеменныхъ и единовѣрныхъ нашихъ братій, страждущихъ подъ невыносимо-тяжкимъ игомъ. Москва, осчастливленная Твоимъ милостивымъ словомъ за ея посильныя пожертвованія, срѣтаетъ Тебя съ сугубою любовію и восторгомъ, но восторгомъ притрепетнымъ, и любовію не чуждою скорби; ибо Твоя святая скорбь о жертвахъ, необходимыхъ для сего великаго дѣла, можетъ-ли быть чужда нашему сердцу? Москва, вмѣстѣ со всею Россією, молить, и будетъ молить Побѣдителя ада и смерти, да укрѣпитъ онъ Твою Десницу и Твое Христіюлюбивое воинство, да даруетъ Тебѣ силу и премудрость совершить начатое во славу Божію, во славу Твою и Твоего народа, да сподобитъ и насъ въ свое время срѣтять Тебя, какъ Побѣдителя и Совершителя великаго дѣла, съ радостію полною, и восторгомъ ничѣмъ несмущаемымъ».

Приложившись ко святымъ мощамъ и иконамъ, Государь Императоръ прошелъ въ Чудовъ монастырь, откуда проѣхалъ во дворецъ.

Между тѣмъ на Театральной площади, около которой толпились десятки тысячъ народа, строились войска, готовясь къ Высочайшему смотру. Крыши всѣхъ домовъ, сосѣднихъ съ площадью, и зубцы стѣны Китай-города были усыяны народомъ; въ домахъ были раскрыты окна, переполненные дамами. Полки заняли свои мѣста, и около часу послѣ полудня народныя толпы замолвели въ ожиданіи появленія Государя. Раздалось «ура». Государь, верхомъ на бѣломъ конѣ, въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича и блестящей свиты, выѣхалъ на площадь и, принявъ рапортъ отъ командующаго войсками Московскаго военнаго округа, направился къ полкамъ. Проѣхавъ по рядамъ войскъ, Его Ве-

личество пропустилъ баталіоны церемоніальнымъ маршемъ, сначала по-ротно, а затѣмъ въ колоннахъ. Его Величество остался доволенъ состояніемъ войскъ и благодарилъ офицеровъ.

Вечеромъ, въ 10 часовъ, Ихъ Величества и Ихъ Высочества присутствовали на раутѣ у генералъ-губернатора; Государь и Государыня были веселы и особенно привѣтливы, а 24 апрѣля, въ 12 часовъ дня, отправились въ Троице-Сергіеву лавру. Въ Москвѣ и по всей дорогѣ, станціи были убраны тропическими растеніями и транспарантами, съ надписями и вѣнзелями. На Хотьковской станціи духовенство монастыря встрѣтило Царскій поѣздъ съ иконами и хоругвями. На Троице-Сергіевской станціи депутаціи отъ дворянства и посада поднесли Государю хлѣбъ-соль. Посадъ, не смотря на дождь, пестрѣлъ множествомъ флаговъ. Въ Лаврѣ Ихъ Величества были встрѣчены при входѣ въ Троицкій соборъ владыкою, митрополитомъ московскимъ, съ преосвященнымъ Игнатіемъ, викаріемъ московской епархіи, и многочисленнымъ духовенствомъ.

Въ соборѣ совершено было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и молитвою о побѣдѣ надъ врагами. У мощей Радонежскаго чудотворца митрополитъ благословилъ Государя древнею иконою видѣнія Богоматери Преподобному Сергію, и въ проникнутой чувствомъ рѣчи вспомнилъ о томъ великомъ моментѣ въ исторической жизни русскаго народа, когда преподобный Сергій благословлялъ Дмитрія Донскаго на борьбу съ татарами. Государь молитвенно принялъ святую икону, многократно сопровождавшую русское воинство въ побѣдоносныхъ битвахъ. Икона эта, въ формѣ складня, написана на верхней доскѣ отъ гроба преподобнаго Сергія. Она была дана въ благословеніе отъ обители Сергіевской царю Алексѣю Михайловичу въ 1655 г. и находилась съ нимъ въ походѣ во время Польской войны. При Петрѣ Великомъ, въ 1702 году, она была въ станѣ русскихъ воиновъ во время Шведской войны. Въ Отечественную войну 1812 года императоръ Александръ I вручилъ ее московскому ополченію. Наконецъ, въ 1855 году препроводили ее въ Крымъ, въ дѣйствующую армію, откуда она была возвращена въ Лавру послѣ окончанія войны. Кромѣ складня, Государю Императору

преподаны для отправленія въ дѣйствующія русскія арміи, Дунайскую и Кавказскую, два снимка съ него.

Обратно въ Москву Ихъ Величества и Ихъ Высочества прибыли около 6 часовъ и въ экипажахъ переѣхали на станцію Николаевской дороги. Здѣсь, милостиво простившись со всѣми, и еще разъ изъяснивъ Свое благоволеніе и благодарность Москвѣ, Государь и Государыня съ Государемъ Наслѣдникомъ, Цесаревною и Великимъ Княземъ, отправились въ Петербургъ. Повсюду на станціяхъ Государя радостно толпами встрѣчалъ народъ. Въ Петербургѣ, на станціи, Государь, милостиво отвѣтивъ депутаціямъ, сообщилъ военнымъ чинамъ послѣднее извѣстіе съ театра войны. Отъ станціи до дворца, вдоль всего Невскаго проспекта, ожидали Его толпы народа. Гвардія стояла шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицы. Коляски Государя и Государыни были окружены множествомъ офицеровъ верхами всѣхъ частей войскъ, провожавшихъ Ихъ Величества до дворца.

Въ рѣчи Своей къ офицерамъ, Государь сказалъ, между прочимъ, что Главнокомандующій кланяется гвардіи и жалѣетъ, что ея нѣтъ съ нимъ. Продолжая далѣе, Государь сказалъ, что Онъ надѣется, что если гвардіи придется участвовать въ походѣ, то она поддержитъ славу русской арміи, затѣмъ прибавилъ, что Главнокомандующій уже находился въ огнѣ у Браилова, гдѣ три турецкіе броненосца обстрѣливали городъ, не причинивъ вреда, и высказалъ, что войска арміи представились Ему въ самомъ блестящемъ состояніи, не смотря на дурныя дороги и ненастную погоду.

По возвращеніи Государя Императора въ Петербургъ, Ему были представлены слѣдующіе адреса.

I.

Отъ петербургскаго дворянства:

«Государь! Въ то время, когда въ предѣлахъ Турціи братья наши кровію своею искупаютъ вѣру и вольность угнетенныхъ христіанъ, мы, на долю коихъ не выпала ихъ славная участь, принося нынѣ посильное пожертвованіе въ пользу женъ и дѣтей пострадавшихъ, желаемъ еще разъ выразить

предъ лицемъ Вашего Императорскаго Величества задушевные наши чувства, дабы Вы вѣдали, Государь, что всѣ мы до единого ждемъ лишь слова Вашего, чтобы встать въ ряды доблестнаго войска и, замѣнивъ падшихъ братьевъ, лечь костями за Вѣру, Царя и Отечество.

«Государь! Вы ведете насъ на правую борьбу, и Богъ, на правосудіе котораго уповаемъ, не оставитъ насъ своею помощію. Онъ услышитъ горячія молитвы наши и поможетъ Вамъ побѣдоносно довершить начатое Вашимъ Императорскимъ Величествомъ святое, великое дѣло».

Выслушавъ этотъ адресъ, Государь Императоръ соизволилъ удостоить депутацію милостивымъ выраженіемъ Своей Высочайшей благодарности за вѣрнопоподданнческія чувства, высказанныя с.-петербургскимъ дворянствомъ во всеподданнѣйшемъ адресѣ.

При этомъ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ благоугодно было выразить депутатамъ милостивое согласіе на принятіе подъ Свое Высочайшее покровительство, учрежденнаго губернскимъ собраніемъ дворянства, особаго комитета изъ предводителей и депутатовъ для распредѣленія сдѣланнаго с.-петербургскимъ дворянствомъ пожертвованія между семействами, пострадавшими въ настоящую войну.

II.

Отъ петербургскаго городского общества:

«Всемилоостивѣйшій Государь! Съ чувствомъ сердечной радости встрѣчаетъ Тебя столица Твоя.

«Съ глубокимъ благоговѣніемъ выслушали мы Державную Твою волю, повелѣвшую доблестнымъ російскимъ войскамъ вступить въ предѣлы Турціи.

«Твердо вѣруемъ, Государь, что само Провидѣніе предопредѣлило Тебѣ совершить святой подвигъ освобожденія христіанъ, страждущихъ подъ тяжкимъ мусульманскимъ игомъ.

Вѣковыя смуты въ средѣ народовъ Балканскаго полуострова подрываютъ основы европейскаго мира, нарушая правильный ходъ и нашего преуспѣанія. За возникающими громами войны слышатся уже намъ благословеніе милліоновъ, для которыхъ Ты

бранью открываешь пути прочнаго мирнаго развитія.

«На совершеніе этого великаго подвига съ восторгомъ повергаемъ мы въ стопы Твоимъ, Монархъ-Освободитель, и нашу жазнь; и достояніе».

Его Величество изволилъ отвѣчать слѣдующими словами,

«Благодарю васъ, господа, за выраженныя вами чувства. Я былъ увѣренъ, что послѣ словъ, сказанныхъ Мною въ Москвѣ и Моего манифеста, вы проявите тѣ чувства, которыя Мнѣ отрадно видѣть въ Васъ. Вы знаете, что Мною было сдѣлано все отъ Меня зависящее, чтобы дѣло рѣшилось мирнымъ путемъ, для избѣжанія пролитія дорогой Мнѣ русской крови, и чтобы устранить замѣшательства въ промышленности. Всевышнему угодно было указать пути для достиженія цѣли, и намъ остается лишь уповать на милость Божію, чтобы цѣль наша была достигнута скорѣе. Выраженныя вами чувства радуютъ Меня тѣмъ болѣе, что я вижу въ нихъ не одни лишь слова, — но дѣло. Пожертвованіе ваше облегчаетъ положеніе жертвъ, неизбѣжныхъ въ такомъ дѣлѣ. Душевно благодарю васъ и поручаю вамъ выразить Мою благодарность всему городскому обществу».

Затѣмъ, представители города имѣли счастье быть представленными Государынѣ Императрицѣ, Которая изволила ихъ благодарить за сдѣланное пожертвованіе на христіанское и истинно патриотическое дѣло.

Въ тотъ-же день представлялась Государю депутація ремесленнаго и мѣщанскаго обществъ Петербурга, которой Государь изволилъ сказать слѣдующее:

«Значительное пожертвованіе отъ города С.-Петербурга на военныя потребности, представленное городскою думою въ Мое распоряженіе, даетъ Мнѣ новый случай выразить вамъ Мою сердечную благодарность. Я высоко цѣню то чувство, которое руководило вами при назначеніи этого щедрого пожертвованія. Въ чувствахъ вашихъ и готовности на жертвы Я никогда не сомнѣвался. Отъ всей души благодарю васъ и въ лицѣ вашемъ — весь городъ».

Въ маѣ мѣсяцѣ Государю Императору благоугодно было отправиться въ дѣйствующую армію. Но

еще до отъезда Его, на театр военных дѣйствій были отправлены лейбъ-гвардіи сводный Казачій полкъ и особый сводный отрядъ, который долженъ былъ состоять при Императорской главной квартирѣ. Въ составъ этого отряда вошли по 16 нижнихъ чиновъ отъ каждаго пѣхотнаго гвардейскаго полка, по 4 отъ отдѣльнаго баталіона, по 6 отъ кавалерійскихъ полковъ и 30 человекъ отъ л. гв. Сапернаго батальона. Кромѣ того, сюда поступили также нижніе чины изъ армейскихъ полковъ, въ которыхъ Его Величество изволилъ быть

шефомъ. Начальство надъ отрядомъ поручено было лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка флигель-адъютанту полковнику Озерову.

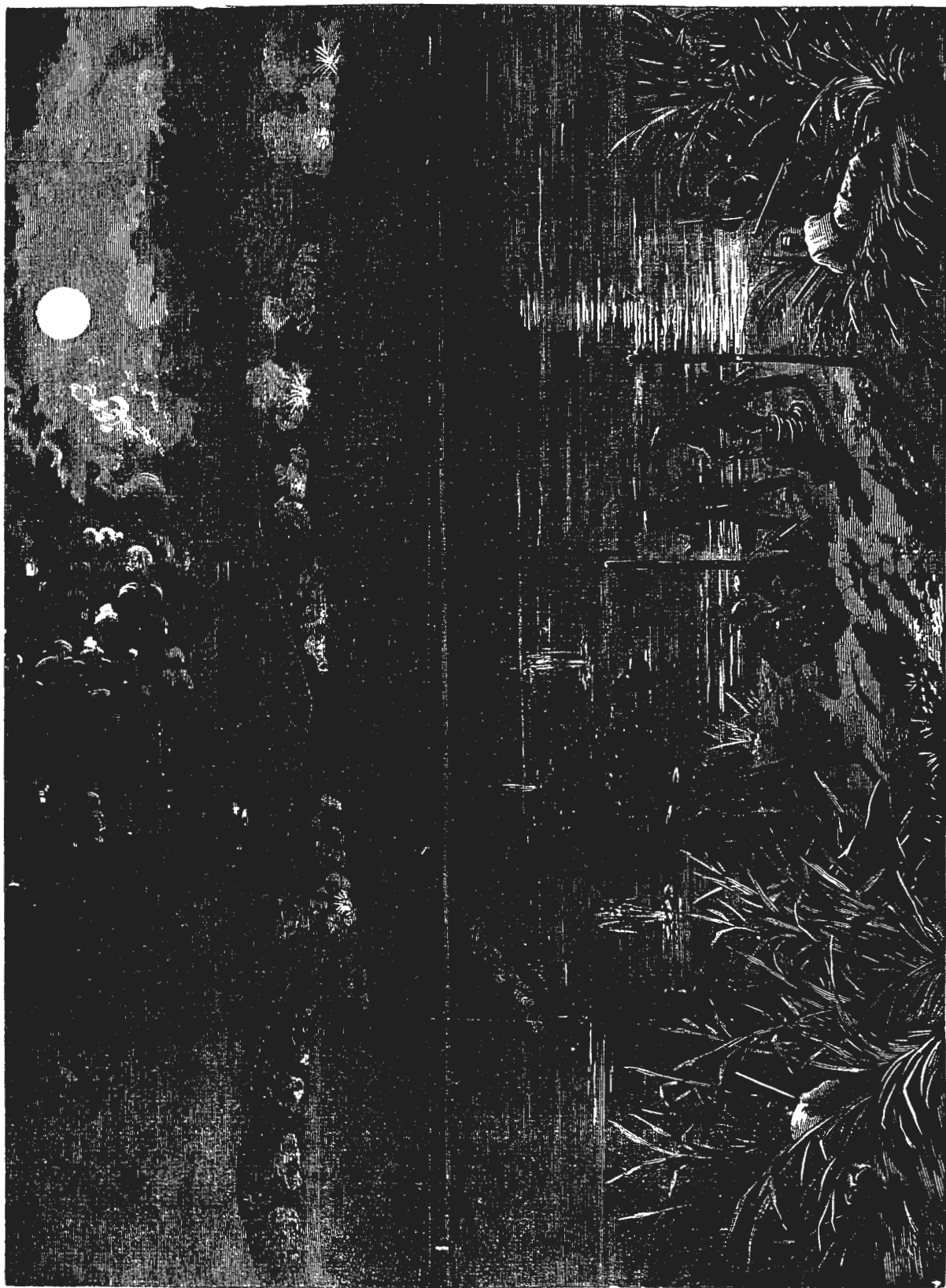
21 мая, въ 11 часовъ вечера Государь, въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича, изволилъ выѣхать изъ Царскаго Села въ армію, главная квартира которой была въ это время уже въ румынскомъ городѣ Плоешти. Сюда Государь прибылъ 26 мая; нѣкоторыя части дѣйствующей арміи, сосредоточенной въ этому времени на Дунаѣ успѣли уже отличиться.

Заняті Барбошного моста.

Закладка минъ на Дунаѣ.

II.

ПЕРЕПРАВА ЗА ДУНАЙ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Значеніе рѣки для воюющихъ сторонъ. — Постройка береговыхъ батарей на румынскомъ берегу. — Взрывъ турецкаго броненосца „Лютфи Джелиль“. — Минныя загражденія нижняго Дуная. — Подвиги моряковъ.

Переправа черезъ рѣку Дунай составляла самую трудную задачу, для нашихъ доблестныхъ войскъ, выступившихъ въ достопамятный день 12 апрѣля 1877 года, на великое дѣло освобожденія балканскихъ славянъ отъ турецкаго произвола.

Въ мирное время рѣки служатъ для людей едва ли не самыми удобными и, во всякомъ случаѣ, самыми выгодными путями сообщенія и въ значительной степени благопріятствуютъ сношеніямъ народовъ между собою. Но съ момента объявленія войны тѣ же самыя рѣки получаютъ совершенно иное значеніе: во время войны рѣка раздѣляетъ, разъединяетъ враждующія арміи не менѣе, чѣмъ какія нибудь горы, или искусственныя крѣпости, и можетъ служить для однихъ сильнѣйшимъ препятствіемъ, а для другихъ болѣе или менѣе надежною защитой. Чѣмъ больше рѣка, чѣмъ она глубже и шире, тѣмъ труднѣе для наступающаго перебраться черезъ нее, въ виду непріятели, и тѣмъ легче для обороняющагося укрыться за нею. Въ этомъ случаѣ, рѣка играетъ роль, можно сказать, естественнаго *крѣпостнаго рва*, но только всегда болѣе или менѣе въ увеличенныхъ размѣрахъ; все равно, какъ горы, въ подобныхъ случаяхъ, замѣняютъ въ нѣкоторомъ родѣ колоссальный крѣпостной валъ, съ тою однако разницей отъ рѣвъ, что горы и въ мирное время не особенно благопріятствуютъ сообщеніямъ людей

между собою. Недаромъ эти горы, а также и рѣки считаются лучшими границами для государствъ, служа не только естественными знаками этихъ границъ, но и лучшимъ и готовымъ средствомъ для ихъ обороны.

Самая главная и самая важная, въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ, часть Турецкой Имперіи, именно — Европейская Турція — какъ разъ обладаетъ по отношенію къ Россіи всѣми вышеупомянутыми средствами защиты, въ высшей степени благопріятными для охраненія ея границъ. Европейская Турція заслоняется со стороны Россіи, исключая крѣпостей и Чернаго моря, двумя линиями естественныхъ преградъ — великой рѣкой Дунаемъ и высочайшими Балканскими горами. И не разъ русской арміи приходилось вѣдаться съ этими грозными преградами.

Въ нынѣшнюю войну съ Турціей, рѣка Дунай могла оказаться для русской арміи несравненно болѣе опаснымъ препятствіемъ, въ виду необыкновенно развитой силы современнаго огнестрѣльнаго оружія, которымъ турки вполне успѣли заручиться, а главнымъ образомъ — вслѣдствіе положительнаго отсутствія на Черномъ морѣ русскаго флота, что исключало для насъ всякую возможность отвлечь хотя часть турецкихъ силъ отъ береговъ Дуная и наоборотъ — давало туркамъ полную возможность

сосредоточить все свое вниманіе на этой огромной рѣкѣ... Нападеніе съ фронта, безъ отвлеченія непріятельскихъ силъ на флангъ или въ тылу ихъ, всегда оказывалось въ высшей степени неблагоприятнымъ для успѣха нападающихъ, а русскимъ приходилось, въ началѣ нынѣшней войны искать этотъ фронтъ, и флангъ, и тылъ непріятеля на одной и той же линіи—на сильно укрѣпленномъ турецкомъ берегу Дуная...

Вотъ почему, со времени объявленія войны Турціи, не только вся Россія стала слѣдить съ трепетнымъ ожиданіемъ за дѣйствіями нашихъ войскъ въ Румыніи, но и взоры всего свѣта съ напряженнымъ вниманіемъ обратились къ берегамъ Дуная...

Два мѣсяца длилось всеобщее нетерпѣливое ожиданіе переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай. Нетерпѣніе это усиливалось еще вслѣдствіе того обстоятельства, что никто не зналъ, гдѣ собственно совершена будетъ эта переправа. Желаемый успѣхъ дѣла заставлялъ главнокомандующаго скрывать какъ мѣсто, такъ и время переправы. Въ виду этого, относительно такого важнаго предпріятія, какъ переходъ черезъ непріятельскую рѣку, существовала полнѣйшая неизвѣстность во все продолженіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ войны, вслѣдствіе чего, нетерпѣливое ожиданіе всѣхъ, съ каждымъ новымъ днемъ все болѣе и болѣе возрастало....

Это довольно продолжительное замедленіе въ переправѣ произошло главнымъ образомъ отъ сложности и трудности тѣхъ подготовительныхъ мѣръ, каковыхъ потребовали, съ нашей стороны, многочисленныя и сильныя препятствія, встрѣченныя нами на всемъ протяженіи огромной непріятельской рѣки. Однако всѣ эти подготовительныя работы, какъ онѣ ни были многочисленны и даже опасны, равно какъ и самая переправа черезъ Дунай, были, въ концѣ концовъ, выполнены съ блестящимъ и совершенно неожиданнымъ успѣхомъ, благодаря необыкновенной отвагѣ и самоотверженію русскихъ солдатъ и моряковъ, предпринимавшихъ, часто по собственному почину, весьма трудныя и рискованныя операци и исполнявшихъ ихъ съ безпримѣрнымъ мужествомъ и удачей. Весь первый періодъ войны, отъ самаго начала ея и вплоть до занятія Сигетова, представляется почти непрерывнымъ рядомъ бле-

стящихъ и самоотверженныхъ подвиговъ, столь необыкновенныхъ по значенію своему и по смѣлости исполненія, что, не смотря на кажущуюся ихъ маловажность, объ нихъ въ свое время говорила вся Европа, а изъ памяти русскаго народа подвиги эти, безъ сомнѣнія, не изгладятся никогда.

Вообще война 1877 года съ Турціей, благодаря возвышенности и необыкновенной популярности ея цѣли, представляется небывалымъ явленіемъ въ ряду европейскихъ войнъ, производившихся въ большинствѣ случаевъ изъ за цѣлей честолюбивыхъ и всегда болѣе или менѣе туманныхъ для пониманія народныхъ массъ. Русско-Турецкая война 1877—1878 годовъ представляла столь простую, ясную и возвышенную цѣль,—освобожденіе христіанъ, что сознаніе ея едва ли не глубже проникло въ пониманіе народныхъ массъ, чѣмъ даже высшихъ образованныхъ классовъ, и потому не удивительно, что война эта представляетъ такое множество примѣровъ личнаго почина и необыкновеннаго мужества въ рядахъ войскъ всѣхъ родовъ оружія. Даже самыя крупныя, главныя событія нынѣшней войны, какъ бы теряются въ этой массѣ героевъ и ихъ единичныхъ самоотверженныхъ подвиговъ. Вотъ почему, говоря о переправѣ черезъ Дунай, какъ о крупномъ эпизодѣ современной войны, нельзя пройти молчаніемъ и множества предшествовавшихъ этому дѣлъ, иногда, правда, мелкихъ повидимому, но весьма замѣчательныхъ по своему духу и, въ значительной степени, подготовившихъ успѣхъ главнаго событія—переправы черезъ Дунай всей русской арміи. Въ виду этого, мы и начнемъ рассказъ о переправѣ съ момента объявленія войны, тѣмъ болѣе, что переправа черезъ Дунай, въ сущности, была первымъ крупнымъ событіемъ нынѣшней войны, не смотря на значительную отдаленность ея, по времени, отъ начала кампаніи.

12 апрѣля 1877 года послѣдовалъ, давно уже ожидавшійся всею Россіей манифестъ Государя Императора о войнѣ съ Турціей, и въ то же время объявленъ былъ приказъ Главнокомандующаго дѣйствующей арміей о выступленіи въ походъ, къ предѣламъ Турціи.... «Не для завоеваній идемъ мы, говорилось въ томъ приказѣ, а на защиту поруганныхъ братіевъ нашихъ и на защиту вѣры Христовой».

«И такъ: впередъ! дѣло наше свято и съ нами Богъ!»

Воодушевленіе, охватившее армію и народъ и выразившееся въ многочисленныхъ и крупныхъ пожертвованіяхъ на нужды войска,— это воодушевленіе, игравшее такую важную роль во всѣхъ событіяхъ нынѣшней кампаніи, всѣмъ намъ еще памятно, и въ настоящее время было бы излишне говорить о немъ. Всѣ съ одинаковой заботой и участіемъ обратили тогда свои взоры къ мѣсту великихъ событій...

До начала войны границы Европейской Турціи прилегали, можно сказать, непосредственно къ границамъ русской территоріи, именно, къ Бессарабской области. Но, предъ объявленіемъ войны, русское правительство заключило тайную конвенцію съ сосѣднимъ Румынскимъ Княжествомъ, составлявшимъ вассальную турецкую провинцію, о свободномъ пропускѣ нашихъ войскъ черезъ всю румынскую территорію, и о содѣйствіи этому передвиженію русскихъ со стороны самихъ румынскихъ властей. Вслѣдствіе этого границы Турціи, какъ бы сами собой, отодвигались за предѣлы Румыніи, къ правому или болгарскому берегу Дуная....

Войска наши, предназначенныя для дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ, подъ главнымъ начальствомъ Великаго Князя, Николая Николаевича старшаго, еще за долго до начала войны сосредоточены были близъ румынской границы, у г. Кишинева, и стояли, такъ сказать, наготовѣ, въ виду энергическаго побужденія Порты къ мирному соглашенію на предложенія русскаго правительства, объ улучшеніи быта турецкихъ славянъ. Но, какъ только невозможность мирнаго соглашенія съ Портою выяснилась и, вслѣдъ затѣмъ, 12-го апрѣля, послѣдовалъ Высочайшій манифестъ о войнѣ, войска наши, въ тотъ же день, перешли русско-румынскую границу въ трехъ пунктахъ: у г. Унгены, въ Бештамакѣ и у г. Кубея. Къ вечеру того же дня, передовой отрядъ донскихъ казаковъ, пройдя за день около ста верстъ, занялъ уже Барбошскій мостъ что на рѣкѣ Серетѣ, близъ береговъ Дуная, верстахъ въ 8 отъ румынскаго города Галаца. А передовая колонна пѣхоты, сдѣлавъ въ тотъ же день около 70 верстъ, остановилась къ вечеру въ ру-

мынскомъ городѣ Рени, уже на самомъ берегу Дуная и также не подалеку отъ г. Галаца.

Этотъ огромный переходъ и быстрое занятіе Барбошскаго моста было первымъ молодецкимъ дѣломъ русской арміи. Движеніе это важно было по слѣдующимъ причинамъ: Барбошскій мостъ перекинутъ черезъ рѣку Серетъ, впадающую въ Дунай, на которомъ хозяйничали турки. Выйдя изъ Дуная въ рѣку Серетъ, они легко могли взорвать этотъ мостъ. Между тѣмъ, черезъ него проходитъ желѣзная дорога, по которой наши войска должны были прибыть къ берегамъ Дуная. Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ Барбошскаго моста, прекратился бы для нашихъ войскъ доступъ по желѣзной дорогѣ къ рѣкѣ, вдоль которой, на турецкомъ берегу, стояли уже сильныя непріятельскія отряды, готовые во всякую минуту перейти эту рѣку на нашу сторону. Турки и собирались взорвать Барбошскій мостъ въ первый же день объявленія войны, но пока они думали объ этомъ, вечеромъ того же дня имъ сообщили, что мостъ уже занятъ казаками, а потому подходить къ нему для турокъ было уже не безопасно. На слѣдующій день, 13 апрѣля, занятъ былъ и г. Браиловъ, за что донской казачій, № 29 полкъ, получилъ въ послѣдствіи, по окончаніи кампаніи, георгіевскій штандартъ, съ надписью: «за быстрое наступленіе и занятіе Браилова 13 апрѣля, 1877 года.»

Съ занятіемъ Барбошскаго моста нашими казаками, движеніе по всей румынской желѣзной дорогѣ осталось свободнымъ, что дало намъ возможность быстро перевести по ней, всѣ необходимыя передовыя войска къ берегамъ Дуная, чтобы черезъ это воспрепятствовать туркамъ перейти его въ какомъ либо мѣстѣ прежде прибытія русскихъ.

Однакожь, передвиженіе остальныхъ нашихъ войскъ нѣсколько замедлилось, такъ какъ желѣзныхъ дорогъ въ Румыніи немного, а людей приходилось перевозить по нимъ десятки тысячъ. Къ тому же, наступила весна, а вмѣстѣ съ нею и распутица: рѣки вышли изъ береговъ, многіе мосты снесены были полою водой, а по грунтовыхъ дорогамъ стояла непролазная грязь; все это сильно затрудняло движеніе войскъ, а въ особенности обозовъ, двигавшихся съ провіантомъ и военными снарядами.

Не смотря на все это, главные наши силы, послѣ трудныхъ и длинныхъ переходовъ, успѣли во время занять почти весь румынскій берегъ Дуная и, такимъ образомъ, очутились лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, давно уже стоявшимъ на противоположномъ турецкомъ берегу.

По прибытіи въ Румынію, войскамъ нашимъ представилась вся трудность выпавшей на ихъ долю задачи. Передъ ними разстилался широкій Дунай, протекающій вдоль турецкой границы, около 800 верстъ,—и на всемъ этомъ протяженіи рѣки нужно было слѣдить, чтобы турки не вздумали гдѣ нибудь переправиться черезъ нее, а главное войскамъ русскимъ самимъ необходимо было переправиться на турецкую сторону, чтобы вступить тамъ въ бой съ непріятельскими полчищами и очистить отъ нихъ болгарскую землю. Дѣло это представлялось на первый разъ не только труднымъ, но повидимому, совершенно невозможнымъ...

Дунай и въ обыкновенное время—рѣка широкая и глубокая; а тутъ еще наступило половодье, и огромная рѣка разлилась во многихъ мѣстахъ версты на 3, на 4 въ ширину, и болѣе. Мостовъ черезъ Дунай совсѣмъ не существовало. При этомъ, на турецкомъ берегу, противъ самыхъ удобныхъ мѣстъ для переправы, стояли сильнѣйшія крѣпости, вооруженныя множествомъ полевыхъ и осадныхъ орудій, и готовыя засыпать огнемъ всякаго, рискнувшего заняться постройкой моста на рѣкѣ, или переправиться черезъ нее на судахъ. Какъ въ крѣпостяхъ, такъ и по всему берегу Дуная, стянуты были турецкія войска, и днемъ, и ночью сторожившія каждый уголокъ на рѣкѣ...

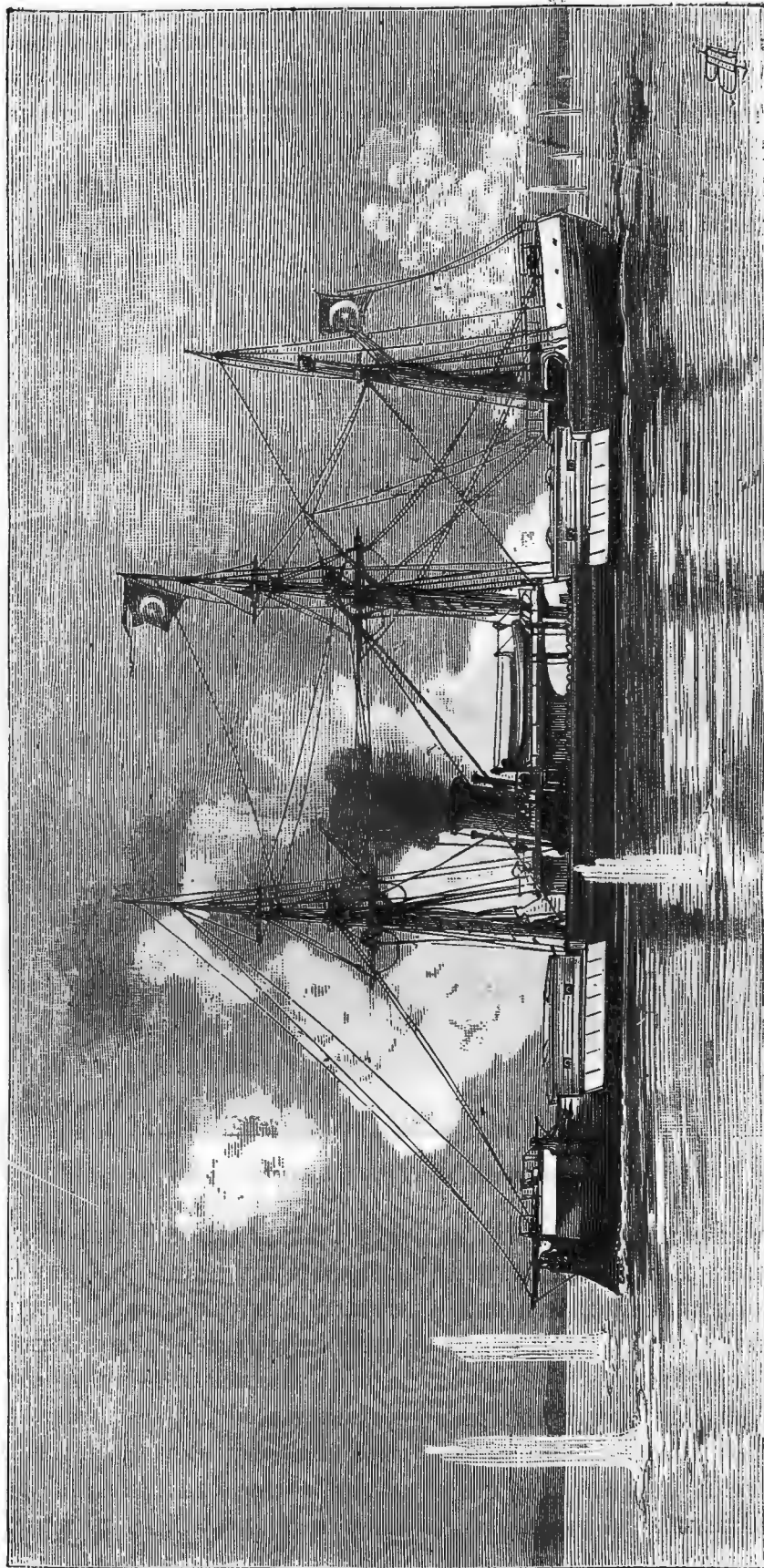
Главное же препятствіе для нашихъ войскъ къ переправѣ черезъ Дунай состояло въ томъ, что по водамъ его ходило множество военныхъ турецкихъ судовъ громадныхъ размѣровъ, обшитыхъ желѣзомъ или броней, и вооруженныхъ пушками, съ маторсами и солдатами, человекъ по 100—200 на каждомъ суднѣ. Они ходили и вверхъ, и внизъ по Дунаю, могли появляться во всякомъ мѣстѣ его и во всякое время, и обстрѣливать наши войска, не только появляющіяся на водѣ, но и останавливающіяся на берегу. Къ этой дѣнайской флотилии прибылъ вскорѣ самъ главнокомандующій турецкимъ Черноморскимъ флотомъ, Гобартъ паша, кото-

рый открыто похвалялся, что потопить въ Дунаѣ всю русскую армію...

Чтобы устранить всѣ вышеупомянутыя препятствія для переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай, нужно было ни мало не медля принять соотвѣтствующія мѣры, и русскіе принялись за работу. Первымъ дѣломъ, они постарались поставить свои пушки вдоль румынскаго берега, чтобы съ помощью ихъ препятствовать туркамъ переправиться черезъ рѣку, а главное, чтобы не позволять ихъ мониторамъ плавать по Дунаю свободно, когда и гдѣ имъ вздумается. Съ этою цѣлью русскіе начали устраивать вдоль берега *батареи*, т. е. земляныя насыпи за которыми устанавливаются разныхъ размѣровъ пушки. Дѣло это требовало большой осторожности. Турки зорко слѣдили за русскими, и какъ только замѣчали съ своего берега нашихъ солдатиковъ, съ лопатами или кирками въ рукахъ, сейчасъ же начинали стрѣлять по нимъ изъ пушекъ и ружей, а то такъ подходилъ къ этому мѣсту турецкій мониторъ и также принимался за пальбу. Потому, русскіе старались производить работу преимущественно ночью, безъ шума и съ крайнею осмотрительностью. Даже нельзя было зажечь огня на мѣстѣ работы потому, что турки тотчасъ же начинали стрѣлять по направленію этого огня. Если же, необходимо было приступить къ постройкѣ батареи днемъ, то работа производилась, обыкновенно, за какими нибудь кустами, или за высокой травой, чтобы турки также не могли примѣтить. Но разъ, постройка укрѣпленія была окончена, бояться ужъ нечего было; за насыпью, да еще подлѣ пушекъ, самимъ можно было лихо отвѣчать на выстрѣлы. Поэтому, солдаты наши торопились постройкой батарей и работали дружно и молча; а какъ только возведеніе укрѣпленія приближалось къ концу, поднимались на батареѣ разговоры и смѣхъ... Взберется, бывало, солдатикъ весь въ поту, съ лопатой въ мозолистыхъ рукахъ, на самый гребень только что насыпаннаго вала и начинаетъ потѣшать товарищей. Обращается онъ къ турецкому берегу и проситъ турокъ повременить денекъ и не уходить...—Голубчики мои, говоритъ онъ, отцы родные, обождите до завтра. Вотъ поставимъ наши *пушочники*, мы васъ, можетъ облагодѣтельствуемъ...» — «Проеи крѣпиче, Сенька, — проси»

смѣются товарищи, а у самихъ укрѣпленіе ужъ готово.

Не прошло и двухъ недѣль со дня объявленія войны, какъ по берегу Дуная, на нашей сторонѣ уже воздвигнуто было множество сильныхъ батарей, положившихъ конецъ свободному плаванію мониторовъ. Подойдетъ, бывало, турецкій корабль съ Чернаго моря къ устьямъ Дуная, и пытается пробраться вверхъ по нему къ своей флотиліи; но наши батареи тотчасъ же открываютъ по немъ такую пальбу, что корабль немедленно поворачи-

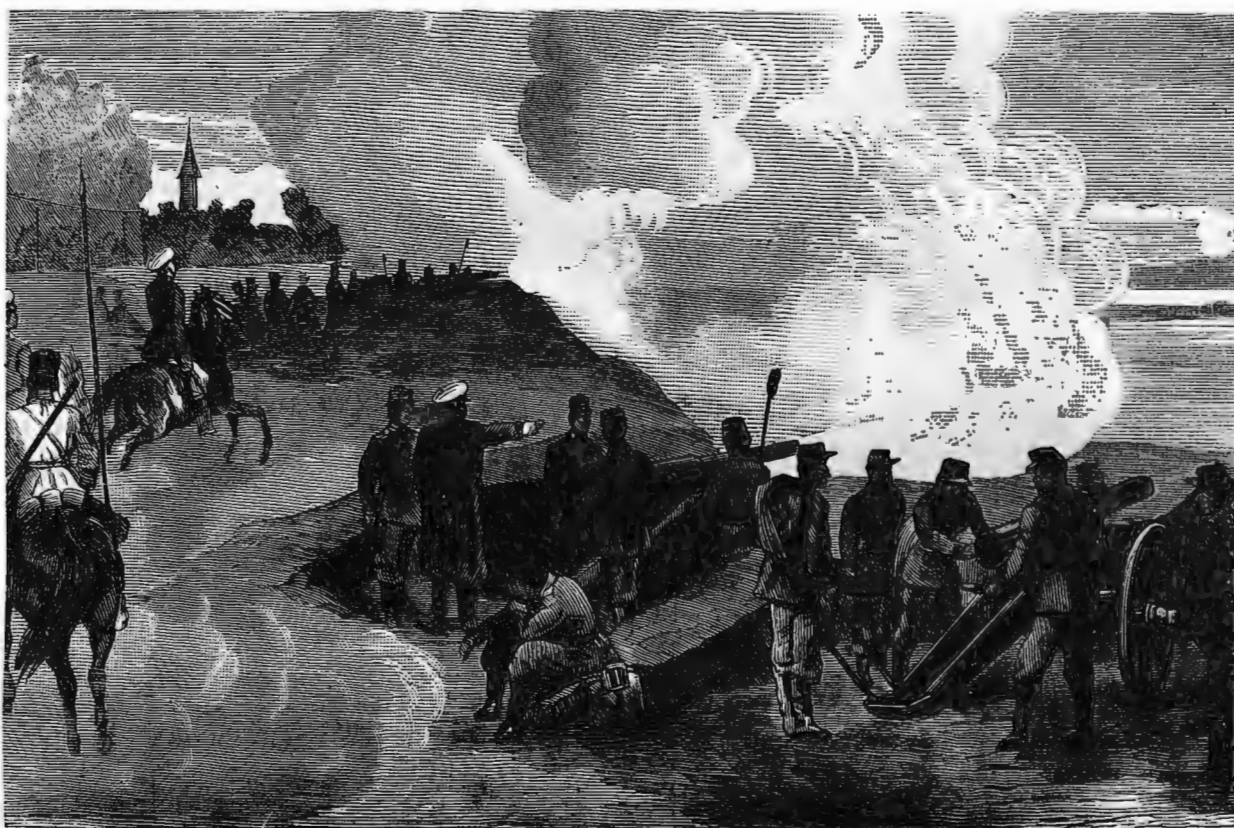
Броненосецъ «Лютфи Джелиль».

ваетъ назадъ и возвращается обратно. Точно также пытались мониторы пробраться обратно изъ Дуная въ Черное море. Но лишь только, они появлялись противъ нашихъ батарей, какъ по нимъ опять начинали стрѣлять изъ пушекъ, — и эти мониторы должны были возвращаться въ своеяси. Такимъ образомъ, невозможно было ни новымъ турецкимъ кораблямъ войти въ Дунай изъ Чернаго моря, ни пробраться въ это море, уже плававшимъ по Дунаю мониторамъ. Словомъ, турецкая флотилія

была заперта въ Дунаѣ. Тогда Гобартъ-паша, главнокомандующій этой флотиліей, похвалявшійся потопить въ Дунаѣ всю русскую армію, увидѣлъ наконецъ, что онъ самъ, такъ сказать, связанъ, и по рукамъ и по ногамъ и потому сейчасъ же удалелся съ Дуная, но не съ мониторами, а одинъ, и возвратился въ Константинополь...

Между тѣмъ, оставшіеся на Дунаѣ турецкіе суда не оставляли намѣренія пробраться въ Черное море. Въ особенности часто повторяли эту попытку мониторы, стоявшіе противъ нашихъ брайлов-

скихъ батарей. Батареи эти устроены были русскими на крутомъ берегу, подлѣ румынскаго города Браилова. Какъ разъ, противъ этого мѣста лежитъ на Дунаѣ большой Мачинскій островъ, за котормъ, у пристани турецкаго города Мачина, прятались отъ нашихъ выстрѣловъ нѣсколько сильныхъ турецкихъ мониторовъ. Спуста недѣли двѣ по объявленіи войны, именно 29 апрѣля въ 2 часа пополудни, показались изъ за Мачинскаго острова три монитора. Одинъ изъ нихъ, подъ названіемъ «Лютфи-Джелиль», шелъ впереди. Это было красивое

Первый артиллерійскій бой у Браилова.

трехмачтовое судно, съ низкой приземистой трубой изъ которой черными клубами вылеталъ густой дымъ. Борты его были обшиты желѣзными плитами; на немъ находилось пять большихъ орудій и чловѣкъ 150 матросовъ и стрѣлковъ. Выйдя изъ за острова, «Лютфи-Джелиль» остановился какъ разъ противъ нашихъ батарей, шагахъ въ 3000 отъ берега. Очевидно, онъ имѣлъ намѣреніе пробраться къ устьямъ Дуная. Остальные же два монитора остались за островомъ и готовились отеруть пальбу. Между тѣмъ и на нашихъ батареяхъ уже навели

орудія; успѣли даже собраться на берегу посторонніе зрители изъ города Браилова. Началась перестрѣлка. Мониторы, стоявшіе за островомъ, начали палить оттуда изъ пушекъ; съ нашей стороны также не оставались въ долгу. А «Лютфи-Джелиль» продолжалъ стоять подъ парами, бокомъ къ нашимъ батареямъ, не двигаясь съ мѣста и не стрѣлая. Вѣроятно, онъ выжидалъ удобнаго случая, чтобы подъ прикрытіемъ выстрѣловъ съ остальныхъ мониторовъ проскользнуть впередъ внизъ по Дунаю. Уже нѣсколько выстрѣловъ сдѣлано было

съ нашихъ батарей по дерзкому монитору,—а толку выходило мало: ядра или перелетали, или не долетали, или ложились подлѣ него. Наши артиллеристы начинали уже сердиться не на шутку: какъ бы «Лютфи-Джелиль» въ самомъ дѣлѣ не прошелъ впередъ. Хотѣли даже прекратить бесполезную пальбу. Но вотъ, командиръ мортирной *) батареи, поручикъ Самойло, и командиръ 24 фунтовой ** батареи, поручикъ Романовъ скомендовали еще разъ,—и наводчики Иванъ Поморъ и Романъ Давдюкъ прицѣлили двѣ пушки, одинъ 24 фунто-

облакахъ густаго дыма... Минуту спустя, дымъ нѣсколько отнесло вѣтромъ, и наши увидѣли на мѣстѣ «Лютфи-Джелиля» одну только торчащую изъ воды верхушку мачты съ краснымъ флагомъ... Тотчасъ же со всѣхъ нашихъ батарей и даже въ толпѣ любопытныхъ зрителей раздалось громкое «ура».—Какъ оказалось впоследствии, одно изъ ядеръ попало въ пороховое отдѣленіе судна и произвело въ немъ взрывъ. Которое изъ двухъ ядеръ оказалось счастливое—неизвѣстно; но, судя потому, что броненосецъ уязвимъ былъ только сверху на

Поручикъ Самойло.

Подпоручикъ Романовъ.

вью, другой мортирную: раздались совершенно одновременно два выстрѣла, и въ тоже время два ядра ударились прямо въ «Лютфи-Джелиль»... Въ одинъ мигъ съ палубы его поднялся громадный столбъ пламени, а затѣмъ весь корабль скрылся въ

*) Такъ названа батарея, по находившимся на ней мортирамъ, изъ которыхъ стрѣляютъ, не прицѣльно по горизонтальной линіи, а навѣсно—снизу вверхъ, причемъ снарядъ падаетъ на поражаемый предметъ сверху.

***) Батарея эта вооружена была 24 фунтовыми орудіями, названными такъ по вѣсу снарядовъ, которыми стрѣляютъ изъ нихъ.

не защищенной броней палубѣ, можно предположить, что доконала его мортира. Весь корабль съ пушками и съ 150 матросами пошелъ на дно рѣки. Поверхъ воды плавали только обломки отъ корабля, да нѣсколько утопавшихъ турецкихъ матросовъ.

Остальные мониторы, стрѣлявшіе изъ за острова, вмѣсто того, чтобы спѣшить на помощь своимъ погибающимъ товарищамъ, дали задній ходъ и скрылись въ Мачинской пристани. Отъ нашего же берега немедленно отчалили три большихъ лодки, подъ командой полковника Струкова, и русскіе мо-

ряки, въ виду турецкихъ мониторовъ, безстрашно пошли на помощь къ погибавшимъ туркамъ. Но они успѣли выловить только два мертвыхъ тѣла и одного живаго матроса, да и тотъ оказался сильно раненымъ; въ то же время, лейтенантъ Дубасовъ снялъ, съ торчавшей изъ воды мачты, турецкій флагъ. Все это благополучно доставлено было въ Браиловъ. Раненый турокъ въслѣдствіи оправился и находился въ плѣну въ Россіи. Командиры же батарей, стрѣлявшихъ по монитору, и оба находчика получили ордена за молодецкое дѣло. — Не считая потери людьми, одинъ мониторъ стоилъ туркамъ, говорятъ, полмилліона рублей. Сверхъ того, судно это считалось самымъ сильнымъ и опаснымъ изъ всей дунайской флотиліи. Потому потопленіе его произвело восторгъ не только въ средѣ нашихъ войскъ, но и между всѣми прибрежными жителями.

Послѣ этого, турецкіе мониторы нѣсколько времени не показывались изъ за Мачинскаго острова, и долго не рѣшались даже подходить къ тому мѣсту, гдѣ торчала изъ подъ воды верхушка толстой мачты съ косою реей. Взрывъ «Лютфи-Джелиля» навелъ меньшій страхъ и на всю остальную флотилію турокъ. Съ тѣхъ поръ всѣ мониторы ихъ стали плавать по Дунаю съ крайней осторожностью, держась больше своего берега и не заходя далеко отъ построенныхъ на немъ турецкихъ крѣпостей.

Однакоже, мониторы могли, при случаѣ, сильно вредить намъ. Соединившись вмѣстѣ, они имѣли возможность прорваться сквозь огонь нашихъ батарей, а воспользовавшись какимъ нибудь удобнымъ случаемъ къ нимъ могли пробраться новые турецкіе корабли съ Чернаго моря, и такимъ образомъ усилить дунайскую флотилію. Въ особенности, мѣшали турецкія суда нашимъ подготовительнымъ работамъ на рѣкѣ для переправы черезъ нее войска, не говоря уже о томъ, что мониторы турецкіе легко могли разстроить и самую переправу, если-бы она началась въ виду ихъ. Чтобы сдѣлать турецкую флотилію окончательно безвредною для насъ, русскіе придумали слѣдующее средство. Съ началомъ войны, изъ Россіи доставлены были на Дунай, частью по рѣкамъ, частью сухимъ путемъ, нѣсколько многовесельныхъ лодокъ, называемыхъ катерами, и также нѣсколько паровыхъ шлюпокъ, т. е. малень-

кихъ парходиковъ, въ родѣ тѣхъ, на какихъ у насъ перевозятъ по рѣкамъ пассажировъ съ одного берега на другой. Лодки эти и парходики, въ сравненіи съ турецкими броненосцами, казались просто орѣховыми скорлупами и, разумѣется, сами по себѣ не только не были страшны для грозныхъ мониторовъ, но послѣдніе могли расщепать ихъ въ дребезги однимъ выстрѣломъ изъ своихъ огромныхъ орудій. Лодки наши и шлюпки и предназначались главнымъ образомъ не для боя съ мониторами, а нужны онѣ были преимущественно для закладки въ водахъ Дуная минъ или торпедъ. Водяной миной или торпедою называется особый снарядъ, родъ металлическаго боченка, начиненнаго порохомъ или другимъ какимъ нибудь взрывчатымъ составомъ, который можетъ быть воспламеняемъ подъ водою. Этими подводными минами русскіе и рѣшили загородить Дунай отъ турецкихъ мониторовъ. Съ этою цѣлью, сдѣланъ былъ складъ минъ въ Рени и въ Браиловѣ. Парходики наши, нагружившись здѣсь торпедами, выходили съ ними на рѣку тайно, чтобы турки съ своего берега, или съ мониторовъ не могли замѣтить, гдѣ будутъ заложены мины, и не мѣшали бы самой закладкѣ ихъ. Какъ только батареи наши укрѣпились, закипѣла работа у крошечныхъ парходиковъ. Они то и дѣло нагружались торпедами, тихо и безъ суматохи увозили ихъ съ собою, и гдѣ то, вдали отъ нескромныхъ глазъ, погружали ихъ въ воду, и затѣмъ снова возвращались за новыми минами. Работа эта была, конечно, нелегкая. Нужно было, прежде всего, всячески скрываться отъ глазъ непріятеля. Съ этою цѣлью, лодки и парходики наши дѣйствовали, большею частью, по ночамъ, да въ туманную или ненастную погоду, а иногда и подъ проливнымъ дождемъ. Самая работа производилась слѣдующимъ порядкомъ. Къ минѣ или торпедо привязывался якорь и съ нимъ она погружалась въ воду такъ, чтобы якорь зацѣплялъ за дно рѣки, а самая мина плавала бы на привязи въ водѣ, не высовываясь наружу. Такимъ образомъ, на поверхности воды, мины не было примѣтно; но дно монитора, при проходѣ его въ этомъ мѣстѣ, легко могло удариться о торпеду, отчего послѣдовалъ бы взрывъ ея вмѣстѣ съ мониторомъ. Такія мины закладывались въ рѣкѣ, поперегъ ея, въ нѣсколько рядовъ.

Турки иногда замѣчали нашу работу и начинали стрѣлять по завладчикамъ минъ и съ берега, и съ мониторовъ; тогда матросы наши ложились на дно лодокъ и, лежа, продолжали, все таки подѣ выстрѣлами дѣлать свое дѣло. Пули и ядра носились у нихъ надъ головою и спиною, но къ счастью, никого ни разу не задѣли. И немудрено: турецкіе мониторы стрѣляли обыкновенно издали, такъ какъ не знали, гдѣ заложены торпеды и потому, не рѣшались подходить близко къ мѣсту работъ, боясь натѣнуться на мины. А главное съ нашихъ батарей, которыхъ они теперь сильно боялись, тотчасъ же открыли бы по нимъ пальбу. Пользуясь этимъ страхомъ турокъ, наши матросы, отправляясь на работу, часто захватывали съ собою еще какую нибудь порожнюю барку, и пока одни закладывали торпеды, другіе, тѣмъ временемъ, тайкомъ приставали съ пустой баркой къ турецкому берегу, нагружали ее каменнымъ углемъ изъ турецкихъ же складовъ и, кстати, разрушали какую нибудь насыпь, изъ которой турки стрѣляли въ нашихъ, и послѣ этого благополучно возвращались домой.

Къ концу апрѣля, Дунай былъ уже загороженъ минами, противъ г. Рени, а въ началѣ мая—противъ Браилова, и, такимъ образомъ, на всемъ пространстве между этими двумя городами, т. е. верстъ на 150, Дунай былъ совершенно очищенъ отъ мониторовъ, въ какія нибудь двѣ три недѣли, и они никакъ ужъ не могли зайти, ни съ какой стороны, въ этотъ огромный участокъ рѣки, огороженный съ обоихъ концовъ минами. Русскіе могли здѣсь приступить къ устройству всего, что только требовалось для переправы чрезъ рѣку; лишь съ берега турки частенько еще пострѣливали сюда; но на водѣ не смѣли и показываться. Русскихъ торпедъ они боялись до крайности и называли ихъ «шайтанъ-баба», т. е. дьявольскія рыбы. Разъ, турецкій паша, командовавшій въ Гирсовѣ, замѣтилъ двѣ штуки этихъ страшилищъ, лежавшихъ на румынскомъ берегу, и приказалъ было своей ордѣ переправиться тайкомъ черезъ Дунай, захватить торпеды арканомъ и перетащить ихъ чрезъ воду въ турецкій лагерь; но не удалось имъ сдѣлать этого—русскіе часовые не подпустили. Думали также турки выловить торпеды сѣтями, да боялись нашихъ батарей.

Исполнивъ блистательно свою главную задачу—загражденіе Дуная минами, наши маленькіе пароходики вздумали послѣ этого вступить уже въ настоящій бой съ турецкими броненосцами... Это уже было, повидимому, дѣломъ совершенно невозможнымъ и даже безумнымъ. Ну, какъ могъ крошечный пароходикъ справиться съ громаднымъ турецкимъ кораблемъ, закованнымъ въ желѣзо, вооруженнымъ пушками, да еще охраняемымъ сотнею—другой матросовъ съ ружьями и штуцерами. А на нашихъ пароходикахъ всего то помѣщалось человекъ по 12, да и тѣ все больше рабочей людъ: кто машинистъ, кто рулевой, кто кочегаръ и т. д. Каждому, стало быть, нужно смотрѣть за своимъ дѣломъ, а ужъ не до боя съ непріателемъ. Наши моряки рѣшились однако сдѣлать попытку и попытка оказалась какъ нельзя болѣе удачною. Задумали впервые два лейтенанта, Дубасовъ и Шестаковъ. Вотъ какъ происходило это дѣло.

Они, предварительно, выбрали изъ нашей мвнпой флотиліи четыре маленькіхъ пароходика; къ каждому изъ нихъ прикрѣпили сбоку по длинному шесту, на концы которыхъ насадили по одной торпедѣ. Шесты эти прикрѣплены были такъ, чтобы конецъ съ торпедой можно было поднимать вверхъ и опускать въ воду, и подводить мину въ любое мѣсто непріятельскаго судна. Приготовивъ все это, они стали выслѣживать изъ Браилова турецкіе мониторы, стоявшіе напротивъ, за Мачинскимъ островомъ. Съ нашего берега ихъ не видно было, поэтому, требовалось положить не мало труда и хлопотъ, чтобы узнать, гдѣ они тамъ стоятъ и, что съ ними дѣлается. Развѣдавъ, что было нужно, наши моряки рѣшились напасть на турецкіе корабли врасплохъ: Это было 13 мая. Съ нетерпѣніемъ ждали они, когда совсѣмъ стемнѣетъ. Наконецъ наступила ночь, темная, туманная и дождливая, значитъ самая подходящая къ задуманному дѣлу...

13 мая, ровно, въ полночь, храбрые моряки отчалили отъ берега, на вышеописанныхъ четырехъ пароходахъ или шлюпкахъ. Впереди шелъ лейтенантъ Дубасовъ, на пароходикѣ, подъ названіемъ «Цесаревичъ», съ 14 матросами. За нимъ шелъ лейтенантъ Шестаковъ, на шлюпкѣ «Ксеція», съ 9 матросами. Позади шли еще двѣ шлюпки, подъ

командой мичмановъ — Персина и Балъ. Тутъ же находился и мичманъ Петровъ.

Шли они тихо и осторожно, стараясь не производить шума ни водой, на паровой машинной. Когда ужъ пароходики очень расходились и начинали шумѣть, то машины на нихъ сейчасъ же останавливали. Такъ шли они, съ остановками, часа $2\frac{1}{2}$; наконецъ, впереди, въ ночной темнотѣ, показались темныя фигуры трехъ турецкихъ броненосцевъ: одинъ стоялъ по срединѣ, а два другіе — по сторонамъ, по одалъ другъ отъ друга. Дубасовъ выбралъ самый большой средній, и пустилъ на него свою миносную шлюпку во весь ходъ.... За нимъ пошли и остальные...

Турки на мониторахъ, какъ видно, спали; только часовые стояли на сторожѣ. Заслышавъ шумъ отъ нашихъ пароходиковъ, часовой съ большого монитора облинулся. — «Сезинъ-адамъ», т. е. ващъ человекъ, отвѣтилъ Дубасовъ, а самъ летитъ впередъ... По турецки онъ ни слова не зналъ, и потому произнесъ эти слова неправильно такъ, что часовой сейчасъ же догадался, что человекъ идетъ совсѣмъ не ихъ, и переспросилъ еще разъ. Дубасовъ снова отвѣтилъ, и громко, даже съ досадою.. Часовой далъ выстрѣлъ изъ ружья. За нимъ последовали два такихъ же выстрѣла съ остальныхъ мониторовъ. Но ни одинъ изъ нихъ не попалъ въ цѣль. Между тѣмъ Дубасовъ былъ уже близко.. Стоявшій на большомъ мониторѣ часовой хватился за ударный снарокъ огромной пушки.. Она дала осѣчку. Онъ во второй разъ — тоже осѣчка, онъ въ третій — опять осѣчка.. На всѣхъ трехъ мониторахъ забили тревогу, турки засуетились, поднялась страшная суматоха, а тѣмъ временемъ Дубасовъ

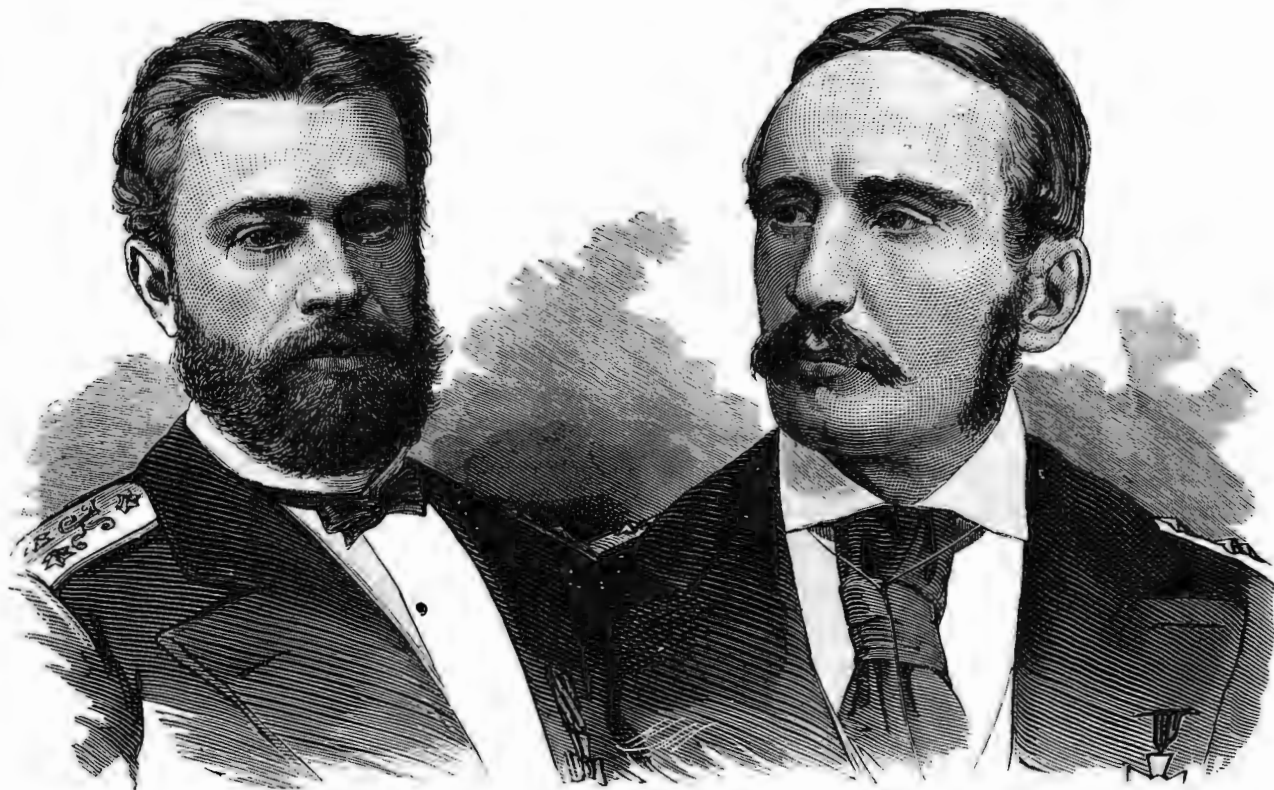
Мичманъ Балъ.

подлетѣлъ уже къ большому монитору и подвелъ мину подъ самую кормовую часть его.. Последовалъ взрывъ: корма мигомъ разсѣлась, а на палубѣ монитора раздался страшный крикъ... Отъ взрыва поднялся огромный столбъ воды и залилъ пароходъ Дубасова. Онъ тотчасъ же далъ приказаніе машинисту отходить назадъ, а остальнымъ матросамъ — откачивать воду; рулевому же, Кислову, велѣлъ сбросить въ рѣку мѣшавшій якорь... — «Помилюйте, ваше благородіе, отвѣчалъ спокойно рулевой: зачѣмъ же туркамъ казенный якорь оставлять?..

Между тѣмъ со всѣхъ мониторовъ открылась страшная пальба по нашимъ шлюпкамъ; турки стрѣляли изъ пушекъ, ружей и изъ штуцеровъ. Большой мониторъ хотя нѣсколько и опустился кормою въ воду, но еще держался на поверхности ея и съ него то раздавалась самая сильная трескотня выстрѣловъ. Дубасовъ, ни мало не медля, командовалъ: «Шестаковъ, подход!» Лейтенантъ Шестаковъ выдвинулъ свой пароходикъ полнымъ ходомъ впередъ, и подъ градомъ пуль и ядеръ подвелъ вторую мину подъ бокъ монитора, прямо противъ середины... Раз-

дался новый взрывъ, еще ужаснѣе прежняго, отъ котораго полетѣли вверхъ обломки, дымъ, а можетъ быть и люди.. Желѣзная доска пролетѣла надъ головами нашихъ моряковъ.. Послѣ этого мониторъ сталъ тихо опускаться ко дну.. Но турки, оставшіеся на немъ, не унялись, и пуще прежняго принялись стрѣлять изъ штуцеровъ.

Какъ на бѣду, пароходикъ Шестакова не могъ двинуться съ мѣста: онъ запутался въ обломкахъ расшибленного монитора и долженъ былъ оставаться подлѣ его борта, подъ самыми выстрѣлами...

Лейтенантъ Шестаковъ.

Лейтенантъ Дубасовъ.

Мичманъ Петровъ

Мичманъ Персиль.

Лейтенантъ Шестаковъ, съ четырьмя матросами, началъ отстрѣливаться изъ револьверовъ, а остальнымъ своимъ людямъ приказалъ очищать пароходъ отъ обломковъ. Матросъ же, Ничипоренко, наклонился въ это время за бортъ парохода и началъ распутывать, подъ выстрѣлами, какія-то веревки. Въ это время, пуля пролетѣла около его головы, ударила въ воду и всплескомъ забрызгала ему лицо.—«Тыфу, проклятая, обтирая лицо, проговорилъ Ничипоренко съ полнѣйшимъ равнодушіемъ: ажно, глаза запорошило, дѣло дѣлать мѣшаетъ!..»

Наконецъ, пароходнику Шестакова удалось кое-какъ высвободиться изъ груды обломковъ, и онъ отошелъ въ сторону отъ затопяющаго монитора. Лейтенантъ Дубасовъ также успѣлъ выкачать воду изъ своего парохода. Вдругъ, къ новому затрудненію нашихъ моряковъ, у одной изъ шлюпокъ, стоявшихъ въ запасъ, пробило ядромъ корму, а отъ взрыва другаго ядра ее залило водою; къ счастью, морякамъ удалось во время причалить эту шлюпку къ ближайшему берегу острова, и тамъ пробоина успѣшно была заткнута пенькою съ сломъ. Вскорѣ всѣ четыре пароходика оправались, подъ выстрѣлами настолько, что могли начинать хоть новое нападеніе на остальные турецкіе броненосцы. Но, въ это время, стало уже разсвѣтать и, съ уцѣлѣвшихъ мониторовъ открылась пальба еще сильнѣе прежняго. Тогда лейтенантъ Дубасовъ отдалъ приказаніе отходить назадъ всѣмъ шлюпкамъ. Двинулись наши храбрыя обратнo къ Браилову, подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ. Отойдя немного, они замѣтили, какъ расшибленный броненосецъ уже окончательно погружался въ воду... Моряки пріостановились и громко крикнули «ура!» Затѣмъ продолжали идти къ Браилову, осыпаемые тучами пуль и ядеръ, съ уцѣлѣвшихъ турецкихъ мониторовъ. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на эти выстрѣлы, матросъ Стѣпаничъ, бывшій съ Шестаковымъ, преспокойно принялся шарить что то на днѣ лодки.—«Что ты тутъ дѣлаешь?» спросили его.—«Винтикъ ищу, ваше благородіе, винтикъ потерялся отъ батареи.»—«Да, ну, его, къ чорту! до винтика ли тутъ!».

— Нельзя, ваше благородіе; безъ винтика машина не будетъ дѣйствовать, винтикъ казенный, про-

должалъ спокойно Стѣпаничъ. И онъ, таки подъ выстрѣлами, отыскалъ этотъ казенный винтикъ...

Между тѣмъ у Браилова, на нашемъ берегу, собралась толпа любопытныхъ, съ замираніемъ сердца ждавшая возвращенія смѣльчаковъ. Слыша шумъ взрыва и страшный громъ выстрѣловъ, товарищи нашихъ моряковъ считали ихъ уже окончательно погибшими. Но то-то и было всего удивительнѣе въ этомъ по истинѣ, удивительномъ дѣлѣ: никто изъ моряковъ не былъ не только убитъ или раненъ, но даже оцарапанъ; они сами себя не вѣрили, что это такъ, и рѣшительно, не могли понять, какъ это случилось. Понятно, что когда они вышли на берегъ, то радости и привѣтствіямъ ихъ товарищей не было конца.

Въ тотъ же день, Великій Князь, Главнокомандующій, собственноручно возложилъ на обоихъ лейтенантовъ Георгіевскіе кресты. Награждены были также военными орденами и всѣ остальные участники взрыва.

Мониторъ турецкій сѣлъ на дно рѣки. Отъ этого страшилища, какъ и отъ перваго монитора, и даже по сосѣдству съ нимъ, торчала изъ подъ воды только верхушка мачты. Назывался онъ «Хивзи-Рахманъ», а по увѣренію самихъ турокъ «Зелфи». Людей на немъ было человекъ 100. Полагаютъ однако, что часть турокъ успѣла спастись съ него, такъ какъ судно это погружалось въ воду медленно и, притомъ, неподалеку отъ турецкаго берега. Орудія же и всѣ припасы, разумѣется, пошли ко дну вмѣстѣ съ мониторомъ. До какой степени взрывъ его навелъ страхъ на турокъ, видно изъ того, что ихъ броненосцы ушли послѣ этого къ самому Мачину и долго не смѣли показываться оттуда даже издали...

Отважное предпріятіе нашихъ моряковъ, помимо прямого вреда, причиненнаго туркамъ, и страха наведеннаго на ихъ флотилію, имѣло еще то важное послѣдствіе, что, съ одной стороны, вновь показало безсиліе турецкихъ броненосцевъ помѣшать нашей переправѣ чрезъ Дунай, а съ другой стороны — показало пригодность новаго средства для борьбы съ этими страшилищами — пригодность нашихъ маленькихъ миноносныхъ пароходиковъ. А главное — подвигомъ моряковъ обнаружилъ передъ цѣлымъ свѣтомъ тотъ геройскій духъ, которымъ

была проникнута наша армія, выступившая на борьбу съ угнетателями балканскихъ славянъ. И друзья, и не други русскихъ не знали, чему болѣе удивляться: *искусству* - ли, съ какими наши моряки успѣли уничтожить, при помощи маленькихъ невзрачныхъ парходиковъ, грозное турецкое судно, со всѣмъ его вооруженіемъ и матросами, — или *отвагою и мужествомъ* этихъ моряковъ. Храбрость творитъ чудеса, а всѣ знали, что этою храбростью проникнуты были не одни наши моряки. Воодушевляемые правотою дѣла и ненавистью къ угнетателямъ славянъ, всѣ солдаты наши рвались въ бой. Каждый рядовой, каждый начальникъ мелкой части, всякую возложенную на нихъ обязанность —

постройку ли батарей, закладку ли минъ, содержаніе ли карауловъ — выполняли съ необыкновеннымъ стараніемъ и тщательностью, какъ свое собственное, дорогое для нихъ дѣло, — и всякій готовъ былъ идти на явную опасность, не задумываясь объ ожидающей его участи, и имѣя въ виду лишь успѣхъ общаго дѣла.

Въ виду такого геройскаго настроенія нашихъ войскъ, не представлялась уже дѣломъ невозможнымъ и главная задача русской арміи — переходъ черезъ Дунай. Всѣ ясно видѣли, что переправа черезъ рѣку состоится скоро. Вопросъ состоялъ только въ томъ, когда и гдѣ будетъ удобнѣе и безопаснѣе приступить къ этому важному дѣйствию.

Г Л А В А Ш Е С Т А Я .

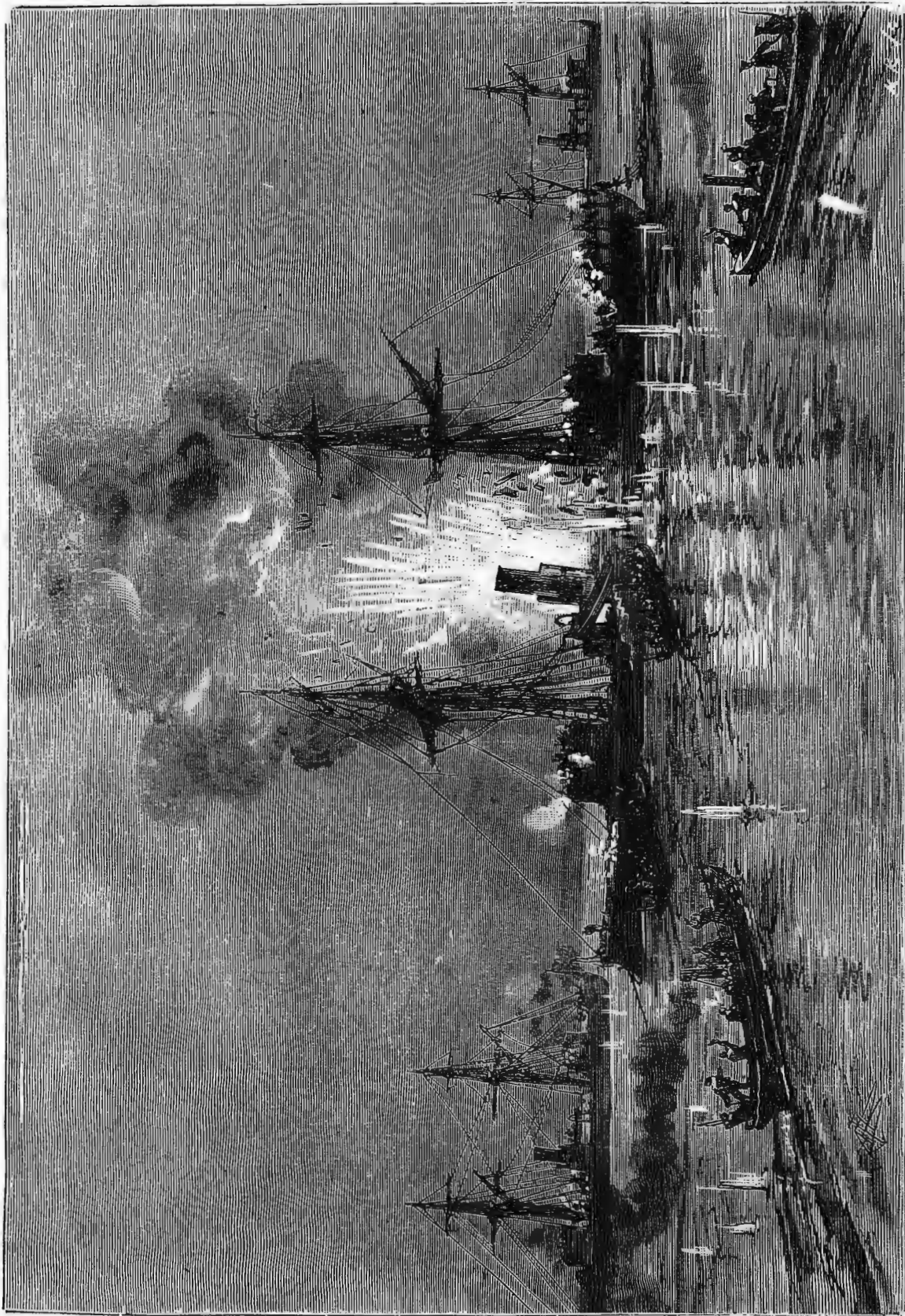
Расположеніе нашихъ войскъ на берегу Дуная въ маѣ мѣсяцѣ. — Забавы казаковъ. — Дѣйствія турокъ. — Переправа генерала Циммермана у Галаца и Браилова. — Занятіе Тульчи, Исакчи и Бабадага. — Значеніе переправы черезъ нижній Дунай.

Войска наши стояли на Дунаѣ уже около мѣсяца со дня объявленія войны. За это время успѣли они, какъ мы видѣли, сильно укрѣпиться на румынскомъ берегу и даже устранить нѣкоторые изъ препятствій къ переправѣ черезъ Дунай и, вдобавокъ навести страхъ на турокъ. Но, не смотря на это, переправа нашихъ войскъ на турецкій берегъ представлялась еще дѣломъ преждевременнымъ и во всякомъ случаѣ, неудобнымъ: вода въ рѣкѣ за все это время была такъ высока, что къ постройкѣ моста трудно было приступить; къ тому же, за весенней распутицей и бездорожицей, прибытіе на Дунай остальныхъ нашихъ отрядовъ нѣсколько замедлилось: въ половинѣ мая стояли въ Румыніи еще не всѣ войска, какія предназначались для дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ. Такимъ образомъ, не смотря на нетерпѣливое желаніе всей нашей арміи — вступить въ бой съ непріателемъ, переправу черезъ Дунай, по необходимости, приходилось отложить до болѣе благопріятнаго времени.

Между тѣмъ турки ждали этой переправы со

дня на день, съ часу на часъ; они также занимались устройствомъ на своемъ берегу батарей, усиленіемъ крѣпостей, и установили строгій караулъ по всему берегу Дуная. Съ батарей и крѣпостей своихъ турки нерѣдко начинали обстрѣливать нашъ берегъ; но, по большей части, выстрѣлы эти не приносили намъ вреда: за весь первый мѣсяцъ у насъ былъ только одинъ убитый.

Кромѣ сильныхъ отрядовъ пѣхоты, турки растянули еще по своему берегу для карауловъ цѣпи черкесовъ и баши-бузукровъ, которые занимались на турецкой сторонѣ неистовствами надъ несчастными болгарами. Съ нашего берега часто видѣлись зарева пожаровъ надъ болгарскими деревнями, вблизи которыхъ стояли шайки этихъ разбойниковъ. Ограбленные ими жители рѣшались иногда на побѣгъ. Какъ нибудь ночью, на лодкѣ или на плоту, пробирались они тайкомъ по Дунаю, прячась за тростниками, да за островками, и наконецъ достигали румынскаго берега, гдѣ наши войска заботливо брали ихъ подъ свою охрану. Разъ, при-

Взрывъ турецкаго броненосца „Хивзи Рахманъ“.

сталъ такъ, къ нашему берегу, огромный плотъ, нагруженный церковною утварью, съ священникомъ по срединѣ и съ толпою болгаръ, спасавшихся отъ баши-бузуковъ.

Баши-бузуки иногда осмѣливались появляться для грабежа и на нашемъ берегу, но лишь тамъ, гдѣ по близости не было русскихъ карауловъ. Завидя ихъ, напримѣръ, на румынскомъ берегу пастуха со стадомъ, переправятся черезъ рѣку, пастуховъ перерѣжутъ, а коровъ угонять съ собою черезъ воду, съ помощью аркановъ. Однажды, нашъ караулъ казаковъ застигъ этихъ грабителей за злодѣйскимъ дѣломъ, и всѣхъ ихъ, выстрѣлами, пустилъ на дно Дуная...

Для наблюденія за дѣйствіями непріятельской арміи, наши войска расположены были лагеремъ въ разныхъ мѣстахъ Румыніи, вдоль берега Дуная. *Отъ г. Килии, при устьяхъ Дуная, до г. Гирсова*, расположенъ былъ 14 корпусъ и отрядъ изъ войскъ 7-го корпуса, составлявшіе вмѣстѣ Нижнедунайскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Циммермана. *Отъ Гирсова до Журжева* войска были разставлены въ слѣдующемъ порядкѣ: отъ Гирсова до р. Арджиса стояла — 11 кавалерійская дивизія; 32 пѣхотная дивизія, отъ Арджиса до озера Гречилоръ; противъ Журжева, въ окрестностяхъ Бухареста, расположены были: 12-й корпусъ, 5 пѣхотная дивизія 8 корпусъ и донскіе казаки №№ 23, 34 и 37 полковъ и сотня уральскихъ казаковъ. *Отъ Гречилора до рѣки Веде* расположенъ былъ отрядъ генералъ-лейтенанта Скобелева, имѣя позади бригаду 14-й дивизіи, а лѣвѣе до рѣки Ольты 1-я кавалерійская дивизія. 9-й корпусъ былъ у Слатина.

Кромѣ войскъ, стоявшихъ лагеремъ, разставлены были по самому берегу Дуная казачьи караулы и, сверхъ того, постоянно производились, и днемъ, и ночью, конные развѣды вдоль Дуная. Соскучившись долгимъ ожиданіемъ битвы, наши храбрые казаки часто развлекали себя переправою на ту сторону, чтобы посмотрѣть, гдѣ стоитъ и что дѣлаетъ непріятель, а если представится случай, то и помѣряться силами съ баши-бузуками. Однажды, казаки-охотники перебрались на ту сторону на лодкахъ, зашли въ турецкую деревню, Заключъ, что на Нижнемъ Дунаѣ, противъ Галаца, и высмотрѣли.

Деревня оказалась совершенно покинутою турками, всѣ жители куда то выѣхали, дома были пусты; только въ одной лавкѣ нашли они мѣшокъ съ табакомъ, да и тотъ былъ, кажется, самого послѣдняго сорта...

Въ другой разъ, небольшой отрядъ лихихъ донцовъ, перебравшись черезъ Дунай на лодкахъ, высадился на той сторонѣ близъ города Гирсова. Увидя незваныхъ гостей, турецкія войска, содержавшія береговую стражу, бросились бѣжать; но казаки, чтобы не дать туркамъ времени всполошить ближайшіе отряды, перерѣзали дорогу, по которой направлялись бѣглецы, обрुжили ихъ и взяли въ плѣнъ. Затѣмъ, набравъ сѣна для своихъ лошадей, навьючили его на плѣнныхъ турокъ и вмѣстѣ съ ними продолжали осматривать турецкую мѣстность, а по окончаніи своего дѣла, возвратились благополучно на свой берегъ и доложили начальству о всемъ видѣнномъ, да кстатіи представили и самихъ турокъ, которые рассказали еще большія подробности...

Особенно отличались по части развѣдовъ, высматриванья и застрачиванья непріятеля — наши *тѣмніе казаки* — знаменитые «пластуны», самые лихіе изъ черноморскихъ казаковъ, прославившіеся еще въ Крымскую кампанію, при оборонѣ Севастополя. Они и нынѣ, на Дунаѣ, лихо поддерживали славу своихъ отцовъ и дѣдовъ, и объ этихъ рѣдкихъ войнахъ стоитъ поговорить подробнѣе. Вотъ что рассказываютъ очевидцы о пребываніи и дѣйствіяхъ пластуновъ въ Румыніи.

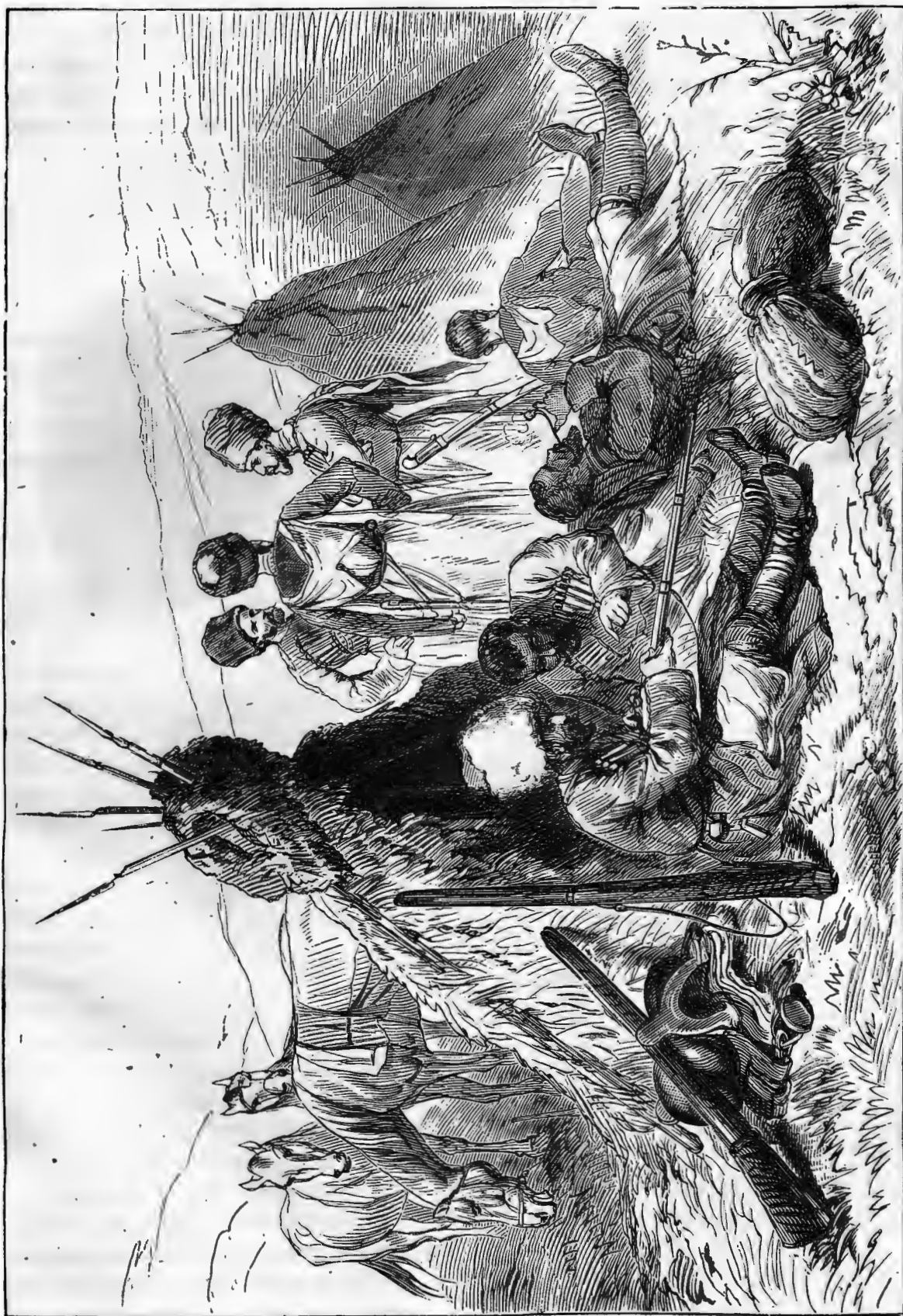
Ужъ самый лагерь ихъ, стоявшій на берегу Дуная, сильно отличался отъ лагерей другихъ войскъ. Въ пластунскомъ лагерѣ не было ни одной палатки: все равно жить въ нихъ пластунамъ не приходилось, развѣ днемъ можно было понѣжиться немного, а ночью пластуны почти всѣ были въ расходѣ: шныряли подъ берегомъ, лежали въ секретяхъ, отправлялись на развѣдки, или по ихъ словамъ, «на вынюхиванья». Когда-же тутъ, да и къ чему было заботиться о такихъ пустякахъ, какъ напримѣръ — палатка? Пластуны говорили про самихъ себя такъ: «наше дѣло не регулярное; войско мы вольное, ползучее — на счетъ вынюху — да выгляду больше, къ хатѣ не привычное». Зато ужъ и умѣли они приспособливаться, во время своего пребыванія

на Дунаѣ, пуская въ ходъ во всѣхъ случаяхъ свою бурку — вещь, безъ которой ни одинъ пластунъ не мыслимъ. Бурка для пластуна была все, и постель, и хата. Когда гдѣ плохо приходилось, въ воду лѣзть надо было, — раздѣнется совсѣмъ, останется голый, а бурка съ нимъ. Завернувшись съ головою въ бурку, пластунъ всю ночь оставался по горло въ водѣ, и ничего — лекарства ему послѣ принимать не приходилось. Одѣты они по-черкесски, какъ и всѣ наши кавказскіе казаки, только далеко не такъ щеголевато: черкесска на пластунѣ изорванная, засаленная, шапка съ выдѣвшимъ волосомъ. Если подарятъ ему новое платье, онъ прежде истреплетъ и вываляетъ, а потомъ уже надѣнетъ: — имъ, чѣмъ грязнѣе, тѣмъ лучше: отъ земли не замѣтнѣе. Лагерь ихъ устраивался такъ: ружья въ козлахъ, а на козлахъ понадѣты бурки, вотъ и палатка; а то такъ просто — закорузлая, коломъ стоящая бурка, самъ, безъ опоры, шалашемъ держится... Дѣлали и иначе: протянутъ веревку отъ одного ружейнаго козла къ другому и повѣсятъ на нее бурку. Зайдетъ солнце съ одной стороны — пластуны держатся другой, переберется солнце на другую сторону — и пластуны переберутся... По всему лагерю ихъ дымились маленькіе огонькіе, тамъ стряпня шла; варили и жарили, что кому Богъ послалъ, за ночь. Тѣ, кто на рѣкѣ секретомъ лежали, ухитрились рыбы на удить, на досугѣ, кто на сухою пути другимъ чѣмъ поразились... Птичьи перья, подхваченныя вѣтромъ, словно бабочки, носилъ надъ бивуакомъ. Добывали они пищу и посущеннѣе — баранину...

На досугѣ пластуны любили позабавиться, развлечься. Тамъ, на турецкомъ берегу, непріятель стовтъ, зорко выслѣживаетъ нашъ берегъ, и нѣтъ нѣтъ, да и пошлетъ сюда пулю или гранату, а пластуны и вниманія на это не обращаетъ, да еще въ виду врага, потѣшаетъ своихъ товарищей... Вокругъ него непремѣнно кучка, какъ самихъ пластуновъ, такъ и постороннихъ зрителей, и всѣ помираютъ со смѣху отъ разныхъ выкидываемыхъ имъ штукъ. Пластуны вообще удивительные смѣхотворы, и почти всѣ забавы ихъ, какъ нельзя больше, подходятъ къ роду ихъ занятій. Они, на примѣръ съ удивительнымъ сходствомъ, передразниваютъ крики птицъ и животныхъ такъ, что и отличить нельзя. Погонятся одинъ пластунъ за другимъ, послѣдній

упадетъ, преслѣдователь на него, и снизу раздастся настоящій визгъ пойманнаго поросенка, а сверху — злое рычанье собаки... А то затѣютъ игру въ «Комаръ». Двое становятся, одинъ противъ другаго каждый прикрываетъ лѣвою рукою свою лѣвую щеку, а правыя руки оба держатъ на отмашь. Третій помѣщается между ними и начинаетъ подражать жужжанію комара. Этотъ комаръ изрядно-таки щелкаетъ ихъ по прикрытымъ щекамъ, а тѣ должны бить его. Комаръ звенитъ и необыкновенно ловко увертывается отъ ударовъ, а самъ «жалитъ», да еще какъ, то и дѣло раздается хлопъ, да хлопъ. Если комаръ попадетъ наконецъ, подъ ударъ, онъ уступаетъ свое мѣсто другому. Подобныя забавы, происходившія въ виду предстоящихъ опасностей, показываютъ, съ какою отвагою и беззаботною удалію ждали пластуны кровавыхъ битвъ съ турками...

На сторожевой, развѣдочной службѣ они были, по истиннѣ, незамѣнимы. Слухъ и зрѣніе, даже въ темнотѣ, у нихъ необыкновенно развиты. И сонъ-то у нихъ точно воровской, волчій: достаточно малѣйшаго шороха, чуть слышнаго шелеста, и, по видимому, спавшій до сего времени, даже прихрапывавшій пластунъ — сейчасъ же зашевелится, и осторожно высовываетъ изъ подъ бурки свою голову... Стрѣлки они также отличныя, хотя и пользуются еще старинными ружьями — дѣдовскими винтовками. Какъ опытные стрѣлки, пластуны одной порошинки не испортятъ на врага по напрасну и бьютъ лишь навѣрняка. Не мудрено, потому, что они тотчасъ же подмѣтили слабую сторону турокъ — стрѣлять со страху, безъ толку, куда и во что ни попало, — и сейчасъ-же пластуны принялись школить турокъ. Замѣтили они однажды, что турки, встревоженные нашими приготовлениями, что-то подозрительно посматриваютъ на заброшенную, старую насыпь на нашемъ берегу, оставшуюся еще отъ прежнихъ войнъ. Воображая, что тутъ производится новыя работы, турки пустили въ эту насыпь два-три снаряда, но, не получивъ отвѣта, успокоились, насыпь де безвредная. Пластуны, въ ту-же ночь, пользуясь темнотою, порылись немного у насыпи, прокопали мѣста для пушекъ и положили въ нихъ бревна, обмотавъ ихъ соломою... Съ разсвѣтомъ, турки такъ и ахнули, увидавъ готовую батарею; съ грозно торчащими изъ нея жерлами огромныхъ пушекъ, и тот-

Кавачій бивакъ.

часть-же, открыли по этой *поддальной* батарее убийственный огонь, стоявший имъ немалого количества дорогихъ снарядовъ; а пластунамъ только того и нужно было... Съ тою-же цѣлью, они постоянно пу- скались еще на слѣдующія хитрости. Вдоль своихъ секретовъ, по берегу Дуная, наставятъ шестовъ съ навѣшанными на нихъ бурями, а сверху накроютъ шапками—это все были мнимые часовые. Настоя- шіе владѣльцы этихъ бурокъ и шапокъ сидятъ себѣ

спокойно, гдѣ нибудь въ сторонѣ и наблюда- ютъ, и какое удовольствіе для нихъ было, когда какая-ни- будь шаль- ная пуля щелкала по бурьѣ. — «Ой, брат- цы, убили, ей-Богу, и одлецъ убили!» на- чинаетъ кто-нибудь изъ нихъ притворно стонать и кататься по землѣ. — Ничего не убилъ, вишь стоитъ не в а л и т с я,

утѣшаетъ другой: ты, братъ, возьми иголку, да по- заштопай рану—то, сразу выздоровѣетъ»...

Пластуны изощрились надъ турками и другимъ образомъ: они устраивали мнимую *переправу че- резъ Дунай*. Гдѣ нибудь, въ укромномъ мѣстечкѣ, заготовятъ днемъ мнимыя лодки, съ мнимыми греб- цами и даже съ мнимымъ войскомъ, а ночью спу- стятъ все это на воду... Лодки устраивали слѣдую-

щимъ образомъ: возьмутъ корягу, или негодную къ употребленію колоду отъ водопоя; въ эту колоду понатыкаютъ сноповъ, или связокъ хворосту—тор- чкомъ, и какъ только стемнѣетъ—спускаютъ такіа снаряды на Дунай.. Съ турецкаго берега, при ноч- номъ бѣловатомъ вѣтѣ, подобныя сооруженія, въ са- момъ дѣлѣ, казались лодками съ людьми; поэтому пла- стунскія изобрѣтенія, почти каждую ночь, тревожили турецкіе береговые караулы, заставляя ихъ стрѣ-

лять по сно- памъ зал- нами, даже изъ пушекъ съ батарей!

Подобный о б м а н ь, турки, ко- нечно, от- к р ы в а л и в послѣдст- віи; но это нисколько не облегча- ло ихъ по- л о ж е н і е. Напротивъ, отъ р ы т і е обмана, то- лько сби- вало ихъ съ толку, пос- лѣ чего они не знали уже стрѣлять-ли имъ по на- стоящимъ- то нашимъ л о д к а м ѣ,

Капитанъ 2-го ранга Макаровъ.

которыя, дѣйствительно, все чаще и чаще стали по ночамъ ходить по Дунаю, подготавливая какія-то ра- боты... Боясь попасться въ новый обманъ, турки нерѣдко пропускали ихъ безъ выстрѣла. А наши именно этого и добивались...

Приближалось время переправы. Намъ нужно было торопиться съ окончаніемъ разныхъ подгото- вительныхъ работъ къ этому важному дѣйствию;

поэтому, всякій безпрепятственный пропускъ нашихъ судовъ по Дунаю, со стороны турокъ, былъ для русскихъ, какъ нельзя болѣе, кстати. При этомъ, намъ постоянно приходилось скрывать отъ непріятеля не только подготовительныя работы, но и самыя мѣста задуманной переправы, чтобы онъ не могъ заранѣе сосредоточить значительныхъ силъ противъ этихъ мѣстъ. Съ этою цѣлью, почти всѣмъ нашимъ войскамъ приходилось прибѣгать къ разнымъ хитростямъ. Такъ, работы производились иногда совсѣмъ не тамъ, гдѣ предполагена была переправа; матеріалъ для постройки мостовъ и лодки для перевозки войскъ содержались также тамъ, гдѣ перехода черезъ Дунай никто и не думалъ совершать; самыя войска русскія разставлены были по Дунаю противъ такихъ мѣстъ, гдѣ переправы нашей ожидали развѣ одни только турки. Все это окончательно сбивало непріятеля съ толку, и онъ подъ конецъ, ужъ видимо утомился наблюдать за нашими дѣйствіями;

турки стали смотрѣть на всѣ наши работы какъ-то спустя рукава. Въ одномъ мѣстѣ, начнутъ, бывало, стрѣлять изъ пушекъ такъ, ни съ того, ни съ сего, отъ нечего дѣлать или чтонибудь пригрезится имъ на нашемъ берегу. Разъ, въ концѣ мая, турки принялись бросать бомбы на рѣчныя суда, стоявшіе у Журжева. На берегу, на площадкѣ передъ этими судами, ходитъ, русской часовой. Влѣво, не далеко стоитъ казарма. Турки выпускаютъ бомбы одну за другой. Часовой ходитъ и прехладнокровно считаетъ снаряды, пролетающіе

черезъ голову. Солдаты и офицеры около казармъ наблюдаютъ за паденіемъ бомбъ и беззаботно смѣются неудачнымъ выстрѣламъ.

— Сколько упало снарядовъ? — спрашиваютъ часоваго офицеры.

— Сорокъ девять начель, ваше благородіе, — отвѣчаетъ часовой.

— Ну, подождемъ: теперь вотъ, пятидесятью навѣрно пустятъ, для круглаго счета. Что-то эта скажетъ. Ужъ навѣрно пятидесятая маху не дастъ.

Лейтенантъ Ромдшвенскій.

Летитъ пятидесятая; шлопаётся въ грязь и даже не разрывается.

И офицеры, и солдаты хохочутъ. Тѣмъ бомбардировка и кончается.

Въ другомъ мѣстѣ турки, въ виду нашихъ войскъ, забавляются, бывало, учениемъ и маршированіемъ. Дальше, и турки и русскіе, каждыя подлѣ своего берега, моются или купаются, а то, такъ стираютъ бѣлье. Погода при этомъ стояла повсюду

превосходная. — «Быть скоро переправѣ», думали наши солдатки.

— «Перфильевъ, глянь-ка вотъ туда — видать? говорить одинъ солдатикъ.

— «Видать, отвѣчаетъ другой, ученье производить».

— «То-то, вотъ, оно и есть-то, учится онъ!»

— «Вишь, когда вздумалъ учиться, подсмѣивается третій, нашель время». — «Нѣтъ, братъ, ужъ теперь, что учиться; учился бы прежде, а теперь, братъ, ужъ некогда, ау!» и солдатикъ передразни-

Пластунская игра въ „Комарь“.

ваетъ турку съ своего берега. Всѣ хохочутъ кругомъ.

Срокъ переправы, между тѣмъ, все болѣе и болѣе приближался.

По ночамъ, въ это время, на Дунаѣ водворялась мертвая тишина. Лишь часовые мѣрно расхаживали по берегу, да молодые солдатики тихо бесѣдовали между собой, или раздумывали про себѣ, въ полуснѣ, о покинутыхъ ими на родимѣ семействахъ, да гдѣ нибудь русскій пароходикъ тайкомъ ползъ по водѣ, закладывая мины, или проводя плоты для настилки будущаго моста... Въ болѣе узкихъ мѣстахъ Дуная, среди ночной глубокой тишины, иногда вдругъ доносился съ того берега чуть-чуть слышимый голосъ: «Эй, вы, русскіе, приходите къ намъ, у насъ баранина есть!» Солдатики расхохочутся и, не желая ударить въ грязь лицомъ, отвѣчаютъ, что есть мочи: «А мы про васъ каленые орѣхи принасли!» И эти переклички, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, повторялись, говорятъ, каждый вечеръ.

Турки во все время ограничивались перестрѣлками по Дунаю и возведеніемъ въ разныхъ мѣстахъ батарей, а также бомбардированіемъ Калафата, Журжева и другихъ пунктовъ. Попытка ихъ устроить батареи у Туртукая не имѣла успѣха, ибо работы ихъ были уничтожены огнемъ нашихъ батарей у Ольтеницы.

Такъ прошелъ весь май мѣсяцъ. Словомъ, под-

ходилъ къ концу уже второй мѣсяцъ, со дня объявленія войны.

Турки, какъ замѣтно было, уже окончательно были сбиты съ толку разными приготовлениями и передвиженіями нашихъ войскъ. Вода въ Дунаѣ, тѣмъ временемъ, начала замѣтно спадать. Войска русскія стояли въ Румыніи также въ полномъ сборѣ.

26 мая, въ румынскій городокъ Плоешты, гдѣ расположена была главная квартира Главнокомандующаго, изволилъ прибыть изъ Россіи и самъ Го-

сударь Императоръ, восторженно встрѣченный войсками, румынскимъ народомъ и депутаціей отъ болгаръ.

Въ это-же время изъ Одессы были высланы два парохода съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ возможности напасть на турецкіе броненосцы, которые обыкновенно въ ночное время крейсировали въ морѣ около Сулипа. Съ этою цѣлью, назначены были два парохода «Константинъ» и «Владиміръ» и нѣсколько паровыхъ катеровъ.

Въ 8 часовъ вечера 28 мая на пароходахъ пропѣли молитву, а затѣмъ командиръ парохода «Константинъ» лейтенантъ Макаровъ сказалъ горячую рѣчь, на которую команда отвѣчала громкимъ «ура». Вслѣдъ за тѣмъ «Константинъ» съ катерами двинулся въ путь. Не найдя въ морѣ ни одного неприятельскаго судна, лейтенантъ Макаровъ рѣшился атаковать турецкіе суда на самомъ Сулинскомъ рейдѣ, гдѣ онѣ укрылись.

Подойдя въ половинѣ перваго ночи на разстоя-

Лейтенантъ Пуцинъ.

ніе пяти миль отъ рейда, Макаровъ остановилъ машину и выдвинулъ впередъ миноносные катера. Волеиіе, теченіе и разныя другія неблагопріятныя обстоятельства были причинами, что принять участіе въ атакѣ удалось только двумъ катерамъ №№ 1 и 2-го.

Лейтенантъ Рождественскій, бывшій на катерѣ № 2, первый за видѣлъ непріятельское судно, указавъ на него катеру № 1, на которомъ находился лейтенантъ Пущинъ, и оба они вмѣстѣ двинулись противъ непріятеля. Изъ множества стоявшихъ здѣсь турецкихъ судовъ, Рождественскій заключилъ, что онъ забрался въ самую средину Сулинскаго рейда. За нѣсколько десятковъ саженой отъ

непріятельскаго броненосца, Рождественскій еще видѣлъ около себя катеръ Пущина. Въ десяти саженьяхъ Рождественскій былъ окликнуть часовымъ на броненосцѣ и вслѣдъ за тѣмъ по нашему катеру открыли штурцерной огонь и на всемъ рейдѣ поднялась тревога. Катеръ прибавилъ ходу, выпустилъ мину, и вслѣдъ за тѣмъ почти въ упоръ съ броненосцемъ

произвелъ взрывъ. Съ взрывомъ раздался первый пушечный выстрѣлъ. Рубка катера была залита столбомъ воды, открылось поврежденіе рулевой цѣпи (штуръ-тросъ) и катеру пришлось уходить подъ градомъ штурцерныхъ и картечныхъ пуль со всѣхъ турецкихъ судовъ. За первымъ взрывомъ послышался другой, что было съ катера лейтенанта Пущина,

но Рождественскій долженъ былъ уже уходить, ибо за нимъ гнался турецкій пароходъ.

Нѣсколько часовъ пароходы «Константинь» и «Владимиръ» ждали катера, которые всѣ наконецъ прибыли, кромѣ одного, катера № 1, на которомъ былъ лейтенантъ Пущинъ. Не успѣвъ дождаться его, пароходы вмѣстѣ съ катерами отправили

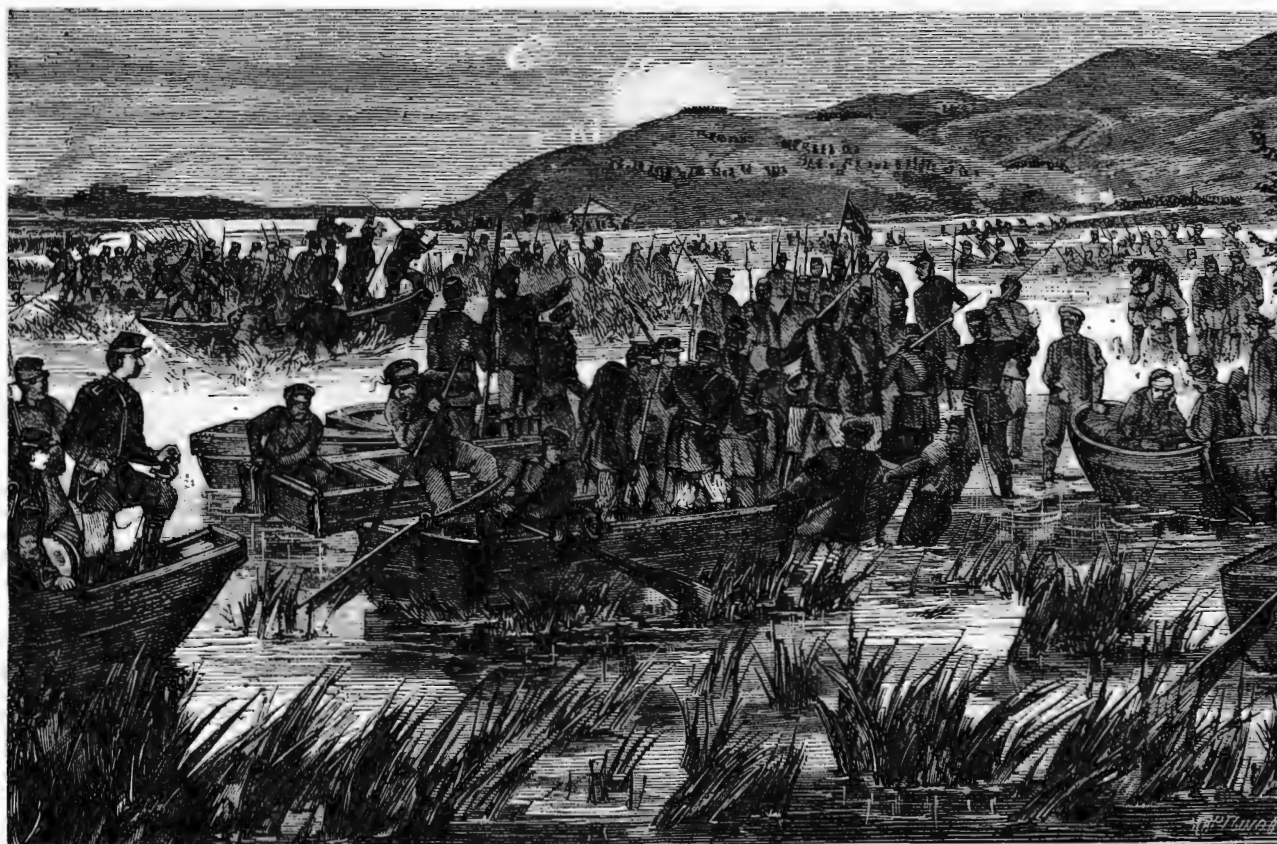
Командиръ 14 корпуса Генераль-Лейтенантъ Циммерманъ.

обратно въ Одессу, куда и прибыли въ 5 часовъ по полудни 29 мая.

Уже только впоследствии обнаружилось что катеръ Пущина, потерпѣвъ большія поврежденія, затонулъ, а самъ Пущинъ спасенный отъ крушенія турками, былъ взятъ ими въ плѣнъ; гдѣ и оставался до окончанія войны.

Переправа кавалеріи близь Браилова 10 Іюня 1877 года.

Высадка пѣхоты у Буджака.

Между тѣмъ наступалъ и срокъ переправы, но онъ содержался въ такой тайнѣ, что о времени и мѣстѣ переправы, зналъ только Главнокомандующій, Великій Князь, Николай Николаевичъ Старшій, съ главными своими помощниками.

Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца, Великій Князь, Главнокомандующій, отдалъ секретное приказаніе начальнику Нижнедунайскаго отряда, генералу Циммерману, совершить переправу черезъ Дунай у г. Браилова, непременно къ 10 іюню, съ войсками, состоявшими подъ его начальствомъ.

По получеціи приказанія, генералъ Циммерманъ, немедленно приступилъ къ подготовкѣ столь важнаго и такъ давно ожидаемаго дѣйствія.

Какъ разъ, противъ Браилова, на противоположномъ берегу, лежала турецкая деревня, Гечеть. Казаки частенько переправлялись туда для развѣдокъ, и турки вынуждены были совѣмъ оставить эту деревню, отступивъ подалеже отъ берега, въ укрѣпленный городъ Мачинъ. Когда задумана была переправа у Браилова, наши солдаты уже безпрепятственно пе-

ребрались въ Гечеть и устроились тамъ по домашнему. Тотчасъ же приступили къ укрѣпленію занятого берега и къ постройкѣ моста, въ этомъ мѣстѣ Дуная, сразу съ обоихъ береговъ — и съ турецкаго, и съ румынскаго. Матеріалъ для этого заготовленъ былъ заранѣе и содержался въ укромныхъ мѣстахъ, у Галаца и Браилова. Въ четыре дня

мостъ уже былъ готовъ, огромный, во всю ширину Дуная. Турки не сдѣлали по нашимъ работамъ ни одного выстрѣла: они устроили только на горѣ, близъ Мачина, огромную вышку для наблюденія за ходомъ дѣла; посадили туда трехъ турокъ, которые и смотрѣли на наводку моста въ подзорную трубу. Мониторы турецкіе такъ же не подходили

Генераль-Маіоръ Жуковъ

сюда потому, что Дунай въ этомъ мѣстѣ, какъ мы уже знаемъ, загороженъ былъ минами, съ обѣихъ сторонъ — и сверху и снизу рѣки. Да турки, какъ оказалось впоследствии, и не ожидали здѣсь переправы, думая, что все наши приготовленія, почти открыто производившіяся въ этомъ мѣстѣ, служатъ только для обмана ихъ.

Такимъ образомъ мостъ подъ Браиловымъ наведенъ былъ въ полнѣйшей безопасности; но переправа по нему войска на ту сторону, была пока невозможна. Мостъ этотъ упирался въ турецкій берегъ, который еще залитъ былъ на огромномъ пространствѣ разливомъ Дуная. Ожидать — когда спадетъ съ берега вода, было некогда. Поэтому, рѣшено было совершить первую переправу черезъ Дунай на лодкахъ, пониже Браилова, у г. Галаца, къ турецкой деревнѣ Заелуй.

Въ этомъ мѣстѣ разливъ рѣки былъ также еще великъ; противъ Галаца, турецкій берегъ, верстъ на десять, представлялъ низменную мѣстность, поросшую тростникомъ и еще затопленную водой вплоть до горъ, называемыхъ Буджаескими высотами, выдающимися въ воду угломъ или мысомъ. Сюда то и направлялись наши войска...

9 июня, часовъ въ десять вечера, на Галацкой пристани, посажены были на лодки и баржи пять ротъ Рязскаго и пять ротъ Рязанскаго полковъ*) и четыре орудія **). Отрядъ этотъ, подъ командою командира 1-й бригады 18-й дивизіи генерала Жукова, тихо отчалилъ отъ берега и, подъ прикрытіемъ ночной темноты, направился къ тростникамъ... Достигнувъ камышей, солдаты, терпѣливо и въ полной тишинѣ, простояли въ нихъ на лодкахъ до самой полуночи, окруженные густыми тучами комаровъ и всякихъ мошекъ, нестерпимо

жалившихъ и надѣдавшихъ своимъ кисливымъ жужжаньемъ и сверленіемъ у самого уха, бровей и глазъ... Выдержавъ упорный бой съ комарами, солдаты двинулись, въ полночь, къ турецкому берегу...

Впереди шли роты Рязанскаго полка, за ними подвигались ряжцы. Приказано было не стрѣлять, не шумѣть, сидѣть смирно. Можно сказать, «на ура» шли эти 1,800 храбрецовъ! Лодки, большею частью, небольшія, изрѣдка барказы, болѣе выѣстительные на 20, 30 и 40 человекъ; мелкія же лодки вмѣщали не болѣе пяти, четырехъ и трехъ человекъ.

Исключая немногихъ матросовъ и рыболововъ, помогавшихъ при переправѣ, солдаты сами управляли веслами и правили рудемъ. Тихо, спокойно, безъ малѣйшаго шума подплывали они къ непріятельскому берегу...

Наконецъ, показалась впереди, въ почной темнотѣ, высокая гора, вдающаяся въ воду мысомъ. По обѣ стороны ея, справа и слѣва, на скалахъ, виднѣлись черныя массы турецкихъ стрѣлковъ... Полагаютъ, что турки приготовились и ждали — ихъ извѣстили ла-

зутчики. Какъ бы тамъ ни было, засѣвшій на берегу непріятель, завидя нашихъ, сейчасъ же открылъ по нимъ убійственный огонь изъ ружей. Не смотря на это, Рязанцы продолжали плыть впередъ, и, немного не доѣзжая до берега, бросились отдѣльными кучками въ тростники... Утопая въ вязкой болотной почвѣ, погружаясь иногда по поясъ, по горло въ воду, подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ, Рязанцы, послѣ невѣроятныхъ усилій, достигли, наконецъ, турецкаго берега, у лѣ-

Подпоручикъ Эльснеръ.

*) 1-я бригада 18-й п. дивизіи.

***) 4-й батареи 18 арт. бригады.

ваго спуска горы, гдѣ турки, казалось, стояли въ меньшемъ числѣ. Первыми вышли на берегъ поручикъ Эльснеръ и прапорщикъ Сушковъ. Высадившись на берегъ, Рязанцы дружно вбѣжали на береговую крутизну, встрѣченные градомъ пуль. Въ это время поручикъ Эльснеръ былъ тяжело раненъ и упалъ на землю. — «Не беспокойтесь обо мнѣ, ребята, — крикнулъ онъ солдатамъ; я отсюда буду командовать вами!» Солдаты ударили въ штыки. Произошла ожесточенная схватка. Нѣсколько новыхъ героевъ пало близъ поручика Эльснера; груди ихъ пронизаны были штыками. Но турки, хотя и превосходили числомъ нашихъ, не выдержали и стали подаваться подъ напоромъ Рязанцевъ. Въ эту минуту, у праваго ската горы, высадились на берегъ остальные роты Рязскаго полка, и ударили неприятелю во флангъ. Боясь быть окруженными Рязцами, турки, съ озлобленіемъ отстрѣливаясь, начали отступать. Тогда всѣ наши офицеры стали въ ряды съ солдатами, и весь отрядъ, всею массою, двинулся на врага... Послѣ ужаснаго

новаго дѣла, вся первая прибрежная высота была занята русскими. Турки отошли дальше отъ берега, на вторую высоту. Выстрѣлы стали постепенно рѣдѣть.

Быль уже седьмой часъ утра, и русскіе, занявши деревню Гарвано, успѣли нѣсколько отдохнуть отъ усталости и проведенной безъ сна ночи. Но, вскорѣ сраженіе приняло совершенно иной оборотъ. Выстрѣлы вполножили всѣхъ турокъ, стоявшихъ въ окрестности, и вскорѣ прибыли на мѣсто боя

нѣсколько свѣжихъ турецкихъ баталіоновъ, съ двумя орудіями, а вслѣдъ затѣмъ, появилась и турецкая конница... Турки замѣтили, что ихъ стало вдвое больше русскихъ; мужество къ нимъ возвратилось, и они стали отчаянно сопротивляться и, въ свою очередь, наступать на нашихъ...

Русскіе въ это время еще не успѣли переправить на турецкій берегъ ни пушекъ, ни конницы. Такимъ образомъ, горсти нашихъ храбрецовъ приходилось дѣйствовать противъ артиллеріи пѣхоты и конницы — только ружейнымъ огнемъ, да штыками.

Не смотря на это, русскіе не уступали и, побуждаемые первыми своимъ успѣхомъ, удвоили усердіе. Съ необычайнымъ мужествомъ бросились они на вдвое сильнѣйшаго неприятеля. Завязался ужасный бой, во время котораго наши солдаты оказали чудеса храбрости. Битва все болѣе и болѣе разгоралась... Ряды сходились съ рядами и бой шелъ въ рукопашную....

Турки занимали еще три ряда высотъ, расположенныхъ одна выше другой, называемыя Буджакскими горами. На

самой послѣдней и самой высокой позиціи у нихъ стояли двѣ пушки, которыя непрерывно осыпали нашихъ граватами. Между прибрежной высотой, занятой уже русскими, и второй высотой, еще защищаемой турками, шли поля, засѣянные пшеницей и овсомъ. Мѣсто это было весьма удобно для дѣйствія конницы. Черкесы и башибузуки воспользовались этимъ и стали напирать на нашихъ пѣхотинцевъ, видя малочисленность ихъ. Здѣсь то, между первой и второй высотой, на пше-

Лейтенантъ Никоновъ.

пичныхъ поляхъ, и происходилъ самый кровавый бой, холоднымъ оружіемъ. Храбрецы наши бросались въ штыки, даже на непріятельскую конницу. Разъ было осмѣлились и башибузуки ударить въ штыки на русскихъ, но, встрѣченные мѣткими пулями стрѣлковъ, они не дошли и до половины дороги и принуждены были повернуть назадъ. Тѣснимые съ фланговъ конницей и осыпаемые сверху ядрами, русскіе должны были еще драться съ турецкой пѣхотой, угрожавшею съ фронта.. Многочисленность непріятеля, присутствіе въ рядахъ его конницы и дѣйствіе двухъ турецкихъ пушекъ долго не позволяли нашимъ пробиться впередъ, ко второй высотѣ. Солдатамъ нашимъ приходилось, подчасъ, отбиваться въ одиночку отъ многочисленнаго непріятеля, наступавшаго отовсюду. Такъ пали четверо солдатъ изъ переднихъ рядовъ. Окруженные турками со всѣхъ сторонъ, выбившись изъ силъ и разстрѣлявъ всѣ патроны, храбрецы эти все таки ни за что не хотѣли сдаться, и всѣ четверо героевъ были убиты. Турки отрубили имъ головы. Въ другомъ мѣстѣ, турокъ забрался въ наши ряды и напалъ на безоружнаго санитаря. Вѣроятно, тому пришлось бы плохо безъ оружія, если бы онъ не увидѣлъ валяющагося на землѣ ружья; онъ поспѣшно захватилъ его и прикладомъ разнесъ черепъ врагу.. А про одного офицера рассказываютъ, что онъ *одинъ*, во время этого сраженія, убилъ семь турокъ, хотя подъ конецъ и самъ былъ раненъ. Такъ бой кипѣлъ нѣсколько времени. Битва велась съ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Но и вторая высота была наконецъ взята русскими!

Послѣ этого нельзя было колебаться ни минуты: надо было или идти сейчасъ же впередъ, или отступать; побѣдить или умереть! Турки только что получили новое подкрѣпленіе и угрожали уже отнятіемъ потерянной ими второй высоты. Въ эту минуту молодой подпоручикъ Никольскій, не дожидаясь разрѣшенія, бросился впередъ съ горстью охотниковъ.. Всѣ они пали, пораженные на смерть; но порывъ ихъ мгновенно воодушевилъ весь отрядъ. Раздалось грозное «ура» и третья высота была взята!

Между тѣмъ положеніе нашего отряда, забравшагося довольно далеко отъ берега и порядочно уже ослабѣвшаго, сдѣлалось еще болѣе опаснымъ.

Ожесточенная битва продолжалась уже въ теченіи нѣсколькихъ часовъ—непрерывно. Утомленные солдаты начали уже ослабѣвать.. Подкрѣпленія еще не подходили.. Но наши не сомнѣвались, что имъ удастся овладѣть и четвертой—последней высотой,—только бы имъ можно было отдохнуть, хотя минутку!.. Но и отъ этой надежды приходилось отказаться! Двѣ турецкія пушки, поставленныя на вершинѣ четвертой высоты, продолжали осыпать ядрами и картечью нашихъ храбрецовъ, а черкесская конница, подкрѣпленная вновь прибывшими башибузуками, тѣснила все болѣе и болѣе утомившихся бойцовъ. Однакоже рѣшено было взять штыками и четвертую позицію.. Попытка эта была смѣлой, даже, можно сказать, отчаянною! Двинувшись на приступъ последней высоты, офицеръ, командовавшій штурмовою колонной, завидѣвъ на верхушкѣ холма, гдѣ стояли турецкія пушки, блескъ яркаго пламени.. онъ тотчасъ же упалъ на землю и приказалъ людямъ своимъ также лечь. Вслѣдъ за тѣмъ, ядро врылось въ землю у самой головы офицера, подпрыгнуло снова, скользнуло по его головѣ и изборозило ему бока и ноги.. Это было около 11 часовъ.

Въ эту критическую и торжественную минуту—вдругъ раздался новый выстрѣлъ изъ орудія, но уже не изъ турецкаго.. Это была пушка, находившаяся при свѣжестъ русскомъ отрядѣ, спѣшившемъ изъ Галаца на помощь къ своимъ истомленнымъ товарищамъ. Отряду этому удалось благополучно переплыть Дунай и не смотря на тростники, топи и болота, высадиться на турецкій берегъ съ двумя орудіями, при чемъ огнестрѣльные снаряды пришлось тащить на рукахъ.. Одно изъ орудій успѣли уже поставить на удобное мѣсто и дать выстрѣлъ.

При звукѣ этого выстрѣла, храбрые Рязцы и Рязанцы вздохнули свободнѣе, и громкое «ура» огласило поле битвы.. Забыто было утомленіе. Подъ защитою учащенныхъ выстрѣловъ изъ русскаго орудія, всѣ солдаты съ необычайной храбростью бросились на приступъ. Но турки, при второмъ же выстрѣлѣ изъ нашей пушки, поспѣшили сами обратиться съ последней своей позиціи, увозя съ собою обѣ свои пушки и фургоны; нагруженные убитыми и ранеными. Къ 9 часамъ утра огонь началъ

Взятіє Гарванск

ИХЪ ВЫСОТЪ.

уже стихать, а въ 10 часовъ бой совсѣмъ прекратился. Такъ кончился бой 10-го числа.

Былъ полдень, когда русскій флагъ былъ водруженъ надъ Буджакскими высотами. Побѣда была полная и блистательная! Немного найдется примѣровъ, когда бы горсть пѣхотинцевъ, вооруженныхъ только ружьями, да штыками, могла одолѣть непріятеля вдвое сильнѣйшаго по численности, имѣвшаго въ своихъ рядахъ конницу и орудія, укрѣпившагося на нѣсколькихъ высотахъ, одна другой выше, и защищеннаго отъ нападенія широкой рѣкою, топями и болотами, подступающими къ самому подножію этихъ высотъ. Безспорно, побѣда эта возможна была только съ терпѣніемъ и храбростью русскаго солдата...

Славная побѣда Рязцевъ и Рязанцевъ стоила имъ, сравнительно, незначительныхъ потерь: выбывшими изъ строя оказались—44 убитыхъ и 98 раненыхъ. Когда этихъ послѣднихъ доставили въ Галацъ, въ госпиталь, Государь Императоръ съ Великими Князьями, въ ту же ночь, съ 10 на 11 іюня, изволилъ посѣтить героевъ, удостоилъ ихъ милостивымъ словомъ и лично пожаловалъ Георгіевскіе кресты: генераль-маіору Жукову, поручику Эльснеру и прапорщику Сущкову; а нижнимъ чинамъ тутъ же розданы были, кромѣ военныхъ орденовъ, денежныя награды.

Безспорно, тяжело выдерживать продолжительный бой съ сильнѣйшимъ врагомъ. Но еще тяжелѣе переносить страданія, отъ полученныхъ въ бою ранъ. Каково же было мужество и терпѣніе тѣхъ, изувѣченныхъ штыками и ядрами героевъ, которыхъ доставили въ госпиталь съ Буджакскихъ высотъ и, которые не только не издавали стонovah или жалобъ, но еще находили въ полученныхъ ранахъ отраду исполненнаго долга, и гордость сознанія достигнутой цѣли! Одинъ рядовой раненъ былъ въ животъ штыкомъ такъ сильно, что у него вышли внутренности. Но онъ поражалъ всѣхъ тѣмъ спокойствіемъ и простотою, съ какими рассказывалъ о полученной имъ ранѣ. — «Ахъ,—говорилъ онъ, со вздохомъ— не удалось мнѣ достать того турка, который такъ обработалъ меня! Когда мы сдѣпились, я пырнулъ штыкомъ и, по божески, вынулъ, а онъ, басурманъ, всадилъ свой штыкъ и сталъ вертѣть имъ въ брюхѣ!..» Другой раненый, фельдфе-

бель, еще болѣе удивлялъ всѣхъ своимъ мужествомъ и терпѣніемъ: у него была сильно прошиблена голова такъ, что мозгъ выскочилъ и висѣлъ на лобной вості, Но онъ разсуждалъ совершенно толково и спокойно, какъ будто ни въ чемъ не бывало.—«Хорошо ли тебѣ тутъ?» спросили его.—«Какъ не хорошо! Нашъ, вѣдь, берегъ—удержали?»—«Нашъ, братъ, нашъ»—отвѣчали ему.—«Ну, такъ, какъ же мнѣ-то, будетъ нехорошо. Дастъ Богъ, поправлюсь, опять *туда*. У меня *тамъ* должно, вотъ за голову—поцарапали маленько!..»

Государь, при выходѣ изъ госпиталя, обратясь къ одному изъ лицъ своей свиты, взволнованнымъ голосомъ произнесъ. «Что за люди! Ни одной жалобы, ни одной просьбы! Одно только желаніе, одно у всѣхъ стремленіе—поскорѣе въ поле, чтобы идти на непріятеля!»

Въ ту же самую ночь, когда въ Галацѣ Государь Императоръ изволилъ раздавать награды покорителямъ Буджакскихъ высотъ, совершена была переправа и у Браилова. Вотъ какъ происходило дѣло. Былъ въ Браиловѣ, между прочими моряками отрядъ пловцевъ, состоявшій всего изъ 10—14 человекъ, снабженныхъ особыми плавательными снарядами, и находившихся подъ начальствомъ мичмана Никонова. Отрядъ этотъ занимался развѣдками о силахъ непріятеля и о движеніяхъ его, а главное—выискивалъ случая, какъ бы подвести подъ какой нибудь турецкій мониторъ ручную мину. Такъ, однажды, мичманъ Никоновъ надѣлъ на себя плавательный снарядъ, прицѣпилъ къ себѣ торпеду и поплылъ съ нею по Дунаю одинъ отыскивать турецкій мониторъ, чтобы сразиться съ грознымъ страшилищемъ... Завидѣлъ онъ къ ночи, гдѣ то у турецкаго города Тульчи, огромный мониторъ, и направился прямо на него, приготовивъ свою мину... Къ несчастію, теченіемъ рѣки пронесло Никонова поодаль отъ корабля и подвести мины подъ это страшилище ему не удалось. Турки, однако, не замѣтили удалаго пловца; пришлось ему срываться и даже переночевать въ рѣкѣ, въ камышахъ. Только спустя нѣкоторое время возвратился онъ благополучно въ Браиловъ, проплывъ при помощи своего снаряда верстъ 20. Этотъ самый мичманъ Никоновъ, съ своимъ маленькимъ отрядомъ, въ ночь съ 10 на 11 іюня, занялъ безъ боя укрѣ-

пленный турецкій городъ Мачинъ, стоявшій противъ Браилова. Какіе-то молдоване, извѣстили его, что Мачинъ, послѣ битвы на Буджакскихъ горахъ, совершенно повинуть турками. Никоновъ тотчасъ же отправился туда, съ своими молодцами-охотниками на челнокахъ, взошелъ въ городъ, убѣдился собственными глазами, что въ немъ нѣтъ ни одного турецкаго солдата, и, не долго думая, поселился въ ихъ казармахъ. Утромъ, лейтенантъ Шестаковъ, также отправился въ Мачинъ—провѣдать отрядъ Никонова: Водрузивъ тамъ русскій флагъ, онъ воз-

вратился въ Браиловъ и донесъ, что команда Никонова помѣщается въ тѣхъ самыхъ турецкихъ казармахъ, откуда турки, еще наканунѣ, стрѣляли по нашимъ войскамъ. По полученіи этого благоприятнаго извѣстія, сейчасъ же приступили къ переправѣ изъ Браилова въ Мачинъ, всего Бородинскаго полка. Съ музыкой и лихою солдатскою пѣснью вышли Бородинцы къ пристани, гдѣ уже ждали ихъ, заранѣе приготовленныя лодки, пароходы и баржи, вооруженныя пушками, на всякій случай.— Всѣ, не торопясь и весело гудоря, усѣлись.—«Ну, съ

Переправа пѣхоты по мосту у Браилова.

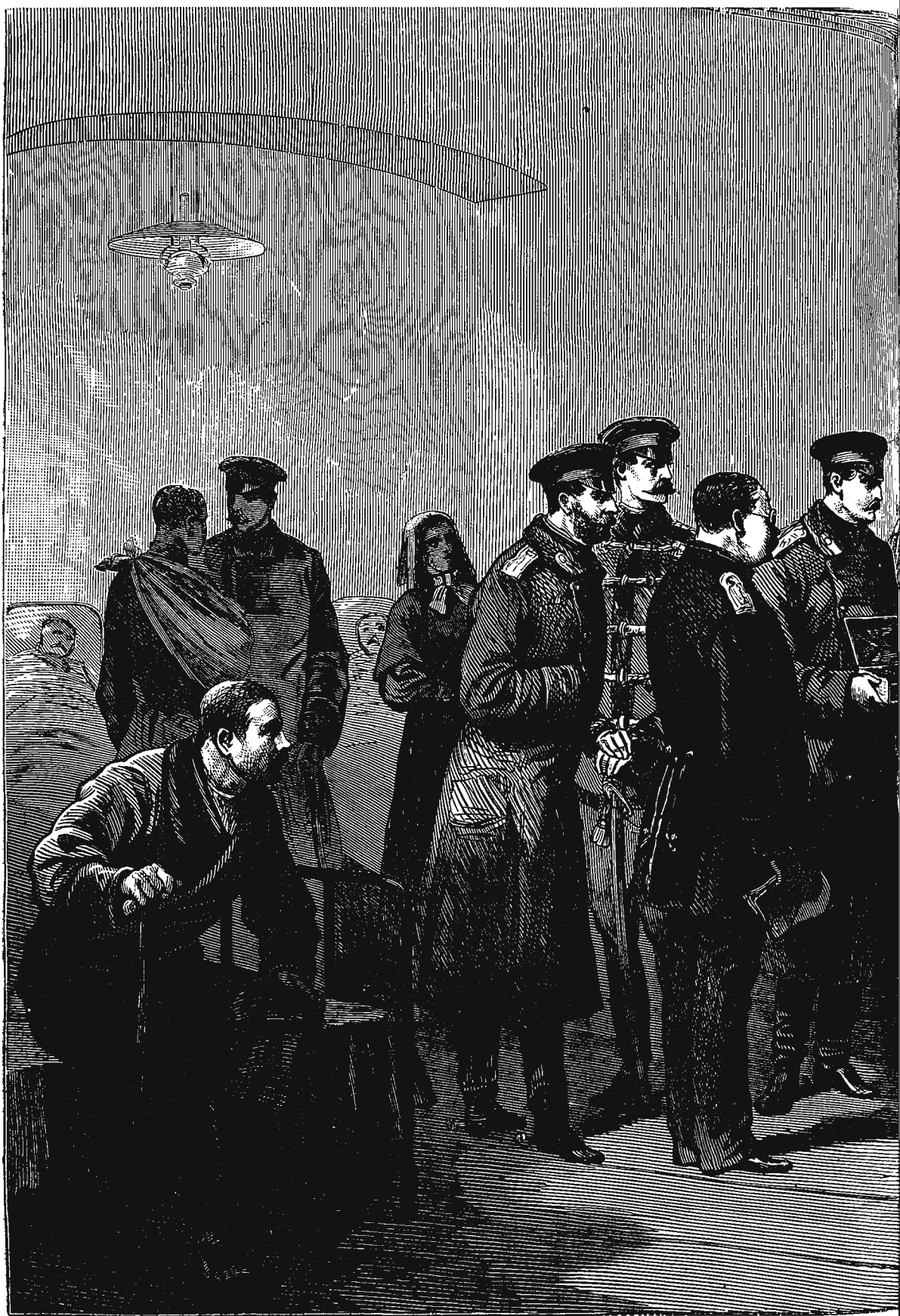
Богомъ, отправляйтесь!» сказалъ командиръ.—Тихо поплыли среди бѣла дня, нагруженныя войсками лодки и въ 3 часа по полудни 11 іюня благополучно высадились на турецкомъ берегу. Въ то же время, оказалось возможнымъ переправить часть войскъ и по мосту, наведенному у Браилова. Болгаре вышли изъ Мачина на встрѣчу войскамъ съ крестами, иконами, хоругвями и пѣніемъ, по русски, многолѣтня Русскому Царю. Почетные жители поднесли командиру, хлѣбъ-соль. Полкъ вступилъ въ Мачинъ, съ распущенными знаменами и музыкой. Въ

ночь на 12 іюня къ Бородинцамъ присоединились и войска генерала Жукова, взявшія Буджакскія высоты.

Со времени боя на Буджакскихъ горахъ, турки вездѣ отступали безъ боя предъ нашими молодецкими войсками.

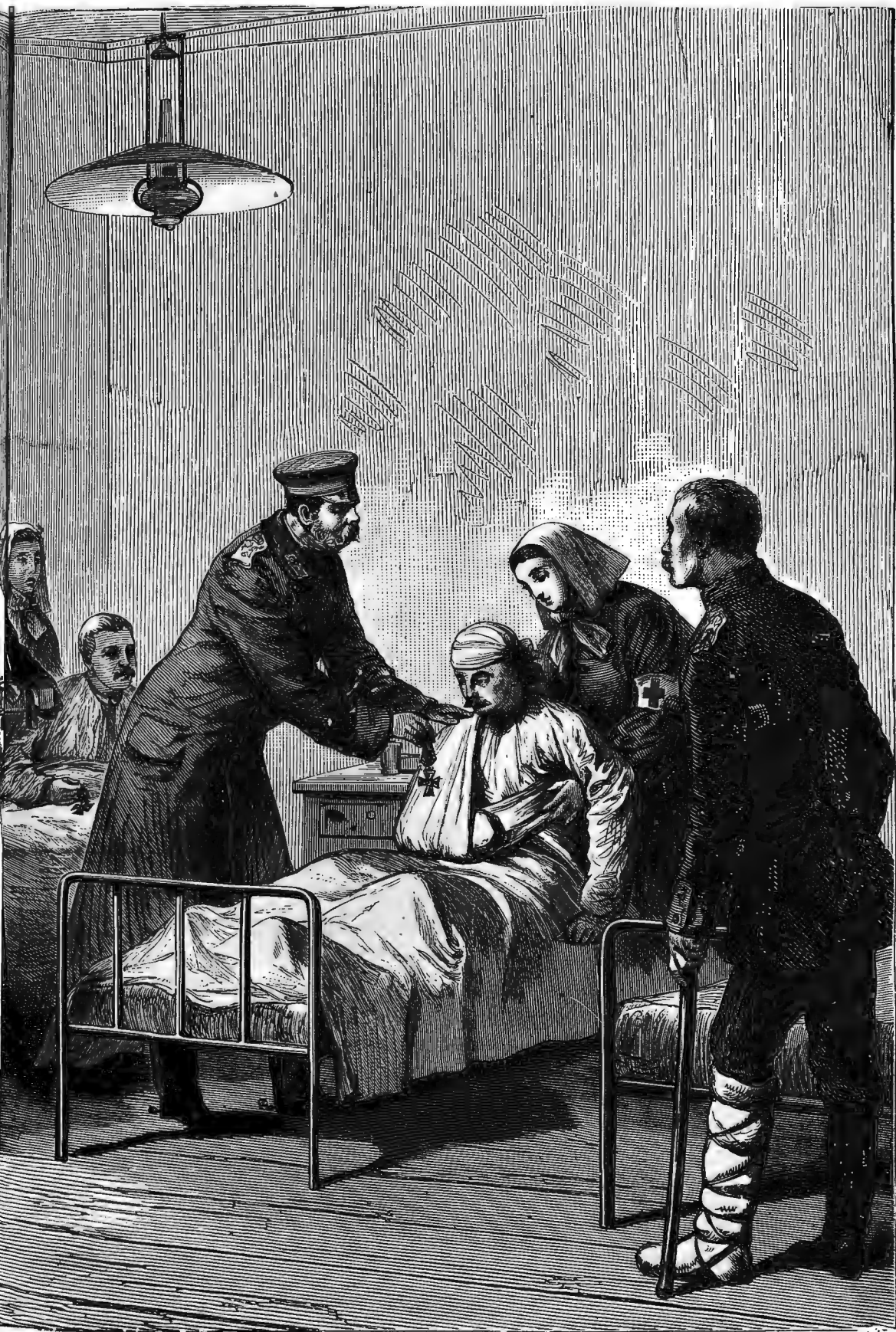
Мѣстность, занятая отрядомъ генерала Циммермана, представляла, ббльшею частью, сырую топкую низменность, покрытую болотами и трясинами, съ дорогами, размытыми весеннимъ разливомъ рѣкъ. Не смотря на это, наши войска двигались по пей,

Посѣщеніе Государемъ Императ

Огромъ раненныхъ при Буджакѣ.

въ виду отступающаго непріятеля, быстро и безостановочно. 14 іюня, чрезъ два дня по занятіи Мачина, русскіе уже вступили, безъ боя, въ города Тульчу и Гирсово.

Въ Гирсовѣ, они чуть было не захватили въ плѣнъ весь, стоявшій тамъ, турецкій отрядъ. Турки еще наканунѣ знали, что русскіе приближаются къ нимъ, и собирались уже отступить, но ждали распоряженія отъ своего главнаго командира. Наступила ночь. На небѣ ярко свѣтилъ мѣсяцъ и, при его сіяніи, видны были даже отдаленные предметы. Турки собрались кучками предъ палатками, или сидѣли воеругъ лагерныхъ костровъ и обсуждали предстоящее отступление. Часовъ въ 9 вечера, они увидѣли турецкаго офицера, ѣхавшаго неподалеку, мимо нихъ. Вдругъ, тотъ вернулся съ крикомъ: «аллахъ, аллахъ, русскіе идутъ на насъ!» Всѣ бросились вонъ изъ лагеря, чтобы убѣдиться въ этомъ собственными глазами,—и ясно увидѣли, при лунномъ свѣтѣ, три колонны русскихъ войскъ, почти окружившихъ ихъ... На турокъ нашель ужасъ: въ одну минуту разобрали они свои палатки, наскоро захватили только самые необходимые предметы—сѣдла и оружіе—и пустились бѣжать. Едва они успѣвали уходить отъ русскихъ: казаки появлялись всюду! Между тѣмъ, въ войскамъ турецкимъ присоединялись постепенно и мирные жители-мусульмане, которые также пускались, вмѣстѣ съ ними, спасаться отъ воображаемой опасности. Вскорѣ всѣ дороги запружены были турецкими повозками, цѣпями и конными людьми, женщинами, дѣтьми, пожитками, скотомъ, лошадьми, собаками,—и все это бѣжало впередъ, безъ оглядки... А звукъ казацкихъ трубъ, съ разныхъ сторонъ, такъ и гремѣлъ, такъ и гремѣлъ въ ихъ ушахъ, и это придавало бѣглецамъ особня силы и бодрость, благодаря которымъ они успѣли таки скрыться отъ нашихъ. 14 іюня былъ посланъ подъ начальствомъ генераль-маіора Янова отрядъ для занятія Исавчи и Тульчи. Генераль-маіоръ Яновъ, пройдя 100 верстъ въ день, занялъ оба города, и 16-го числа возвратился въ Мачинъ.

Въ тотъ-же день, 16 іюня, отрядъ генераль-адъютанта Шамшева занялъ главный городъ той

мѣстности—Бабадагъ. Спустя еще нѣмного времени, уже вся мѣстность, называемая Добруджей, т. е. пространство, между Дунаемъ и Чернымъ моремъ отъ Черноводъ до Кюстенджи была окончательно очищена отъ турокъ, безъ боя, и во всѣхъ городахъ немедленно введено было русское управленіе..

Такимъ образомъ, значительная часть русской арміи, именно весь 14 корпусъ генерала Циммермана, блистательно переправившись чрезъ Дунай у Галаца и Браилова, прочно утвердилась на непріятельской землѣ, вытѣснивъ изъ Добруджи правый флангъ дунайской турецкой арміи. Переправа эта имѣла, кромѣ того, еще иное значеніе. Дунай, въ нижней его части, лежитъ гораздо сѣвернѣе средняго теченія этой рѣки, и подходит своими низовьями, сравнительно, очень близко къ русскимъ границамъ такъ, что турки могли дѣйствовать изъ Добруджи, съ низовьевъ Дуная, отчасти въ тылъ русской арміи, расположенной по среднему теченію рѣки. Но, завладѣвъ обоими берегами Нижняго Дуная и вытѣснивъ турокъ изъ Добруджи, наши войска уже сами могли угрожать, не только правому крылу, но отчасти и тылу турокъ, и тѣмъ отвлекать непріятельскія силы отъ берега Средняго Дуная, который былъ, вдобавокъ, окончательно отрѣзанъ, чрезъ овладѣніе его низовьями, отъ Чернаго моря и Черноморскаго турецкаго флота, угрожавшаго намъ со стороны дунайскихъ гирлъ.

Но, несмотря на все это, слѣдуетъ замѣтить, что переправа у Галаца имѣла все таки второстепенное значеніе, такъ какъ, главныхъ русскихъ силъ отсюда нельзя было направить противъ дунайской непріятельской арміи. Двинувшись изъ Добруджи внутрь турецкой земли наши войска очутились бы въ непріятельской мѣстности, защищенной четырьмя сильнѣйшими крѣпостями: Рущукомъ, Силистріей, Шумлой и Варной. Быстрое наступленіе, въ виду этихъ четырехъ твердынь, было-бы немислимо. Поэтому, главныя русскія силы продолжали оставаться въ Румыніи, на лѣвомъ берегу Средняго Дуная, въ ожиданіи открытія болѣе удобнаго мѣста для главной переправы, къ которой и было приступлено вслѣдъ за переправой войскъ у Галаца, къ чему мы и перейдемъ.

Г Л А В А С Е Д Ъ М А Я .

Значеніе средняго Дуная для переправы русской арміи. — Минныя загражденія у Парапана. — Бой миноноски „Шутна“ съ турецкимъ мониторомъ. — Минныя загражденія у Фламунды. — Аренсъ и Ниловъ. — Приготовленія къ переправѣ у Зимницы. — Переправа.

Между 2-мъ и 12-мъ числами іюня мѣсяца, когда подготавлилась и совершалась галацкая переправа, Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, тайно выѣхалъ изъ румынскаго городка Плоешты, гдѣ расположена была главная русская квартира, и произвелъ личный осмотръ береговъ Дуная, съ цѣлью выбрать наиболѣе выгодное мѣсто для переправы главныхъ нашихъ силъ. Чтобы вполнѣ скрыть отъ непріятеля предстоящее дѣло, отъѣздъ Великаго Князя сдѣланъ былъ съ такою внезапностью и скрытностью, что даже русское начальство не знало, куда и зачѣмъ выѣхалъ Главнокомандующій. Что же касается до турокъ, то они и не подозрѣвали того, что готовилось имъ, и не сдѣлали ни одного выстрѣла въ то время, когда Главнокомандующій нашъ осматривалъ ихъ берегъ.

Мѣсто для переправы черезъ рѣку главныхъ нашихъ силъ выбрано было у румынскаго городка Зимницы, немного пониже болгарскаго города Систова, расположеннаго на турецкомъ берегу.

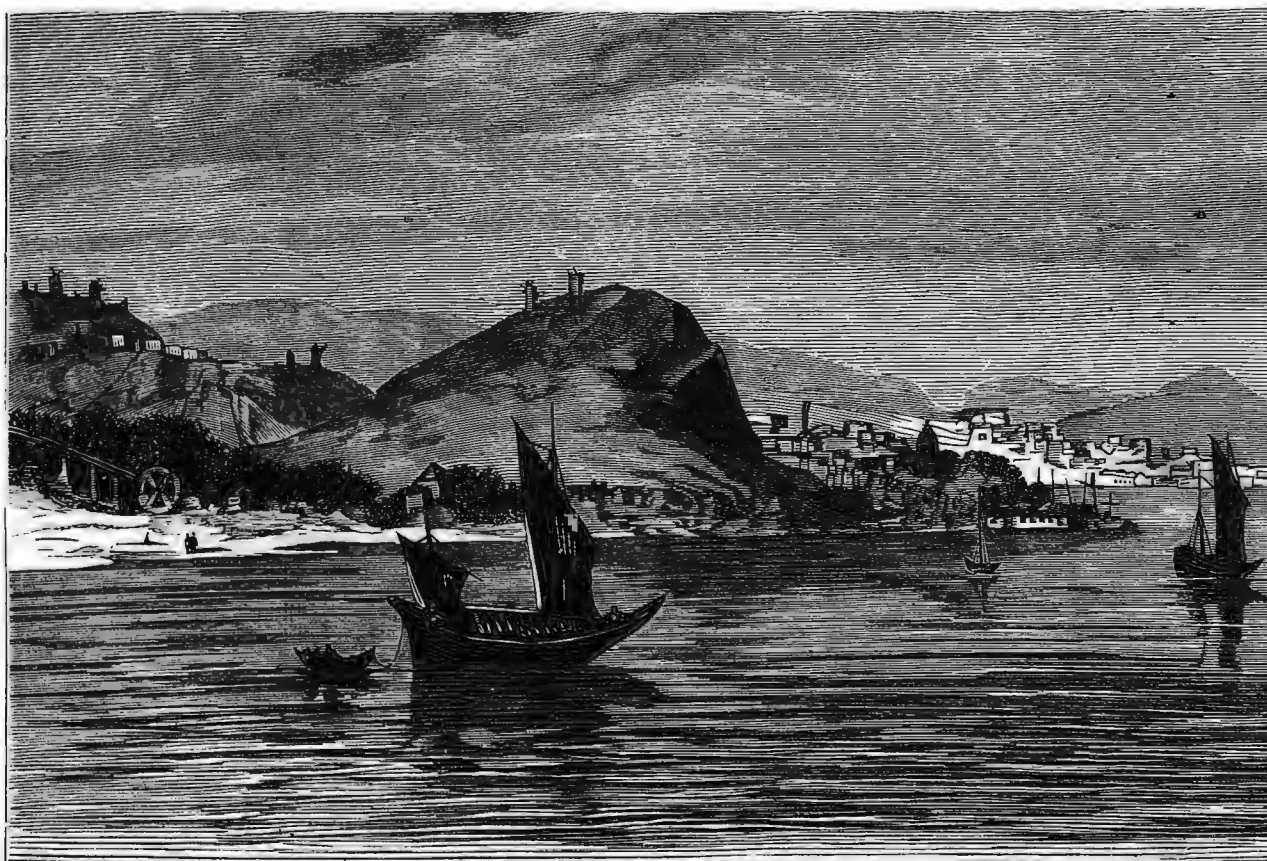
Зимница и Систово находятся на Среднемъ Дунаѣ; успѣшная переправа въ этомъ мѣстѣ главной русской арміи должна была имѣть важное значеніе для дальнѣйшаго хода кампаніи. Противъ Средняго теченія Дуная лежитъ самый центръ Болгаріи, жителей которой и шли освободить наши доблестныя войска; сверхъ того, направленіе береговъ Дуная, въ средней его части, отличается свойствомъ, какъ разъ противоположнымъ его нижнему теченію: средняя часть Дуная значительно вдается къ югу, а отъ Зимницы и Систова, черезъ центръ Болгаріи, ве-

детъ самый кратчайшій и самый удобный путь къ Балканскимъ горамъ и сердцу Турецкой имперіи — Константинополю. При томъ, путь этотъ проходить здѣсь поодаль отъ крѣпостей турецкихъ, стоящихъ по правую и лѣвую руку — на восточной и западной сторонѣ Болгаріи. На основаніи всего сказаннаго, переходъ черезъ Дунай главныхъ нашихъ силъ и назначенъ былъ у Зимницы и Систова. Правда, въ этомъ мѣстѣ Дунай представлялъ значительныя трудности для переправы: ширина его доходила здѣсь до 2-хъ верстъ; низменный зимницкій берегъ, съ котораго должна была происходить *посадка* войскъ на суда, отчасти былъ еще затопленъ разливомъ рѣки; противоположный же — систовскій берегъ — чрезвычайно крутъ и высокъ и потому мало удобенъ для *высадки* войскъ. Но этими-то недостатками упомянутыхъ береговъ и хотѣлъ воспользоваться Главнокомандующій. Дѣло въ томъ, что турки, полагаясь на трудность переправы въ этомъ мѣстѣ, держали у Систова лишь незначительный отрядъ войска; главныя же силы стаяли противъ болѣе удобныхъ мѣстъ для перехода черезъ рѣку. Такимъ образомъ, одно изъ важнѣйшихъ препятствій къ переправѣ — число непріятельскихъ силъ было незначительно у систовскаго берега. А это давало надежду переправиться здѣсь черезъ Дунай съ меньшими потерями, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ. Вотъ, что окончательно и побудило выбрать мѣсто для переправы у Зимницы.

По принятіи этого рѣшенія, немедленно приступлено было къ разнымъ подготовительнымъ работамъ. Прежде всего нужно было очистить Дунай

Видъ Гирсова.

Видъ Тульчи.

въ этомъ мѣстѣ отъ турецкихъ мониторовъ, мѣшавшихъ всѣмъ нашимъ работамъ, по устройству переправы. Вытѣсненные съ Нижняго Дуная, минными загражденіями у Галаца и Браилова, мониторы Турецкія, къ іюню мѣсяцу, собрались всѣ на Среднемъ Дунаѣ и зорко принялись здѣсь слѣдить за каждымъ движеніемъ нашихъ войскъ. По всѣмъ примѣтамъ, турки сами ожидали главной нашей переправы также на Среднемъ Дунаѣ, хотя и не догадывались, гдѣ именно она должна была произойти. Но тѣмъ сильнѣе была ихъ бдительность. Турки отрывали огонь, и съ берега, и съ мониторовъ, по всякому появлявшемуся на нашемъ берегу отряду, даже небольшому, по всякой отплывавшей съ нашей стороны лодкѣ. Поэтому, необходимо было, во что бы то ни стало, немедленно загородить Дунай минами, прежде всего со стороны Рущука, чтобы прекратить доступъ турецкимъ судамъ отъ этой брѣвности къ тому мѣсту, гдѣ долж-

на была происходить переправа войскъ и постройка моста. Съ этою цѣлью, партія нашихъ паровыхъ и гребныхъ лодокъ, нагруженныхъ торпедами, отправилась 8 іюня на мѣсто предполагаемой завладки минъ, къ румынскому селенію Парапанъ, расположенному почти на одинаковомъ разстояніи, какъ отъ Рущука, такъ и отъ Зимницы. За этимъ мѣстомъ турки зорко наблюдали, и потому наши моряки вышли на работу, секретно, темной ночью.

Работа происходила подлѣ двухъ острововъ, лежащихъ на самой срединѣ рѣки. Приступая къ работѣ, русскіе знали, что какъ разъ противъ этого мѣста, на турецкомъ берегу, за земляною насыпью, скрываются башни-бузуки. Для противодействию имъ, на нашемъ берегу заранѣе выставлены были пушки, а на одномъ изъ острововъ, лежащихъ подлѣ мѣста работъ, расположены были стрѣлки. И стрѣлки, и орудія, находились подъ командой генерала Скобелева 2-го. Въ проходѣ-же, между

упомянутыми островами, на случай появленія какого нибудь турецкаго монитора, стояла паровая лодка, подъ названіемъ «Шутка», вооруженная минами. На ней было 10 матросовъ, подъ командой лейтенанта Скрыдлова. Тутъ же находился, въ качествѣ добровольца, извѣстный русскій художникъ Верещагинъ.

Сначала все шло хорошо. Работа производилась съ такой осторожностью и тишиною, что турки, съ своего

Лейтенантъ Скрыдловъ.

берега, не замѣтили ея, и нами уже опущено было въ воду нѣсколько торпедъ. Но, съ разсвѣтомъ, башни-бузуки увидѣли русскія лодки и сейчасъ же отерли по нимъ ружейный огонь. Наши пушки—съ берега и стрѣлки—съ острова отвѣчали башни-бузукамъ. Завязалась сильная перестрѣлка. Подъ этимъ перекрестнымъ огнемъ, съ обѣихъ береговъ, лодки наши продолжали все таки закладывать мины. Онѣ уже покончили работу у нашего берега

и перешли къ турецкому... Здѣсь заглядчики минь работали лежа въ лодкахъ, иначе они всѣ были бы перебиты пулями, такъ какъ находились отъ непріятели на самомъ близкомъ разстояніи. Одинъ вазаекъ, уралець, находившійся въ лодкѣ и не захотѣвшій по совѣту матроса лечь, проговорилъ съ усмѣшкою: «гдѣ имъ попасть!» но тотчасъ же свалился съ разбитой пулей головою... Тѣмъ не менѣе, работа шла своимъ чередомъ, быстро и безъ большихъ потерь. До окончанія загражденія рѣки оставалось ужъ немного...

Вдругъ, съ паровой лодки «Шутка» стоявшей на сторожѣ работъ, въ проходѣ между островами, моряки наши замѣтили огромный столбъ дыма, медленно подвигавшійся по Дунаю, со стороны Рущука... Тотчасъ же «Шутка» вышла на встрѣчу, и выдвинувшись изъ за острова, увидѣла передъ собою громадный турецкій пароходъ, шедшій медленнымъ ходомъ на наши работы... Командиръ «Шутки», лейтенантъ Скрыдловъ, рѣшился сейчасъ же напасть на великана.

Было уже совершенно свѣтло. Солнце только что взошло. Нападеніе среди бѣлаго дня на испанское турецкое судно, для нашей крошечной лодки было дѣломъ высшей отваги и мужества, на какія могутъ быть способны только храбрые русскіе моряки. Разница въ силахъ была огромная. Турецкій мониторъ имѣлъ въ длину около 30 сажень; бока его или *борты* поднимались въ высоту надъ водою безъ малаго на 3 сажени; на немъ было 6 огромныхъ пушекъ и 4 поменьше—для стрѣльбы картечью. Кромѣ того, на мониторѣ находилось до 300 турецкихъ матросовъ и солдатъ, вооруженныхъ штуцерами и ружьями. И вотъ, на это страшное поле боя наша крошечная «Шутка», борты которой поднимались надъ водою всего на полъ аршина и на которой находились только 10 человекъ матросовъ, вооруженныхъ одними револьверами... Это все равно, что одному солдату бросаться на цѣлый баталіонъ непріятели... Однакоже «Шутка» готовила турецкому монитору страшный ударъ торпедою. «Шутка» уже выдвинула торпеду передъ собою на длинномъ шестѣ, дрожавшемъ отъ быстрого движенія лодки... Турки видѣли это,—и вотъ, грозное турецкое судно дало задній ходъ и стало позорно отступать предъ маленькимъ, но смѣлымъ врагомъ...

Отступленіе монитора вскорѣ обратилось въ постыдное бѣгство. «Шутка» погналась за нимъ. Она была превосходный ходокъ, обогнала мониторъ, перерѣзала ему дорогу и загнала его къ самому турецкому берегу. Съ палубы монитора и съ берега турки осыпали «Шутку» градомъ пуль и ядеръ. Но наши матросы скрыты были на лодкѣ подъ крышкою изъ стальныхъ плитъ. Только командиръ «Шутки»—Скрыдловъ и художникъ Верещагинъ были на виду: первый на своемъ командирскомъ мѣстѣ, а второй—на кормѣ лодки у руля,—и оба они вскорѣ были ранены. Двѣ пули разомъ ударили Скрыдлова въ обѣ ноги, а его правая рука была ушиблена обломкомъ отъ своей же лодки; Верещагинъ почувствовалъ ударъ пулею въ бедро, но онъ даже не обратилъ на это и вниманія и преспокойно продолжалъ править рулемъ, и вдобавокъ, волочилъ еще на привязи такъ называемую «крылатую мину»... Загнавъ мониторъ къ берегу, «Шутка» подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ пронеслась мимо праваго борта турецкаго парохода, близко къ колесу его... Раненый Скрыдловъ, продолжая сидѣть на своемъ командирскомъ мѣстѣ, командовалъ направить шесть съ торпедою въ мониторъ—и ударъ былъ нанесенъ... Мина врѣзалась въ самое опасное мѣсто судна—въ средину борта, за колесомъ... Но, къ удивленію нашихъ моряковъ, взрыва не послѣдовало. Мина должна была воспламениться отъ электрической искры, проведенной съ лодки къ торпедѣ, по проволоцѣ, какъ на телеграфѣхъ; но оказалось, что проволока эта была перебита пулями, отчего мина и не подѣйствовала. Положеніе «Шутки» сдѣлалось крайне опаснымъ. Мониторъ могъ выстрѣлами, изъ своихъ огромныхъ пушекъ, расщепить въ дребезги обезоруженную «Шутку»... Но моряки наши не смутились. Скрыдловъ велѣлъ пустить въ ходъ другую, запасную проволоку. Но взрыва опять не послѣдовало... Новыя проволоки оказались тоже испорченными отъ страшнаго огня и, сверхъ того, шесть, поддерживавшій мину, сломался... Нужно было поскорѣе отступить...

Къ счастью, на самихъ турокъ попалъ въ это время страхъ. Когда «Шутка» нанесла ударъ въ бортъ монитора, всѣ находившіеся на немъ турки бросились спасаться къ противоположному борту судна. Артиллеристы бросили орудія, командиръ

монитора прыгнулъ съ своего мѣста, на всей палубѣ поднялась суетливая и безтолковая бѣготня. Турки, очевидно, ждали взрыва и за симъ всеобщей своей гибели... Но, когда первая минута испуга прошла, они снова бросились къ своимъ мѣстамъ и съ яростью открыли адскій огонь по нашимъ храбрецамъ. «Шутка» получила уже довольно сильную пробивку картечью; кромѣ того, она вся была изрѣшета неприятельскими пулями. Скрыдловъ велѣлъ отступать. Самъ онъ не могъ уже подняться съ мѣста отъ полученныхъ въ обѣ ноги ранъ; но голосъ его попрежнему гремѣлъ громко и отчетливо, покрывая собою даже трескъ перепалки. Художникъ Верещагинъ, не смотря на свою рану, работалъ также усердно, наравнѣ съ матросами. «Шутка» дала полный ходъ и пошла отъ монитора прочь...

Но, едва успѣла она отойти, на нѣсколько шаговъ отъ своего грознаго противника, какъ вдругъ увидѣла предъ собою темную фигуру, и пыхтящія трубы другаго турецкаго судна, еще больше перваго... Это былъ, огромный двухмачтовый броненосецъ, шедшій изъ Рушукъ на выручку своего товарища.

«Шутка» находилась въ эту минуту между островами и турецкимъ берегомъ; изрѣшеченная пулями, пробитая ядромъ и залитая на половину водою, она едва повиновалась управленію моряковъ, и сильнымъ теченіемъ несло ее прямо на встрѣчу новому врагу... Нужно было, по крайней мѣрѣ, дойти поскорѣе до оконечности острововъ, чтобы обогнуть ихъ и уйдти на свою сторону, прежде, чѣмъ турецкій мониторъ загородитъ дорогу...

Но броненосецъ быстро приближался и встрѣча, казалось, была неминуема.

— «Приготовь крылатую мину!» свомандовалъ Скрыдловъ Верещагину, который, какъ мы видѣли, волочилъ на привязи торпеду.

— «Готова!» отвѣчала Верещагинъ.

Превосходный ходокъ — «Шутка» неслась на всѣхъ парахъ на встрѣчу грозному противнику. Вдругъ, турецкій броненосецъ вмѣсто того, чтобы идти на нее, сталъ понемногу уменьшать и уменьшать свой ходъ, и потомъ даже совсѣмъ остановился... На палубѣ его послышались свистки, командные возгласы, — и вотъ снова запыхтѣли на немъ широкіе трубы, и броненосецъ пошелъ назадъ... «Шутка» нагна-

ла на него страху... Между тѣмъ, сама она едва держалась отъ картечной пробивки и сильно уже осѣбла кормой въ воду... Кое какъ удалось ей сдѣлать поворотъ, зайти за островъ и исправить наскоро главное поврежденіе, послѣ чего «Шутка» направилась вверхъ и благополучно пристала къ мѣсту нашихъ работъ, прогнавъ отъ него, съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, два грозныхъ турецкихъ броненосца.

Благодаря необыкновенной отвагѣ и самоотверженію моряковъ, работы наши были доведены до окончанія. «Шутка» почти все время отвлекала на себя всѣ выстрѣлы неприятельскіе, и тѣмъ давала возможность остальнымъ лодкамъ благополучно продолжать завладку минъ.

Наконецъ, положена была послѣдняя мина, и вся наша флотилія преспокойно расположилась на отдыхъ, по срединѣ рѣки — на островѣ, всего сажень въ 300 отъ неприятельскаго берега. Радуюсь удачному окончанію столь труднаго дѣла, моряки наши и не замѣтили, какъ на турецкомъ берегу, невдалекѣ отъ нихъ, за высокимъ бугромъ, мчались во весь духъ, изъ Рушукъ, къ мѣсту боя, конная батарея изъ 8 большихъ орудій и дѣльный баталіонъ турецкихъ стрѣлковъ, шедшихъ также бѣгомъ, на помощь баша-бузукамъ... Морякамъ нашимъ, бывшимъ на близкомъ разстояніи отъ турокъ и не подозрѣвавшимъ никакой опасности, грозила страшная, неминуемая гибель... Къ счастью, генераль Скобелевъ 2 и полковникъ Струковъ, бывшіе на румынскомъ берегу при нашихъ орудіяхъ, во-время открыли приближеніе неприятеля и тотчасъ же бросились съ нѣсколькими стрѣлками въ лодки, на выручку флотиліи. Дунай, разлившійся въ этомъ мѣстѣ почти на 2 версты въ ширину, немало отнял времени, пока Скобелевъ и Струковъ успѣли приблизиться къ тростникамъ, густо поросшимъ вокругъ занятаго нашими моряками острова. Въ это время турецкія орудія уже стали на позицію и снимались съ передковъ... Какъ на бѣду, лодки Скобелева и Струкова, еще далеко не доходя до острова, запутались въ густыхъ тростникахъ и никакъ не могли высвободиться изъ нихъ. Видя, что гибель нашихъ минеровъ близка, Струковъ бросился изъ лодки въ воду и частью вилавъ, частью по грудь въ водѣ, успѣлъ достигъ до моряковъ и пре-

дупредилъ ихъ объ опасности. Тотчасъ же, всё паровыя лодки свялись съ мѣста; однѣ пошли вверхъ по теченію, другія внизъ, и быстро скрылись отъ глазъ непріятеля. Но у берега острова, на отмели, оставалось еще нѣсколько весельныхъ лодокъ и до 140 человекъ нашихъ матросовъ и стрѣлковъ, съ тремя ранеными. Первою заботою Скобелева и Струкова было теперь—спасти, при помощи прибывшихъ съ ними стрѣлковъ, оставшуюся на отмели флотилію. Подплывъ къ острову, всё они дружно схватились за лодки, самъ Скобелевъ ухватился за веревку, и кое-какъ, на рукахъ, перетащили ихъ чрезъ отмель, какъ вдругъ началась пальба съ турецкаго берега. Снарядъ, упавшій въ первую же лодку, разбилъ ее въ дребезги. Удалось спустить въ воду только двѣ лодки, а остальные пришлось бросить на берегу. Невозможность помѣстить всѣхъ людей на двухъ лодкахъ заставила нашихъ отступать пѣшкомъ, въ бродъ, по горло въ водѣ, отстрѣливаясь изъ ружей отъ турецкой батареи... Къ счастью, торопливость турокъ мѣшала имъ прицѣливаться какъ слѣдуетъ, и снаряды ихъ ложились, большею частью, поодаль. Между тѣмъ Скобелевъ и Струковъ стояли по плечи въ водѣ и размѣщали въ лодкахъ раненыхъ и оставшихся на островѣ людей. Тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ не хватало мѣста на лодкахъ, они бросали пробковые матросскіе пояса, а совѣмъ неумѣвшимъ держаться на водѣ подавали связанные между собой ружейные ремни, съ помощью которыхъ люди эти и прицѣплены были къ лодкамъ. Осмотръ берега убѣдилъ, наконецъ, что тамъ не оставлено никого изъ нашихъ, и только послѣ этого Скобелевъ и Струковъ вылѣзли изъ воды, и послѣдними сѣли въ лодки. Они уже приплыли къ нашему берегу, какъ вдругъ съ турецкой стороны донесся отчаянный крикъ человека, умолявшаго о помощи. Догадавшись, что кто нибудь изъ нашихъ остался на покинутомъ островѣ и сознавая, что ему грозитъ неминуемая гибель, Скобелевъ съ Струковымъ перепрыгнули въ легкую весельную лодку и подъ неумолкающимъ непріятельскимъ огнемъ поплыли опять на турецкую сторону... Тамъ, на островѣ, дѣйствительно, оказался одинъ изъ нашихъ гвардейцевъ, матросъ Шульскій. Не желая оставлять туркамъ свое ружье, положенное на землю во время

работы, Шульскій пошелъ розыскивать его по берегу, и не замѣтилъ, когда отплыли наши. Увидѣвъ, что для его спасенія приближается лодка, онъ самъ бросился въ воду съ отысканнымъ ружьемъ и поплылъ къ ней на встрѣчу. Черезъ нѣсколько минутъ всё наши были уже на своемъ берегу.

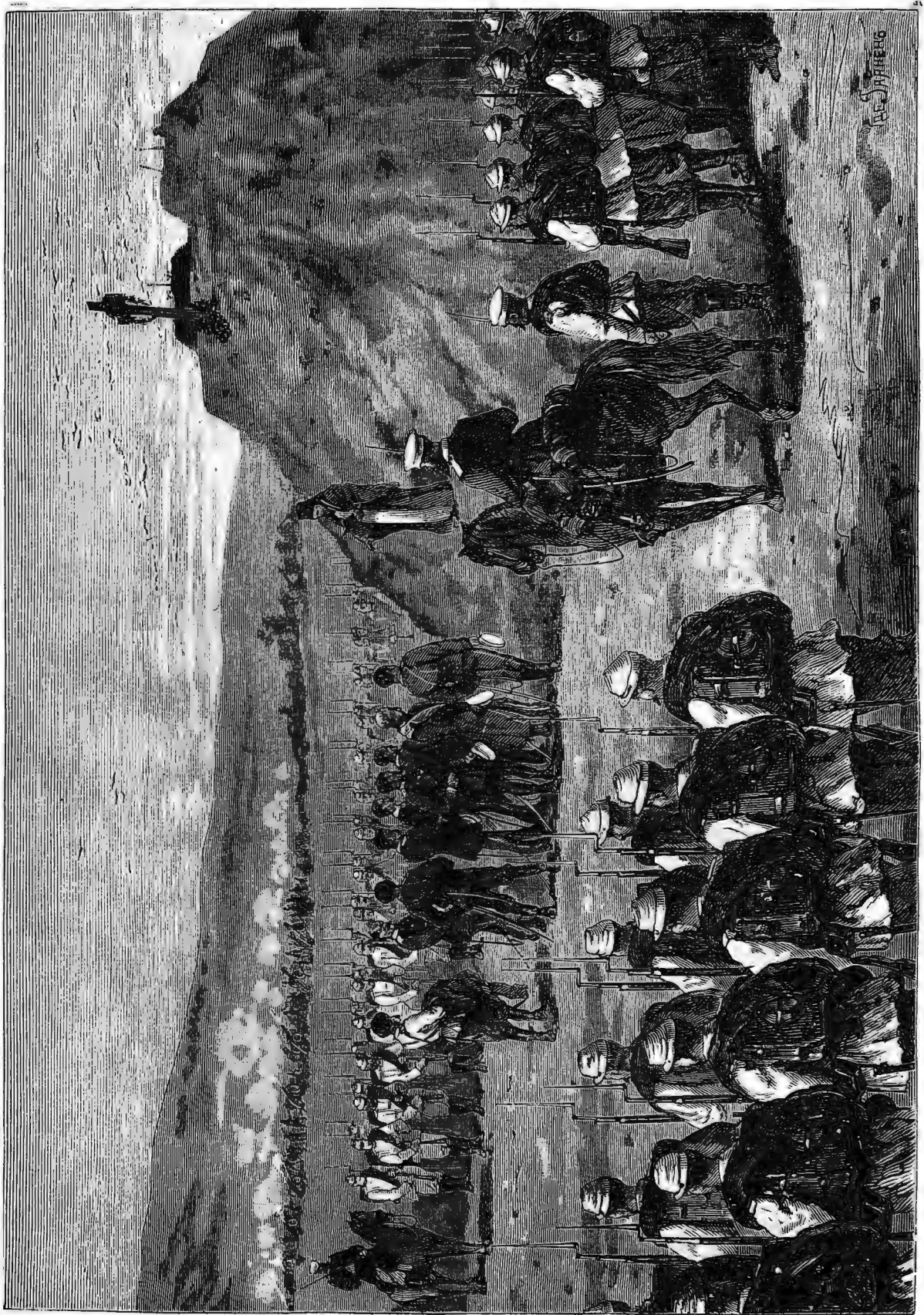
Дѣло Скрыдлова было 8 іюня.

И такъ, не смотря на нападеніе двухъ мониторовъ, на непрерывный огонь турецкой пѣхоты и на пальбу изъ пушекъ съ близкаго разстоянія, моряки наши все-таки окончили минное загражденіе, и турецкіе мониторы были заперты у Рущука. Стѣхъ поръ они не могли уже подниматься вверхъ по Дунаю; иначе, они рисковали бы наткнуться на цѣлый рядъ торпедъ и взлетѣть на воздухъ.

Герой всего этого дѣла — командиръ «Шутки» Скрыдловъ, раненый въ обѣ ноги, доставленъ былъ въ госпиталь, гдѣ Государь Императоръ лично навѣстилъ его и собственноручно пожаловалъ ему Георгіевскій крестъ, сказавъ при этомъ: «Вотъ тебѣ, молодецъ, тотъ крестъ, который ты такъ славно заслужилъ». Затѣмъ обратясь къ окружающимъ лицамъ, Государь произнесъ: «Я радъ видѣть, что герои въ Россіи не перевелись».

Кромѣ Скрыдлова и Верещагина, на «Шуткѣ» ранены были трое матросовъ, которые также получили награды.

Загородивъ Дунай торпедами со стороны Рущука, наша минная флотилія, въ тотъ-же день, 8 іюня, отправилась вверхъ по рѣкѣ, чтобы заложениемъ новыхъ минъ прекратить доступъ мониторамъ къ Зимницѣ, со стороны Никополя и Видина. Послѣ труднаго трехдневнаго плаванія подъ сильнымъ огнемъ почти со всѣхъ встрѣчныхъ береговыхъ турецкихъ позицій, флотилія наша остановилась, наконецъ, на отдыхъ, близъ румынской деревни, Фламунды, немного не доходя Турну-Магурели. На слѣдующій день, 11 іюня, одинъ изъ турецкихъ мониторовъ, стоявшихъ у Никополя, замѣтилъ минную флотилію, поспѣшно развелъ пары и быстро началъ спускаться внизъ къ нашимъ отдыхающимъ минарамъ... Мониторъ этотъ, за послѣднее время, начиналъ вообще не мало хлопотъ и безпокойства нашимъ закладчикамъ минъ; то постоянно обстрѣливалъ наши батареи, повреждалъ лодки, вообще—дѣйствовалъ усердно и не безъ искусства, что было

Братская могила на Бужацких высотах.

пе въ обычаѣ у другихъ турецкихъ мониторовъ. Поэтому, неожиданная встрѣча съ этимъ мониторомъ, грозила нашимъ морякамъ серьезною опасностью. — Начальникъ берегового отряда, генераль Леоновъ, во-время замѣтивъ мониторъ, далъ знать минерамъ объ угрожающей опасности, и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинулъ на берегъ четыре орудія *). Двѣ миноносныя шлюпки: «Мина», подъ командой гардемарина Аренса, и уже знакомая намъ «Шутка», подъ командою мичмана Нилова, немедленно приготовились къ встрѣчѣ съ мониторомъ. Зайдя за островъ Инзулу, шлюпки наши притаились, выжидая, когда приблизится мониторъ, — и лишь только грозный великанъ поровнялся съ ними, какъ онѣ быстро вышли изъ своего убѣжища, и, не смотря на страшный ружейный и картечный огонь съ монитора, напали на него среди бѣлаго дня... Первымъ сдѣлалъ нападеніе гардемаринъ Аренсъ, на шлюпкѣ «Мина», — но минная проволока была перебита бомбой, сама шлюпка повреждена и принуждена была тотчасъ-же отступить. Вслѣдъ за Аренсомъ, напалъ мичманъ Ниловъ на шлюпкѣ «Шутка». Но мониторъ и тутъ быстро и ловко приготовился къ защитѣ; онъ самъ спустил на всѣ стороны торпеды на длинныхъ шестахъ, угрожая взрывомъ нашей шлюпкѣ, — и въ то-же время открылъ по ней страшный огонь картечью; при этомъ мониторъ началъ такъ ловко и проворно лавировать, увертываясь во всѣ стороны, что «Шутка» никакъ не могла приблизиться къ нему на небольшое разстояніе, при чемъ мониторъ наровилъ еще движеніемъ своимъ потопить ее...

Вскорѣ все дѣло выяснилось. Оказалось, что командиръ монитора былъ не турокъ, а англичанинъ. Наши моряки ясно видѣли его во все время боя. Это былъ высокій мужчина, съ бѣлокурой бородой, расчесанной на обѣ стороны. Онъ стоялъ на палубѣ, засунувъ руки въ карманы, и отдавалъ приказанія съ величайшимъ спокойствіемъ и важностію. Но моряки наши не смутились при видѣ необыкновеннаго турецкаго командира... Брошечная «Шутка», въ теченіи почти цѣлаго часа продолжала свои попытки, сновала воевругъ монитора, выискивая удобнаго случая подойти къ нему побли-

*) 15-й конно-артиллерійской батареи подъ начальствомъ штабсъ-капитана Коломейцова.

же и подвести мину. Мониторъ также продолжалъ пытаться опрокинуть ее, избѣгая, въ тоже время, столкновенія съ нею, быстрыми и ловкими движеніями: онъ то отступалъ, то подавался впередъ, то преслѣдовалъ, то избѣгалъ своего маленькаго, но опаснаго противника — какъ слонъ, на котораго напалъ маленькій хищный звѣрекъ...

Положеніе «Шутки» было крайне трудное и опасное. Подвести мину ей никакъ не удавалось, а съ монитора продолжали стрѣлять по ней изъ пушекъ и ружей, вдобавокъ, мониторъ самъ нападалъ на нее съ торпедами... Съ нашего берега стали стрѣлять по немъ изъ пушекъ; но въ это время, какъ-то случилось, что «Шутка» попала между берегомъ и мониторомъ. Мониторъ сейчасъ-же пошелъ прямо на нее, съ намѣреніемъ раздавить ее о берегъ... Какъ нарочно, въ это самое время равенъ былъ машинистъ на «Шуткѣ», такъ что некому было пустить машину, чтобы уйти во время отъ берега; къ довершенію бѣды, теченіемъ рѣки прибило носъ «Шутки» къ самому берегу, что дѣлало всякое спасеніе невозможнымъ... Въ эту опасную минуту, мичманъ Ниловъ, какъ рассказываютъ, выпрыгнулъ на берегъ, и увидавъ турецкаго командира, важно стоявшаго на палубѣ, выстрѣлилъ въ него два раза изъ револьвера, на разстояніи не болѣе 6 сажень, но ни одинъ выстрѣлъ не попалъ въ цѣль... Командиръ, говорятъ, снялъ шляпу и поклонился — «промахнулся-дескать». Но раздался еще выстрѣлъ изъ револьвера и изъ орудій съ нашего берега, — и вѣжливый капитанъ вдругъ исчезъ съ палубы: полагаютъ, что онъ былъ убитъ или раненъ... Между тѣмъ на «Шуткѣ», уткнувшейся носомъ въ берегъ, одному изъ матросовъ удалось пустить машину въ ходъ и миноноска благополучно вышла изъ опаснаго мѣста, и, поддерживаемая артиллерійскимъ огнемъ съ нашего берега, снова принялась съ прежней отвагой нападать на турецкое судно. Тутъ, грозный мониторъ, лишившійся своего искуснаго командира, не выдержалъ, далъ задній ходъ и пустился въ бѣгство отъ нашихъ «храбрыхъ изъ храбрѣйшихъ» моряковъ, какъ назвалъ ихъ въ телеграммѣ объ этомъ дѣлѣ Великій Князь Главнокомандующій.

Какъ ни сильно былъ поврежденъ мониторъ, однако ему удалось-таки скрыться отъ нашихъ.

— «Нельзя было ничего съ нимъ подѣлать, огра-

диль себя такъ, что подойти нельзя, рассказывалъ послѣ одинъ лейтенантъ, вспоминая неудачную попытку Нилова взорвать мониторъ.

— «Какъ-же они ограждаютъ себя?» спросили лейтенанта.

— «Надѣнетъ кринолинъ, — ну съ нимъ ничего и не подѣлаешь.

— «Это еще что за кринолинъ?»

— «А онъ, видите, окружаетъ себя сѣтью изъ тонкой бичевы, которая не позволяетъ ни подойти къ монитору, ни подвести подъ него мины. Къ сѣтѣ, которая держится на известномъ разстояніи отъ монитора, посредствомъ шестовъ и поплавокъ, привѣшиваютъ еще маленькія самовзрывчатыя мины, на которыя легко можетъ нарваться миноносная шлюпка. Вотъ, Нилову и пришлось имѣть дѣло съ кринолиномъ»...

Въ какой степени, однако, искусно дѣйствовали наши моряки, видно изъ того, что потери ихъ ограничивались четырьмя или пятью убитыми, не смотря на страшный и бозостановочный огонь съ монитора изъ пушекъ и ружей. Какъ трудно было совладать съ «Шуткою», даже такому грозному противнику, какъ мониторъ съ его искуснымъ командиромъ, — это доказывается уже тѣмъ, что «Шутка», хотя и была повреждена, но незначительно. За этотъ блистательный подвигъ, мичманъ Ниловъ награжденъ былъ Георгіевскимъ крестомъ.

Бѣгству монитора много способствовалъ также мѣткій огонь изъ нашихъ орудій, выставленныхъ противъ него на румынскомъ берегу. Почти всѣ наши снаряды разрывались на палубѣ монитора; кромѣ того, была протрѣлена и погнута труба его.

Со времени этого боя, дравшійся съ «Шуткою» мониторъ, не отходилъ уже отъ Никополя, и, по примѣру другаго броненосца, стоявшаго тоже у Никополя, старался держаться поодаль отъ нашихъ береговъ. Самъ командиръ уже не показывался на немъ.

На другой день, 12 іюня, наши моряки почти безпрепятственно загородили Дунай торпедами, не много повыше Никополя. Турки обратили вниманіе на эти работы слишкомъ поздно, такъ что когда они вывели на берегъ своихъ стрѣлковъ, загражденіе было уже окончено и лодки наши благополучно удалились.

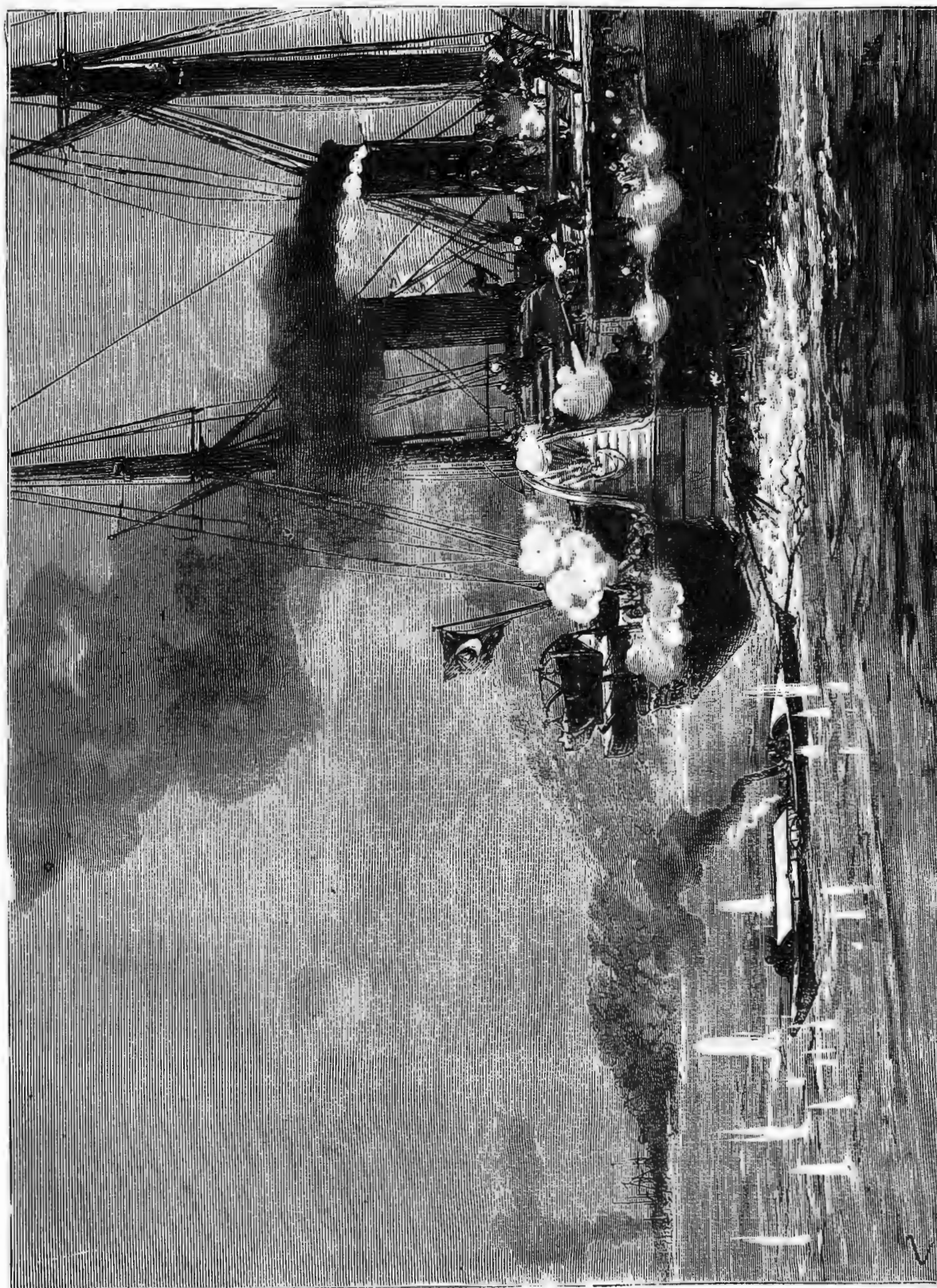
Съ тѣхъ поръ плаваніе турецкихъ судовъ по всему Среднему Дунаю, отъ Рущука до Никополя, совершенно прекратилось. Такимъ образомъ, предстоящая переправа у Зимницы была вполне обезпечена отъ всякихъ помѣхъ со стороны мониторовъ. Послѣ этого оставалось только придвинуть къ Зимницѣ войска и разныя принадлежности, для перевозки ихъ черезъ рѣку. Къ дѣйствіямъ этимъ приступлено было съ величайшею осмотрительностію; иначе, бдительный непріятель могъ догадаться о нашемъ намѣреніи и заранѣе собрать у Систова огромныя силы, съ цѣлью окончательно воспрепятствовать переправѣ. Въ виду этого, всѣ приготовленія къ ней сохранялись въ глубочайшей тайнѣ, при чемъ наши всячески старались еще заманить непріятельскія силы куда нибудь въ другое мѣсто, подалеже отъ Систова...

Тайна, которая сохранялась относительно всѣхъ распоряженій по устройству переправы — была по истинѣ удивительна. Отъ большого дѣла до малаго, отъ самыхъ важныхъ распоряженій до мелочей все содержалось въ строжайшемъ секретѣ. Существовало одно только лицо, которому известенъ былъ весь ходъ предпріятія, лицо это — былъ Главнокомандующій. Что-же касается до остальныхъ русскихъ, то даже высшее начальство ничего не знало о предстоящемъ дѣлѣ.

О томъ, что переходъ чрезъ рѣку будетъ совершенъ у Зимницы, Главнокомандующій сообщилъ только командиру 8 корпуса, генералу Радецкому, войска котораго должны были начать переправу; ему же одному объявленъ былъ и срокъ переправы, именно: — *ночь съ 14 на 15 іюня* *).

Дня за два или за три до этого, приказано было открыть съ нашихъ береговыхъ батарей безостановочную пушечную пальбу по всѣмъ турецкимъ грѣпостямъ, расположеннымъ на томъ берегу Дуная, чтобы заставить этимъ турокъ ожидать нашей переправы въ разныхъ мѣстахъ, и черезъ это отвлечь ихъ вниманіе отъ Систова и Зимницы. И вотъ, 12 іюня, часа въ 3 пополудни, грянулъ громъ орудій на берегахъ Дуная. Только противъ Никополя

*) Для первоначальной переправы назначены были: 14 пѣхотная дивизія, гвардейская сводная рота, двѣ роты пластунъ, 4 стрѣлковая бригада и 16 орудій горной артиллеріи.

Атака Скрыдловымъ турецкаго броненосца.

наши батареи пока еще молчали. Турки отвѣчали изъ остальныхъ крѣпостей своихъ страшнымъ огнемъ. Беззащитный румынскій городокъ, Журжево, расположенный противъ Рушука, вскорѣ сильно пострадалъ. На другой день оказались потери и въ людяхъ на батареяхъ; у Ольтеницы, противъ турецкой крѣпости Туртукая, былъ раненъ осколкомъ гранаты въ шею генераль-маіоръ Эрнротъ, командующій 11-й пѣхотной дивизіей. На одной журжевской батарее турецкая граната ранила, между прочими, фейерверкера, по фамилии Плохихъ и пронизала его насквозь, съ одного бока въ другой: тутъ же бѣдняга, на батареѣ, былъ и погребенъ. Канонада съ каждымъ часомъ все усиливалась и усиливалась. Жутко приходилось нашимъ солдатамъ, находившимся въ первый разъ подь сильнѣйшимъ крѣпостнымъ огнемъ. Турки, какъ видно, успѣли пристрѣляться за время двухмѣсячной стоянки русскихъ въ Румыніи. Особенно опасно было противъ Рушука, на журжевскихъ батареяхъ, гдѣ происходили, можно сказать, адскія сцены. Надъ головой визжало, шипѣло, и то и дѣло падали вокругъ снаряды; трескъ разрывающихся непріятельскихъ гранатъ мѣшался съ трескомъ нашихъ выстрѣловъ. Вотъ, шлепнула граната у самого дула орудія 5-й батареи, — опять дымъ съ трескомъ, всю батарею застлало, осколки просвистали надъ головой... «Вѣрно половины людей нѣтъ», думалось въ эту минуту каждому изъ присутствующихъ на батареѣ, — разсѣялся дымъ — все цѣло.

Во рву, между 4 и 5 батареями, спряталось человекъ десять санитаровъ. — «Что дѣлаете вы здѣсь?» спрашиваетъ ихъ мимо проходившій полковникъ. — «Раненыхъ будемъ подбирать». — «Отчего же вы нейдете на батарею?» — «Гранаты большія летать, ваше высокоблагородіе», — отвѣчаетъ старшій изъ нихъ. — «Ай стыдъ какой! что-же вы увидите, развѣ раненый къ вамъ сюда придетъ или упадетъ? А еще русскіе солдаты! Не стыдно ли вамъ?» — «Ребята, собирай носилки, идемъ на батарею, марш!» и вся ватага санитаровъ потянулась на батарею. Солдаты, вообще, скоро освоились съ огнемъ канонады, каждый, такъ сказать, принаровился, пристроился и успокоился. — «Третье!» раздается команда батарейнаго командира, и слѣдуетъ выстрѣлъ. — «Огонь!» слышится голосъ въ ту

минуту, когда на непріятельской батарее показывается круглый дымокъ: это значитъ, выстрѣлъ прямо въ ту батарею, съ которой предупреждаютъ, потому что остальнымъ дымъ видѣнъ съ боку и кажется длиннымъ. — «Голстый дымъ! ребята, не въ насъ, кричатъ солдаты. Мало по малу стали появляться на батареяхъ, такъ сказать, добровольные свидѣтели ужасовъ канонады. У 7-й батареи, въ ложементѣ, за насыпью, подь самыми выстрѣлами, застаеть офицеръ пѣхотнаго солдатика, принадлежащаго къ прикрытію, мѣсто которому позади батарей, вѣ выстрѣловъ. — «Что ты здѣсь дѣлаешь?» — спрашиваетъ офицеръ храбраго пѣхотинца. — «Смотрю, ваше благородіе, наблюдаю, ваше высокоблагородіе», предобродушно отвѣчаетъ солдатикъ, и съ живѣйшимъ любопытствомъ продолжаетъ слѣдить за полетомъ снарядовъ, не обращая никакого вниманія на опасность. «Вотъ, такъ хватила наша! разсуждаетъ онъ самъ съ собою: ой, братцы, еще разъ ей въ лобъ! Ага, въ насъ хватилъ! Нѣтъ, шалишь, шлепнула въ воду, до насъ не дошла. У-у! опять, бродяга, запустилъ, — миноваль Богъ, пролетѣлъ! Вотъ, такъ ему, двѣ разомъ влетѣли. Опять, океанный азіатъ, намъ закатилъ! Бросай больше, бродяга, въ воду, намъ не жаль... И такъ долго продолжалъ любопытный солдатикъ разсуждать самъ съ собою.

Можно предполагать, что выстрѣлы наши были довольно удачны, такъ какъ двѣ рушукскія батареи, на второй же день канонады, совершенно умолкли, а на нѣкоторыхъ другихъ выстрѣлы прекратились на значительное время.

Въ это же самое время, въ безлунную, темную ночь, на 13 іюня, тихо подошли къ Зимницѣ, съ обозомъ разныхъ принадлежностей для переправы, четыре понтонные баталіона *). Прибытіе понтонеровъ въ Зимницу сопровождалось необычайною таинственностью. Во все время ихъ движенія къ Зимницѣ, даже понтонные офицеры не знали, куда собственно идутъ они, и только тогда догадались, что къ берегу Дуная, когда очутились подлѣ самой рѣки, въ Зимницѣ... Они двигались отъ одного мѣстечка до

*) Такъ называются части войскъ, завѣдывающіе постройкою мостовъ и имѣющія при себѣ желѣзныя или нарусныя складныя лодки, называемыя понтонами.

другаго, каждый разъ по особому секретному предписанію, точно невидимая сила направляла ихъ къ мѣсту предположенной переправы. Но о томъ, что именно здѣсь будетъ переправа, они все-таки не догадывались.

Не смотря на темную ночь, въ которую прибыли понтонеры къ Зимницѣ, вдали отчетливо виднѣлась темная полоса противоположнаго систовскаго берега, отстоящаго отъ Зимницы, по прямому направленію чрезъ рѣку, версты на три. Чтобы турки не замѣтили съ своего высокаго берега прибытіе въ Зимницу обоза съ разными принадлежностями для переправы, въ ту же ночь было приступлено къ постановкѣ фуръ за деревья, дома и заборы. Къ утру все было окончено. День прошелъ спокойно. Вечеромъ обозъ съ понтонами и паромами тихо передвинуть былъ чрезъ городъ, ближе къ берегу... Наступила пасмурная дождливая ночь на 14 іюня. Этими временемъ наведены были два мостика чрезъ небольшіе потоки на луговомъ зимницкомъ берегу, чтобы установить безпрепятственный путь къ главному руслу Дуная...

Не смотря на всѣ эти приготовленія, многіе изъ понтонеровъ все еще не знали, будетъ ли тутъ переправа настоящая, или только фальшивая, тѣмъ болѣе, что кромѣ понтоновъ, здѣсь не видно было никакого плавучаго матеріала—ни для перевозки войскъ, ни для наводки моста. Къ тому же, у самой Зимницы, стояло мало войскъ; одни только полки 14 дивизіи, да и тѣ только что пришли сюда, по особому, совершенно неожиданному для нихъ приказанію...

Между тѣмъ, вотъ что происходило въ это время верстъ за 40 выше Зимницы, противъ турецкой крѣпости, Никополя. Утромъ, 14-го іюня, Государь Императоръ выѣхалъ въ румынскій городокъ, Излу. Въ полдень того-же дня Государь Императоръ и его свита расположились въ окрестностяхъ Излы, на высокомъ курганѣ, и отсюда приказано было открыть огонь по Никополю съ восемнадцати батарей, возведенныхъ вдоль нашего берега. Тутъ же, нарочно на виду непріятеля, размѣщено было нѣсколько тысячъ нашего войска.

Наступила ночь и Никополь загорѣлся со всѣхъ концовъ. Пожаръ все усиливался и усиливался, а батареи наши продолжали стрѣлять по Никополю.

Турки, думая, что наконецъ настало время переправы, приготовились дать отпоръ... При заревѣ Никопольскаго пожара, можно было отчетливо видѣть, какъ двигались на турецкомъ берегу непріятельскія войска и послѣдно занимали позиціи подлѣ Никополя. Но, пока они ждали здѣсь нашей переправы и готовились воспрепятствовать ей, русскіе, тою же ночью, на самомъ дѣлѣ уже переплывали Дунай,—только верстахъ въ 40 ниже Никополя, у Зимницы... Курганъ, съ котораго Государь Императоръ наблюдалъ за бомбардированіемъ Никополя, соединенъ былъ съ Зимницею телеграфомъ, который каждую минуту приносилъ извѣстіе о томъ, что происходитъ на мѣстѣ настоящей переправы... Вотъ что происходило въ это время, подлѣ Зимницы:

Въ ночь, съ 14 на 15 іюня, войска, предназначенныя для переправы, со всѣми принадлежностями для нея — съ понтонами, орудіями и снарядами собрались подъ главнымъ начальствомъ генерала Драгомирова, у Зимницы, на луговомъ берегу Дуная, въ совершенной тишинѣ и безмолвіи... Даже артиллерія подошла безъ шума: орудія были такъ прилажены, что не звякнула ни одна цѣпь.

Передъ этимъ, днемъ, войскамъ 14-й дивизіи—Минскому полку, Волынскому, Житомирскому и Подольскому, назначеннымъ для начатія переправы, прочитанъ былъ приказъ генерала Драгомирова, въ которомъ напоминались извѣстные военныя правила, хорошо знакомыя русскому солдату еще со временъ знаменитаго Суворова.

Часовъ въ 10½ ночи, понтонеры начали осторожно спускать всѣ лодки въ главное русло Дуная, прячась за лѣсистымъ островомъ, лежащимъ неподалеку отъ берега. Лодки соединены были по двѣ и по три вмѣстѣ, точно такъ же, какъ и паромы для перевозки пушекъ и лошадей. Всѣ, собравшіеся тутъ понтоны, исключая паромовъ, могли за одинъ разъ забрать на себя 2,500 человекъ.

Около мѣста посадки, на нашемъ берегу, были выставлены большія орудія для защиты переправы; такія же орудія выставлены были, на всякій случай, и версты на двѣ ниже отъ мѣста посадки, за небольшимъ лѣскомъ.

Стоять-ли турки въ эту минуту на томъ берегу и въ какомъ числѣ — объ этомъ никто ничего не

зналъ, даже приблизительно. По крайней мѣрѣ днемъ не видно было на Систовскомъ берегу ни одного турецкаго солдата. Было однако извѣстно, что ниже Систова, верстахъ въ 7 отъ него, стоялъ небольшой турецкій лагерь, который скрывался отъ насъ изгибомъ высокаго берега. Кромѣ того, еще раньше замѣтна была одна батарея на турецкомъ берегу, подлѣ самаго Систова, но дула пушекъ въ этой батарее были обращены совсѣмъ не въ ту сторону, гдѣ готовилась наша переправа... Непрiятель, повидимому, ничего не подозрѣвалъ о приготовленiяхъ на Зимницкомъ берегу.

Во время спуска понтоновъ и сборки ихъ—луна хорошо свѣтила; но турки все-таки не могли замѣтить насъ, такъ какъ на нашъ низменный берегъ падала густая тѣнь отъ смежныхъ холмовъ и деревьевъ. Въ это время въ Систовѣ мелькало много огней и по водѣ слышна была, довольно хорошо, турецкая военная музыка. Вскорѣ, съ превращенiемъ музыки, всѣ огни въ Систовѣ вдругъ, одинъ за другимъ, исчезли, какъ будто турки догадались о нашемъ намѣренiи.

Не смотря на большое скопленiе лодокъ и людей, на нашемъ берегу все было по прежнему тихо. Работа шла превосходно. Никто не кричалъ, не шумѣлъ, не стучалъ, и только мѣстами слышался шопотъ...

Въ 11¹/₂ часовъ ночи, лодки стояли уже вдоль берега рядкомъ, одна за другою, противъ того мѣста, гдѣ ихъ ожидали, приготовившiяся для переправы войска.

На высокомъ турецкомъ берегу, продолжалъ господствовать непроницаемый мракъ и глубокая тишина...

Посадкою людей на лодки нѣсколько медлили, въ ожиданiи двухъ часовъ ночи, чтобы дать время туркамъ хорошенько заснуть...

Въ 12¹/₂ часовъ ночи, люди стали усаживаться въ лодки. Въ переднiя лодки сѣли пластуны, въ своихъ истасканныхъ, заплатанныхъ черкесахъ, съ мѣшечками за плечами, съ ружьями и кинжалами... За ними размѣстились по лодкамъ одиннадцать ротъ Волинцевъ и, наконецъ, на понтонахъ и пармахъ помѣстились—полсотня донскихъ казаковъ и вторая горная батарея. Около половины втораго часа ночи, всѣ лодки, по тихому приказанiю, отчалили въ

одно время отъ берега и, подъ командою командира бригады, генералъ-маiора Голишина, направились съ первою партией войскъ на турецкую сторону.

Систовскiй берегъ, какъ уже было сказано, высокъ и гористъ, и почти совсѣмъ неудобенъ для высадки войска. Только къ востоку отъ Систова, нѣсколько пониже его, турецкiй берегъ перерѣзывается впадиною или ложиною, по которой протекаетъ въ Дунай ручей; тутъ же, въ лоцинѣ, на ручьѣ, саженьяхъ въ 200 отъ Дуная, стоитъ водяная мельница. Къ этой-то лоцинѣ съ мельницею, какъ къ мѣсту наиболѣе удобному для высадки и направились наши войска, держась влѣво отъ мѣста посадки.

Луна въ это время начала заволакиваться густыми тучами. Наступила темнота, почти совсѣмъ скрывшая изъ вида мрачную полосу Систовскаго берега. Поднялся вѣтеръ, отъ котораго волненiе въ рѣкѣ усилилось; слышался шумъ и плескъ волнъ, разбивавшихся о борты плывущихъ лодокъ... На турецкомъ берегу по прежнему царила гробовая тишина и непроницаемая темнота...

Поразительное зрѣлище представляли въ это время массы лодокъ, съ вооруженными людьми, прокрадывающiяся во мракѣ по Дунаю.

Казалось, все благопрiятствовало нашему предпрiятию, исключая волненiя на рѣкѣ, которое могло затруднить движенiе небольшихъ и сильно нагруженныхъ понтоновъ. Вначалѣ лодки шли было въ строгомъ порядкѣ, рядомъ, одна за другою; но потомъ, вслѣдствiе быстро наступившей темноты и усилившагося волненiя, войска начали мало по малу терять другъ друга изъ виду, и вскорѣ лодки перемѣшались; каждая поплыла уже сама по себѣ, отыскивая кратчайшее разстоянiе въ предположенному мѣсту высадки. Нѣкоторыя лодки натолкнулись было на отмели, близъ большаго острова, расположеннаго по самой срединѣ рѣки. Но это нисколько не затруднило пловцевъ: понтонеры и моряки быстро соскочили въ воду и тотчасъ же, оттолкнувъ руками лодки, продолжали начатый путь. Миновавъ островъ, вся сильно разсѣявшаяся флотилiя находилась уже на турецкой половинѣ Дуная, въ виду мрачнаго и обрывистаго берега...

Между тѣмъ волненiе на рѣкѣ отъ крѣпкаго низоваго вѣтра усилилось до того, что поневолѣ на-

чало отвлекать вниманіе всѣхъ отъ турецкаго берега. Моряки и понтонеры напрягали всѣ свои силы, чтобы поддержать правильный и безостановочный ходъ лодокъ, и обезопасить ихъ отъ набѣгающихъ отовсюду волнъ. Молодые солдаты, совсѣмъ непривычные къ водѣ, начали беспокоиться, и при всякой сильной качкѣ, крестясь, читали молитвы.. «Уфъ, только не дайте намъ потонуть, ваше благородіе», — говорили они шепотомъ своимъ офицерамъ, когда волненіе немного утихло — «подъ турками-то умереть не досадно».

Плыть въ первый разъ по большой бурной рѣкѣ, среди ночной тишины и мрака, ежеминутно ожидать при этомъ губительныхъ выстрѣловъ на встрѣчу, и имѣть впереди еще болѣе грозное, неизвѣстное будущее, — все это не могло не подѣйствовать даже на самыхъ закаленныхъ солдатъ, и невольно наводило на всѣхъ глубокое раздумье.. Иному, можетъ быть, вспоминалась далекая, побитая родина, заботливая старушка-мать, привѣтливый отецъ-старикъ, молодая жена съ ребенкомъ... Другому, быть можетъ, невольно мерещился тамъ, впереди, на мрачномъ Систовскомъ берегу — черный турокъ, въ красной шапкѣ, съ ружьемъ и ятаганомъ... Гдѣ то, кому придется, сложить свою головушку: въ холодныхъ ли волнахъ Дуная, или въ молодецкомъ бою съ турками!

На всѣхъ лодкахъ царило гробовое молчаніе, прерываемое только тихими переговорами понтонеровъ. Ужъ по лицамъ солдатъ видно было, въ какую они погружены были глубокую думу..

Всѣ понимали необыкновенную важность и серьезность предпринятаго дѣла: два мѣсяца ждали войска переправы чрезъ великую рѣку; два мѣсяца сторали нетерпѣніемъ сразиться съ непріателемъ, укрывшимся за этою рѣкою, — и вотъ теперь войска эти плывутъ на ту сторону, къ непріятельскому берегу: какъ то встрѣтить ихъ исконный врагъ Россіи? Успѣшно-ли окончится столь важное и такъ давно ожидаемое предпріятіе? Съ удачною высадкою на турецкой сторонѣ, должна была собственно начаться кампанія: безъ этого невозможно было исполненіе и того великаго дѣла, на защиту котораго выступили наши войска — освобожденіе отъ турецкаго произвола задунайскихъ славянъ. Всѣмъ также извѣстно было, что этой переправы съ нетерпѣ-

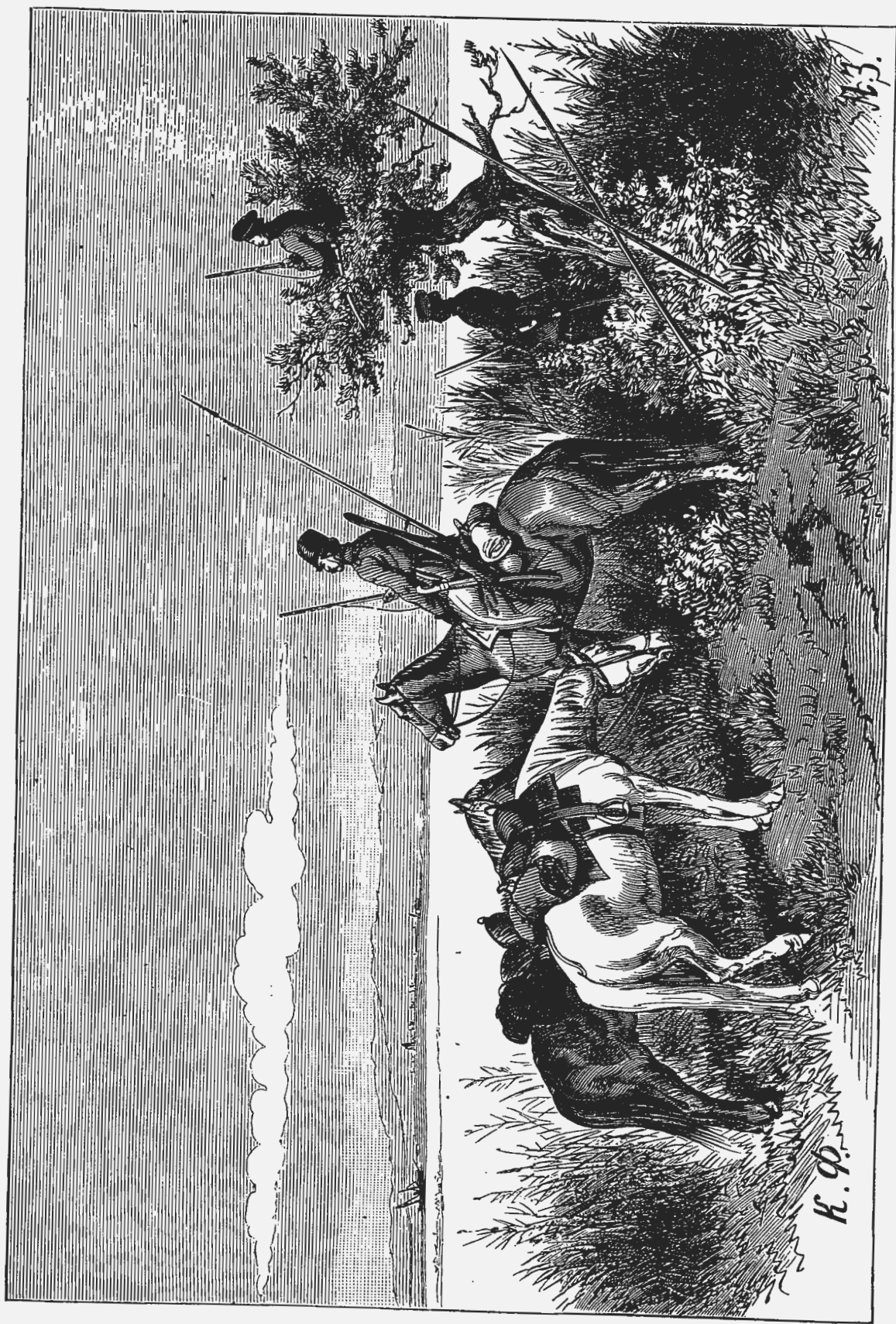
ніемъ ждетъ вся Россія; нужно, стало быть, поддержать честь молодаго войска и старую боевую славу русскаго оружія! — И вотъ, солдаты наши съ нетерпѣніемъ посматриваютъ впередъ на мрачную, плохо видимую впереди, полосу турецкаго берега.. Вотъ-вотъ мелькнетъ тамъ огонекъ перваго непріятельскаго выстрѣла.. вотъ-вотъ раздастся убійственный залпъ. Всѣмъ хотѣлось поскорѣе высадиться на берегъ.

До берега оставалось еще съ полверсты. Съ приближеніемъ къ нему, солдаты оживились. Послышались разговоры шепотомъ. Мало по малу, каждый невольно задался вопросомъ: какъ же, въ самомъ дѣлѣ, встрѣтятъ насъ турки? Звязались даже споры насчетъ этого. Одни говорили, что по насъ будутъ даны сильные залпы подъ самымъ берегомъ; другіе же предполагали, что турки, спрятавшись, встрѣтятъ насъ на берегу штыками, такъ какъ стрѣлять въ темнотѣ трудно; а нѣкоторые утверждали, что турки здѣсь совсѣмъ не ожидаютъ насъ. Разговоръ постепенно развеселилъ людей до того, что они стали говорить разныя шутки насчетъ турокъ..

Нѣтъ на свѣтѣ добродушнѣе и въ то же время смѣлѣе русскаго солдата! Тутъ — близко, впереди — неизвѣстный берегъ, занятый непріателемъ, можетъ быть уже приготовляющимся послать ему на встрѣчу пулю или гранату, а солдатъ въ это время шутить и смѣется надъ своимъ врагомъ, и съ беззавѣтною удалью идетъ на встрѣчу, можетъ быть, грознаго, близкаго будущаго..

Тихо разговаривая, и подшучивая, подплыли наши войска къ турецкому берегу. Переднія лодки были уже въ 50 саженьяхъ отъ берега. Вдругъ, вправо отъ нихъ, въ полуверстѣ выше лоцины, мелькнулъ огонекъ перваго ружейнаго выстрѣла.. «Наконецъ-то, послышалось нѣсколько голосовъ разомъ: только братъ немного позднеенько!» и всѣ повернули головы въ сторону выстрѣла, чтобы собственными глазами убѣдиться въ открытіи турками огня. Чрезъ нѣсколько секундъ вновь раздался выстрѣлъ на томъ же мѣстѣ; затѣмъ, появились рѣдкіе огоньки по ту и по другую сторону лоцины.

Солдаты вздохнули свободнѣе; у всѣхъ какъ гора свалилась съ плечъ: теперь для всякаго было ясно, что турки здѣсь не ожидали насъ и что первая

Казачій пикетъ на Дунаѣ.

партия наша высадится подь огнемъ только турецкихъ караульныхъ. Всѣ солдаты оживились; гребцы напрягли отстатки послѣднихъ силъ, чтобы скорѣе добраться до берега.

Первыми высадились пластуны. Тихо и безъ всякихъ потерь выйдя на отлогій берегъ лощины, они бросились на турецкій караулъ врасплохъ, и, какъ говорятъ, застали нѣкоторыхъ часовыхъ еще въ постели, спящими... всѣ турки были уничтожены.

Между тѣмъ огонь турокъ постепенно усиливался; все чаще и чаще раздавалось въ ушахъ еще ильвшихъ солдатиковъ несносное визжаніе пуль. По гребню высокаго обрыва замелькало множество огоньковъ... При слабомъ свѣтѣ луны, изрѣдка выглядывавшей изъ за густыхъ облаковъ, были видны на верху обрыва черныя фигуры перебѣгающихъ, одиночкою и кучками, турецкихъ стрѣлковъ...

Въ это время, версты на три ниже лощины, влѣво отъ нея, на высокомъ береговомъ холмѣ запылалъ огромный костеръ: этимъ турки давали знать объ опасности въ свой лагерь, расположенный за береговой возвышенностью, гдѣ стояло нѣсколько батальоновъ регулярнаго турецкаго войска—низамъ.

Остальныя наши лодки продолжали приставать къ берегу. Послѣднимъ отрядамъ пришлось высаживаться подь болѣе частымъ огнемъ, хотя и ихъ потеря, во время плаванія, ограничивалась лишь немногими легко ранеными, чему много благопріятствовала ночная темнота. Что дальше происходило, объ этомъ послушаемъ рассказовъ очевидцевъ.

«Наконецъ, мы подѣхали къ берегу—рассказываетъ одинъ офицеръ Волынскаго полка—и насъ осыпали градомъ пуль. Не смотря на это, мы мигомъ выскочили на берегъ и бѣгомъ бросились по лощинѣ предъ турецкою позиціей на горѣ, откуда въ насъ стрѣляли, какъ въ дичь. Намъ оставалось одно: или погибнуть отъ пуль, или броситься въ атаку на гору, занятую турками; и вотъ, мы съ 1-й стрѣлковой ротой Волынскаго полка, бросились на гору въ штыки. Турки не выдержали напора и побѣжали, но въ это время одна турецкая рота бросилась на насъ съ тыла... Въ этотъ моментъ всѣ перемѣшались: и турки, и наши; пошла работа штыками... Рѣзня продолжалась недолго,—турки не устояли противъ русскихъ штыковъ! Они побѣжали, а мы заняли гору, которая намъ такъ дорого до-

сталась. Изъ пяти офицеровъ осталось насъ только двое; нижнихъ чиновъ—половина; остальные или ранены, или убиты»...

Къ тому же времени, относится печальный эпизодъ съ командиромъ 2-й стрѣлковой роты Волынскаго полка, капитаномъ Бряновымъ.

Рота Волынскаго полка, шедшая подь начальствомъ Брянова, также на штурмъ другой покато-сти въ лощинѣ, въ штыки на непріятеля, въ одномъ мѣстѣ совсѣмъ было остановилась предъ сильнѣйшимъ огнемъ турецкихъ стрѣлковъ, засѣвшихъ на близкомъ разстояніи. Брянову показалось, что рота его дрогнула,—и онъ рѣшился пожертвовать собою; съ крикомъ: «ребята впередъ, за мной!» Бряновъ бросился въ толпу турокъ и тѣ приняли его на штыки. Пока подоспѣли солдаты на выручку своего начальника, турки перебрасывали Брянова буквально со штыка на штыкъ... Онъ получилъ девять ранъ, и восемь изъ нихъ не были смертельны, но девятая, чрезъ два дня свела героя въ могилу... «Не вдругъ за мной подоспѣли,—говорилъ раненый Бряновъ о своихъ солдатахъ,—и вотъ, меня и приняли на штыки... Потомъ-то они, мои голубчики, ужъ заступились за своего капитана... дали себя знать туркамъ»...

Великій Князь, Главнокомандующій, желая лично наградить Брянова, уже не засталъ его въ живыхъ.. Увидавъ бездыханный трупъ героя, Великій Князь поцаловалъ его и положилъ Георгіевскій крестъ на грудь славному бойцу, уснушему вѣчнымъ сномъ.

Нѣсколько правѣ лощины, высадился на берегъ генералъ Юлшинъ, съ остальными частями Волынскаго полка. Генералъ Юлшинъ, достигнувъ съ своими людьми берега, тотчасъ-же приказалъ имъ лечь на землю; по мѣрѣ прибытія къ берегу, стрѣлки ложились на землю и открывали разсыпной огонь по непріятелю, чтобы защищать прибывающія лодки. Наконецъ, собрались достаточныя силы, и Юлшинъ велѣлъ своимъ людямъ надѣть штыки и идти впередъ, за своими офицерами; раздалось громкое, восторженное «ура», покрывшее самый залпъ турокъ, которые съ яростью отвѣчали на эти побѣдные крики... Непрiятельскія пули начали непрерывно хлестать по ивовымъ прутьямъ, а наши стрѣлки продолжаютъ безстрашно подвигаться впередъ и впередъ,—и лишь только почували турки близость рус-

скихъ штыковъ—не выдержали и отошли за по-
выя прикрытія...

Закончимъ разсказъ, о высадкѣ на турецкомъ
берегу, первой партіи нашихъ войскъ, любопытнымъ
письмомъ одного солдата, высадившагося также нѣ-
сколько выше ложины, ближе къ Систову, и бывша-
го участникомъ всего славнаго Систовскаго боя.

«Мы плыли на первыхъ баркасахъ, пишетъ сол-
даты, и насъ
съ берега
еще не за-
примѣтили.
Когда мы
уже высади-
лись, то на
горѣ, а бе-
регъ идетъ
въ гору и по-
крытъ ви-
ноградни-
комъ, пока-
зались тур-
ки. Насъ
они не за-
мѣтили, и
приняли
подъѣзжа-
ющіе за на-
ми баркасы
за первые,
но еще они
едва вид-
нѣлись въ
темнотѣ.
Офицеръ
скомандо-
валъ намъ
присѣсть, и
мы присѣли

по колѣна въ грязь. Потомъ, берегъ поднимался
круто, аршина на четыре. Вотъ баркасы подплыва-
ютъ ближе и ближе; мы слышимъ взводимые курки
турокъ; они прицѣливаются въ подплывающихъ...
Тогда мы, какъ черти, изъ грязи выскакиваемъ и
стрѣляемъ... Турки ошалѣли, не понимая, откуда
это явились враги у нихъ подъ ногами и, разу-

мѣется, имъ уже не до прицѣла, да и взбаламути-
лись, куда стрѣлять: одни въ направленіи по намъ,
другіе—въ баркасы.

«Мы, между тѣмъ, подсаживая другъ друга и
хватаясь за ружье, влѣзали, карабкались на пер-
вый уступъ отъ воды, потомъ, ползли стрѣляя, а
иногда и штыкомъ приходилось работать. Такъ мы
взобрались на верхъ. Между тѣмъ, въ сторонѣ отъ

нихъ, тащи-
ли уже ору-
діе, и оно
какъ разъ
пригоди-
лось. На го-
рѣ, на насъ
построился,
примѣрно,
баталіонъ и
начало до-
ходить до
штыковъ,
какъ вдругъ
загрохота-
ла пушка въ
самую гу-
стую часть..
Послѣ вто-
раго выстрѣ-
ла, уже
вся ихъ пѣ-
хота смѣша-
лась и мы
пошли на
«ура».

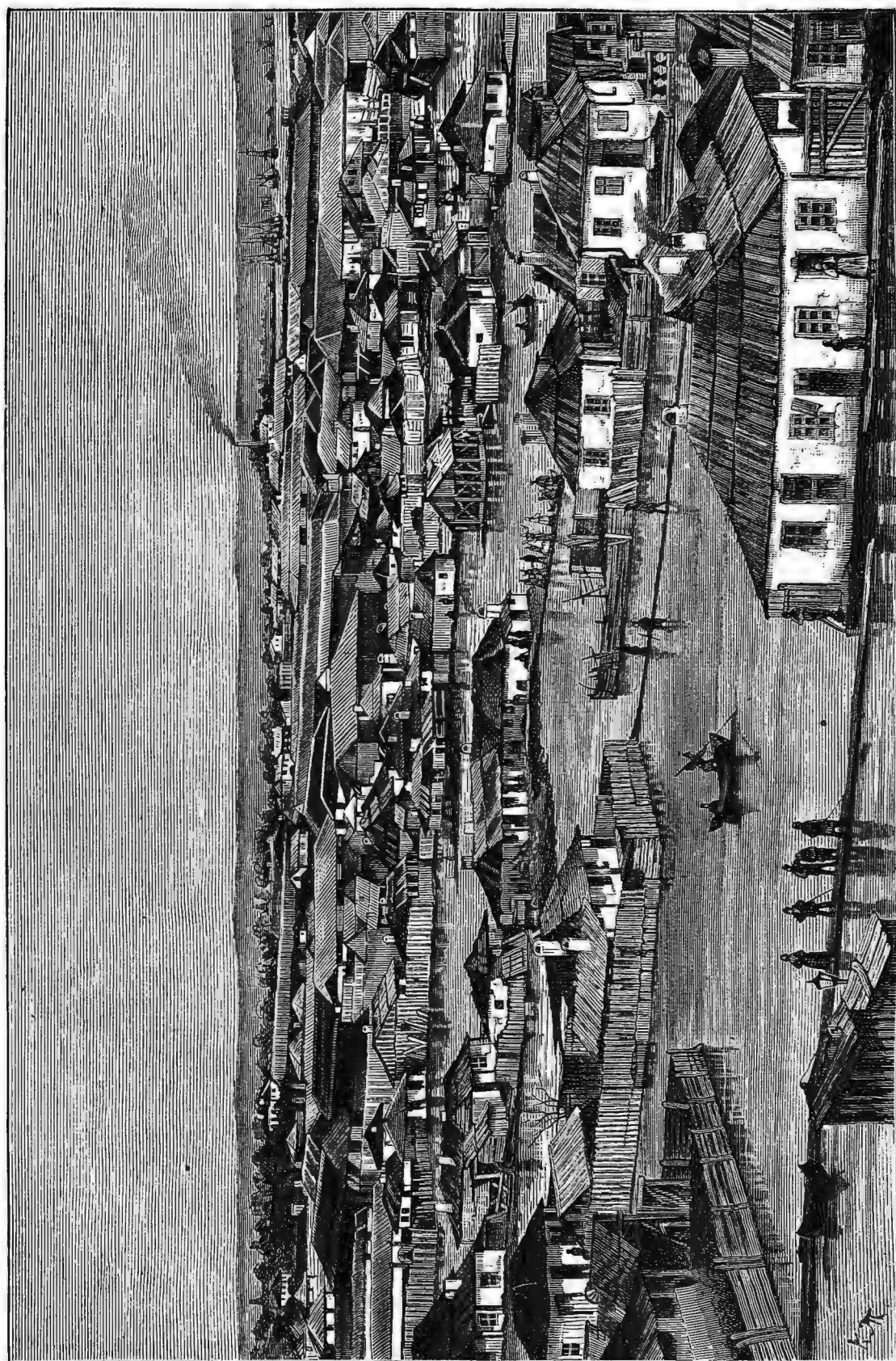
«Вошла
насъ все-
таки не-
большая си-
ла, и когда

выбрались на ровное мѣсто, появилась ихъ кон-
ница. «Ну — скомандовали намъ — въ каре,
братцы; держаться плотно, плечо къ плечу, на
убитыхъ не смотрѣть и сейчасъ же смыкать
ряды». Разъ пять насканивала на насъ конница,
но мы держались и передъ нами сдѣлалась гряда
изъ павшихъ лошадей... Такъ и отступили тур-

Генераль-Маіоръ Іолишинъ.

Видъ Галаца.

ви. Тутъ подошли наши еще и еще, и конница ихъ ушла.

«Скажу къ слову, что штыкомъ они хорошо дѣйствуютъ, только наши *отбиваютъ* не въ примѣръ лучше»...

Вскорѣ, вся первая партія нашихъ солдатъ, въ числѣ около 2,000 человекъ, высадились на турецкой сторонѣ, въ виду густой цѣпи неприятельскихъ стрѣлковъ. Занявъ часть гребня обрыва, по правую сторону лощины, солдаты наши уже не отступали съ занятой позиціи ни на шагъ. Замѣчательны были при этомъ ихъ единодушіе и сообразительность. Высаживаясь на различныхъ мѣстахъ берега и въ различное время, первые наши батальоны, роты и даже взводы, при ночной темнотѣ и страшныхъ залпахъ неприятеля, разумѣется, перепутались и перемѣшались между собою такъ, что вновь прибывшіе приставали уже къ первымъ попавшимся кучкамъ, — и такими-то частями, руководимыми часто случайными начальниками, солдаты наши выдержали первый славный бой. Утвердившись на прибрежномъ обрывѣ, каждое такое товарищество зорко слѣдило за тѣмъ, что дѣлается у сосѣдей, и какъ только сосѣди эти подвигались впередъ или угрожалъ имъ неприятель, немедленно слѣдовала имъ помощь, или производилось движеніе, въ связи съ движеніемъ сосѣдей, — какъ будто всѣми этими кучками солдатъ руководила одна воля, одинъ человекъ, чего на самомъ дѣлѣ, при ночной темнотѣ и постоянныхъ схваткахъ съ неприятелемъ, разумѣется, не могло быть, тѣмъ болѣе, что никакихъ сигналовъ не подавалось.

Оставалось немедленно подать помощь высадившимся храбрецамъ. Нечего и говорить, съ какой поспѣшностью и усердіемъ гребли повтонеры и моряки назадъ, чтобы скорѣе переправить вторую и слѣдующія партіи. Не смотря на сильную усталость, гребцы не прерывали своей работы. Имъ было легко на душѣ, какъ бываетъ у людей, добросовѣстно и удачно исполнившихъ важное и опасное предпріятіе. Они весело разговаривали о только-что случившемся, отпускали разныя шутки и прибаутки на счетъ заспавшихся турокъ и ружейныхъ пуль, попадавшихъ по временамъ къ нимъ въ лодки и даже въ весла...

Было уже около четырехъ часовъ утра. Надъ

рѣкою стоялъ слабый туманный разсвѣтъ. Обратная флотилія наша достигла уже середины рѣки и была почти въ ружейныхъ выстрѣловъ турокъ, — какъ вдругъ, на высокой турецкой батарее, возведенной у Систова, появился бѣлый дымокъ первого пушечнаго выстрѣла, положившаго гранату въ воду, какъ разъ между лодками. Сію же минуту наши, заранѣе выставленные на Зимницкомъ берегу, орудія открыли частый огонь по Систовской батарее для возможно быстрого сбитія турецкихъ пушекъ. Съ этой минуты началась непрерывная, немолчающая артиллерійская пальба съ обѣихъ сторонъ. Неожиданныя неприятельскія гранаты, падавшія подлѣ возвращавшихся лодокъ, заставляли утомленныхъ гребцовъ работать еще усерднѣе. Встрѣтивъ на пути только что отвалившіе отъ нашего берега, длинные паромы съ горными орудіями, наши лодки, послѣ почти 2-хъ часового непрерывнаго плаванія, начали, наконецъ, приставать одна за другой къ новому мѣсту посадки, которое находилось версты на полторы ниже прежняго. До крайности утомленные гребцы быстро смѣнились новыми, и послѣдніе тотчасъ же отчалили отъ берега, принявъ на лодки минцевъ и отрядъ гвардейцевъ, набранный изъ лучшихъ солдатъ гвардіи.

Какъ уже упомянуто было, впереди всѣхъ лодокъ плыли на этотъ разъ девять паромовъ съ горными орудіями. На нихъ-то и направило свои мѣткіе выстрѣлы турецкое орудіе. Гранаты вскорѣ начали падать подлѣ самыхъ паромовъ. Лишь только покажется слабовидимый въ туманное утро дымокъ съ высокаго систовскаго обрыва, или слышится въ воздухѣ пронзительный свистъ снаряда, вниманіе всѣхъ тотчасъ же обращалось на ближайшую поверхность воды, на которой ясно обнаруживалось паденіе каждой гранаты. Но, какимъ-то чудомъ, эти губительные снаряды въ скачкѣ своей долго не задѣвали грузныхъ и медленно двигавшихся паромовъ.

Въ началѣ пятого часа, когда паромы были уже въ 100 саженьяхъ отъ турецкаго берега, одна граната упала подлѣ самаго борта передняго парома. Неизвѣстно, поврежденъ ли онъ былъ осколкомъ этой гранаты, или пробила его ружейная пуля, только чрезъ нѣсколько минутъ паромъ съ трескомъ наклонился на одну сторону, и затѣмъ началъ быст-

ро тонуть... На немъ были лошади, двѣ пушки, артиллеристы, командиръ батареи подполковникъ Стрѣльбицкій, штабсъ-капитанъ Кобіевъ, подпоручикъ гвардейской артиллеріи, Тюрбертъ и понтонный офицеръ съ 20-ю гребцами. Понтонный офицеръ предложилъ, говорятъ, сбросить зарядные ящики, а лошадей столкнуть въ воду; но командиръ на это не согласился. Паромъ скоро пошелъ ко дну, оставивъ поверхъ воды кучку тонущихъ и борющихся съ волнами людей и животныхъ... Съ турецкаго берега раздались крики ликования и на мѣсто гибели парома посыпался градъ непріятельскихъ пуль. Къ счастью, куда вѣвремя подосѣла лодка съ казаками-уральцами. Не успѣвая спасти несчастныхъ, съ помощью веревокъ и спасительныхъ круговъ, отважные уральцы, подъ градомъ пуль, сами бросились въ воду и успѣли спасти 23 человекъ, въ томъ числѣ и понтоннаго офицера. Мимо-шедшему парому также удалось захватить одного изъ далеко отнесенныхъ волнами—понтонеровъ. Остальные же люди съ затонувшаго парома, въ томъ числѣ подполковникъ Стрѣльбицкій, штабсъ-капитанъ Кобіевъ и подпоручикъ Тюрбертъ, съ двумя орудіями и лошадьми, погибли... Это была первая наша жертва Дунаю.

Еще болѣе печальная участь постигла вскорѣ тѣ изъ нашихъ лодокъ, которыя плыли слѣдомъ за паромами. Не желая подвергаться одинаковой участи съ паромами, нѣкоторыя изъ этихъ лодокъ, сторонясь отъ падающихъ турецкихъ гранатъ сошли съ опаснаго мѣста, нѣсколько ниже по теченію, чтобы пристать потомъ къ обрыву турецкаго берега, влѣво отъ лощины. Всѣ надѣялись избѣгнуть этимъ турецкихъ гранатъ, а о пуляхъ мало заботились, тѣмъ болѣе, что влѣво отъ лощины, на обрывистомъ турецкомъ берегу, совсѣмъ не было замѣтно ружейныхъ выстрѣловъ. Но расчеты эти, къ несчастію, далеко не оправдались. Оказалось, что прибывшіе къ берегу, по сигнальному пламени турокъ, войска изъ турецкаго лагеря, успѣли безпрепятственно занять вершину обрыва, что пониже лощины, вблизи отъ нашего уже высаженнаго отряда. Легко прикрываясь отъ нашихъ стрѣльбовъ темнотою ночи и неровностями почвы, турки залегли на самомъ гребнѣ обрыва и открыли оттуда по приближающимся къ нимъ лодкамъ убійствен-

ный ружейный огонь, По мѣрѣ приближенія нашихъ къ обрыву, выстрѣлы съ него все усиливались и усиливались, и наконецъ обратились въ частые и густые залпы...

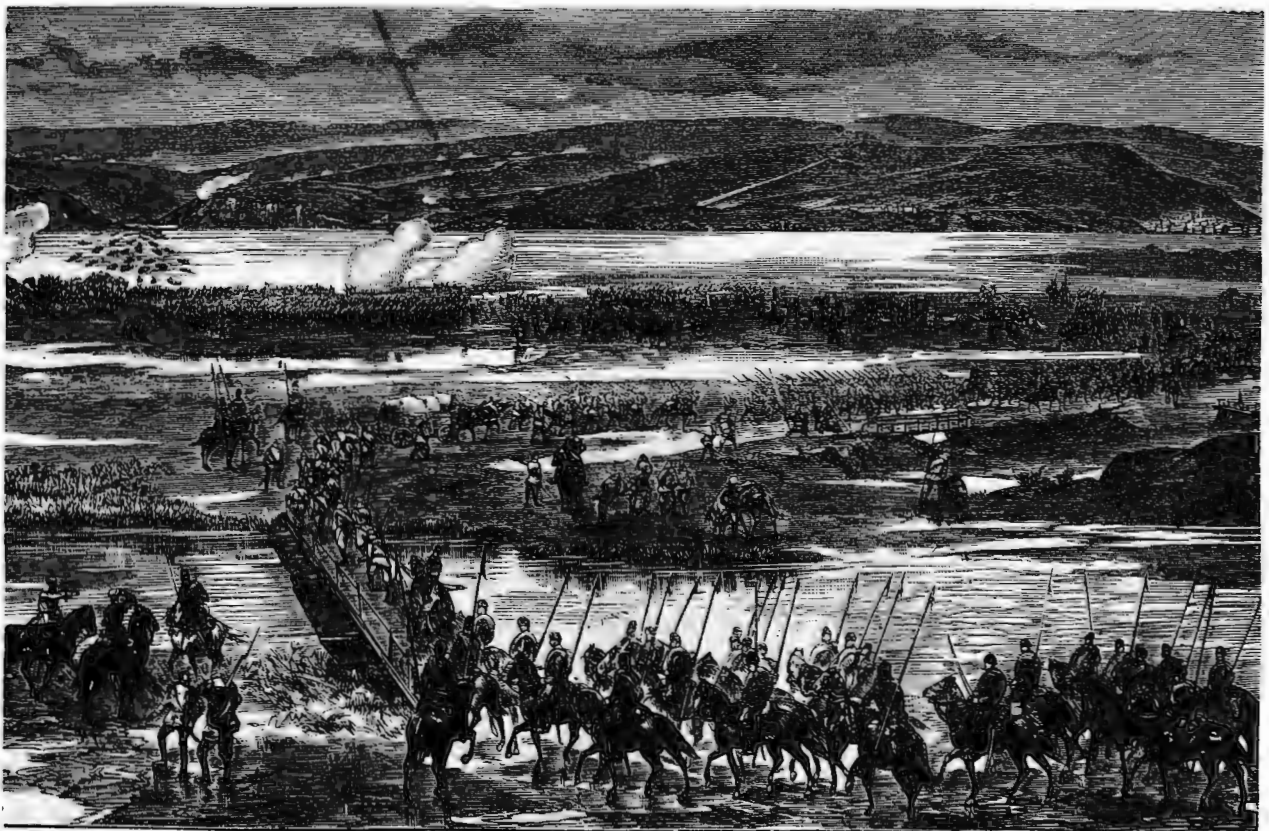
Направившіяся сюда лодки только теперь поняли страшную опасность, какая угрожала имъ; положеніе ихъ было дѣйствительно безвыходное! Двигаться впередъ—значило медленно идти на убійственные залпы; плыть назадъ—значило пускаться въ дальній путь, тоже подъ несмолкаемымъ огнемъ и, въ концѣ-концовъ, совсѣмъ отказаться отъ высадки... Что было дѣлать? Не смотря на явную смерть, ждавшую ихъ впереди, солдаты наши, плывшіе въ переднихъ лодкахъ, съ отчаяннымъ мужествомъ рѣшились двинуться впередъ къ обрыву турецкаго берега...

Настали для нихъ ужасныя, тяжелыя минуты, какихъ переправляющіеся еще не испытывали до этого и какія, къ счастью, больше уже не повторялись послѣ...

Медленно, одинъ за другимъ гибли герои подъ страшными непріятельскими залпами, и всетаки, безостановочно упорно продолжали, безъ выстрѣла, подвигаться впередъ! Вотъ плыветъ лодка, плотно нагруженная людьми, тѣсно прижавшимися другъ къ другу; штыки торчатъ изъ этой кучки людей, какъ петина; весла гребцовъ работаютъ мѣрно и дружно; одинъ солдатикъ прицѣливается, въ темнотѣ, въ обрывъ... «Чего стрѣляешь? толкаетъ его кто-то сзади, въ спину,—не приказано! турки заприжмѣтатъ»... Солдатикъ опускаетъ ружье. А на встрѣчу такъ и свистятъ, такъ и жужжатъ непріятельскія пули, — и вотъ, одно ружье на нашей лодкѣ тихо склонилось... за нимъ—другое, третье, сразу нѣсколько штыковъ какъ-то опустились... весла, одно за другимъ, также перестаютъ дѣйствовать; одно только продолжаетъ еще торопливо и усиленно дѣлать взмахи, но вотъ, и оно опустилось повиснувъ безъ движенія, — и лодка, нагруженная мертвыми, изрѣшенная пулями и не управляемая уже никѣмъ, какъ гробъ пошла внизъ по теченію, пока окончательно не похоронитъ ее, подъ своими волнами, широкій Дунай.. Вотъ другой понтонъ, нагруженный также плотною кучкою солдатъ, близко подошелъ уже къ берегу; но убійственные залпы съ обрыва моментально перебиваютъ однихъ, ра-

Спразленіе на поискъ.

Переправа чрезъ Дунай. у Смильцы съ 14 по 16 юня 1877 года.

вать других и изрѣчиваютъ самую лодку. Только на минутку заколыхалась кучка уцѣлѣвшихъ солдатиковъ, поднялись вверхъ ружья и весла, и понтонъ, какъ ключъ, пошелъ ко дну... Недолго на этомъ мѣстѣ видѣлись, черными точками, барахтающіеся въ волнахъ люди—черезъ нѣсколько мгновений и они скрылись подъ волнами...

Такъ погибли двѣ переднія лодки, не дошедшія до берега всего сажень на 30 или на 50. На одной изъ этихъ лодокъ, именно—на семнадцатомъ понтонѣ, находилось 45 человекъ пѣхотинцевъ Минскаго полка и 8 гребцовъ—матросовъ. Когда понтонъ приблизился къ турецкому берегу сажень на пятьдесятъ, изъ 53 пассажировъ были уже перебиты 52 человека: оставался только одинъ гребецъ матросъ, Семенъ Лопатинъ. Видя свою неминуемую гибель, Лопатинъ кинулся въ воду, чтобы плыть черезъ Дунай обратно къ своимъ, но, въ тотъ же мигъ, пуля попала ему въ плечо и перебила ключицу; съ трудомъ поплылъ Лопатинъ, выгребая одною рукой... Теченіе рѣки принесло его къ острову, верстъ за пять ниже отъ мѣста переправы. До нельзя усталый, изнуренный и истекающій кровью, Лопатинъ выползалъ на берегъ этого острова, но его дѣгнала еще пуля и перебила ему другую руку повыше кисти... Къ вечеру только удалось ему вернуться на островъ. Пять дней провелъ онъ здѣсь безъ всякой помощи, въ полномъ одиночествѣ и оставаясь все время безъ пищи... Всѣ ночи, по случаю холода, онъ не могъ спать и проводилъ ихъ сидя въ водѣ, чтобы хотя сколько нибудь освѣжить себя и омыть свои грязныя раны, въ которыхъ уже завелись черви... Днемъ онъ немного засыпалъ, но все время оставался голоднымъ, такъ какъ пищи ему не отсюда было достать, и лишь избытокъ воды, можетъ быть, спасъ его отъ голодной смерти... О судьбѣ, постигшей остальныхъ русскихъ и, вообще о томъ, удалась ли намъ переправа—Лопатинъ ничего не зналъ. Только на пятый день, именно 20 іюня, несчастный матросъ слышалъ вблизи острова русскій говоръ и плескъ веселъ... «Гляжу—разказывалъ Лопатинъ послѣ—ахъ, провалъ ихъ возьми, наши ребята... Михѣевъ, ау!».. То былъ дѣйствительно русскій пароходикъ. Наши тотчасъ же услышали Лопатина и привезли его въ Зимницу, въ госпиталь, гдѣ Государь Императоръ лично

навѣстилъ героя и Самъ, своеручно, пришилилъ ему къ рубахѣ Георгіевскій крестъ. Съ другой, потонувшей съ людьми лодки, также успѣлъ спастись одинъ изъ гребцовъ—пontonный солдатъ, Крыловъ. Вотъ какъ самъ онъ разказывалъ послѣ о бывшемъ съ нимъ ужасномъ приключеніи: «Когда мы были, саженьяхъ въ пятидесяти отъ турецкаго берега, изъ 50 человекъ въ лодкѣ, я насчитывалъ живыхъ или легко раненыхъ, только человекъ семь. Въ это время лодка скоро затонула и изъ подъ нея выплыли двѣ-три доски. За одну доску ухватился я, матросъ и одинъ армейскій солдатикъ, а за другую, еще какіе-то двое; больше на водѣ никого не было видно. Вскорѣ, ухватившіеся за вторую доску были убиты и утонули, а на нашей доскѣ матросъ и солдатикъ были ранены въ руки, у плеча, и имъ трудно было держаться за нее. Меня только одного еще Богъ миловалъ. Я стянулъ съ нихъ сапоги, растегнулъ имъ рубашки и за рукава придержи-валъ ихъ, направляя въ тоже время ворочавшуюся подъ нами доску. Между тѣмъ, насъ снесло уже далеко, и мы, плывя по срединѣ рѣки, по теченію не видѣли впереди ничего. Всѣ измучились сильно; мои товарищи, оба въ крови, едва держались за меня и за доску. Наконецъ, часа черезъ два или три, насъ прибило къ какому-то острову, на которомъ не было ни одной живой души. Только вечеромъ уже мы замѣтили плывшаго вверхъ, вдоль острова, болгарина. Мы стали просить, чтобы онъ взялъ насъ; онъ согласился взять только двоихъ. Я посадилъ къ нему раненыхъ земляковъ, а самъ остался ждать, пока за мною не пришлютъ изъ нашего баталіона, въ который землячки хотѣли зайти. Прождалъ я всю ночь а утромъ—поплылъ-было на тотъ берегъ, гдѣ думалъ встрѣтить русскихъ, но опять вернулся назадъ и опять сталъ поджидать кого нибудь. Очень ужъ мнѣ хотѣлось ѣсть, и я сталъ бояться, что мнѣ не выбраться съ острова никогда. Наконецъ, я увидѣлъ три наши маленькіе пароходика, которые шли сверху къ острову. Я закричалъ, они услышали и посадили меня на одинъ изъ пароходовъ. Потомъ мы поплыли дальше, внизъ по рѣкѣ, и увидѣли два турецкіе парохода, по которымъ стрѣляли съ берега наши орудія. Потомъ турецкіе пароходы ушли назадъ, а мы вернулись въ лагерь».

Такимъ образомъ, этому понтонеру, послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ бѣдствій, пришлось еще идти на миноносныхъ лодкахъ, въ атаку на турецкіе мониторы!...

Великій Князь главнокомандующій пожаловалъ Крылова Георгіевскимъ крестомъ.

Между тѣмъ, за погибшими двумя лодками, продолжали подвигаться впередъ, съ такимъ же самоотверженіемъ еще три понтона. На одномъ изъ нихъ были также перебиты всѣ люди, за исключеніемъ одного гребца, который подвелъ таки лодку къ непріятельскому берегу. Но, ступивъ на твердую землю, герой повалился за мертво, сраженный турецкой пулею... Слѣдующія двѣ лодки пристали къ берегу съ массою раненыхъ пассажировъ; многимъ однако удалось живо высадиться на берегъ подъ самымъ обрывомъ... Плывъ обратно къ нашему берегу, одна изъ этихъ лодокъ была всетаки затоплена, а на другой, на возвратномъ пути, ранены были всѣ уцѣлѣвшіе — было гребцы, и лодка, отнесенная теченіемъ, пристала къ нашему берегу далеко ниже мѣста посадки...

Видя такое несчастье съ передними пятью лодками, слѣдующіе за ними понтоны стали ворочаться на время нѣсколько назадъ, чтобы потомъ пристать къ турецкому берегу въ болѣе безопасномъ мѣстѣ, у лоцины или выше ея. Одна изъ этихъ лодокъ, будучи пробита пулями во многихъ мѣстахъ и, наконецъ, большимъ осколкомъ гранаты, готова уже была совершенно залиться, но понтонный унтеръ-офицеръ живо снялъ съ себя чулки и заткнулъ ими пробивку такъ удачно, что лодка была въ состояніи добраться до нашего берега. Вообще переправа обоилась такъ дорого лишь немногимъ лодкамъ, приставшимъ ниже лоцины, къ обрыву турецкаго берега. Большая же часть нашихъ лодокъ пристала къ самой лоцинѣ и выше ея, будучи безпokoена только систовскимъ орудіемъ и понесла потерю лишь немногими легко ранеными.

Отряды солдатъ, переправившіеся со второй партией и уже высадившіеся на турецкомъ берегу, встрѣтили и тамъ — на твердой землѣ, неодинаковыя затрудненія. Тѣ, которые пристали у лоцины и выше ея, почти безъ потерь выходили на берегъ и быстро присоединялись къ своимъ, такъ какъ тутъ у насъ дѣйствовало уже нѣсколько пушекъ, кото-

рыя живо очистили карточью ближайшее пространство берега отъ турецкихъ стрѣлковъ. Не то было съ отрядами, приставшими у обрывистаго берега, влѣво отъ лоцины. Послѣ страшныхъ потерь, попесенныхъ ими во время плаванія, отряды эти, выйдя на твердую землю, очутились еще въ худшемъ положеніи. Предъ ними — впереди возвышался крутой обрывъ, сажень до 25 вышиною, по гребню котораго, сквозь густой дымъ отъ выстрѣловъ, видѣлось множество турецкихъ головъ и направленныхъ внизъ ружей... Какъ только солдаты выходили на берегъ и собирались въ кучки подъ обрывомъ, тотчасъ же, съ гребня его, сыпался на нихъ буквально свинцовый дождь... Кучки нашихъ солдатъ быстро таяли, и нѣкоторыя даже совсѣмъ исчезали, преклоняясь къ землѣ, будучи пораженными... Защищаться солдаты не могли: стрѣлять въ турокъ вверхъ на гребень обрыва было бесполезно; достать ихъ штыками также не было никакой возможности. Удобовосходимый путь на обрывъ былъ только въ лоцинѣ; поэтому наши солдаты и рѣшились немедленно идти туда на главный сборный пунктъ нашъ, чтобы, присоединившись къ своимъ, сейчасъ же самимъ начать бить турокъ. Пустылись они бѣжать вдоль высокаго, трещавшаго выстрѣлами обрыва; нѣкоторые солдатки останавливались на время, прячась отъ убійственныхъ выстрѣловъ за выемками берега; но и этимъ убѣжищемъ пользоваться долго не приходилось; солдаты снова собирались наскоро въ кучки и продолжали опасный путь, оставляя по дорогѣ многихъ изъ своихъ товарищей...

Наконецъ около лоцины набралось уже достаточно войска, и всѣ высадившіеся партии могли уже начать теперь наступленіе на непріятеля. Но не легко было выбивать турокъ изъ занятыхъ ими позицій. Все видимое пространство берега представляло мѣстность, перерѣзанную глубокими лоцинами, оврагами, отдѣльными горками съ крутыми покатостями, покрытыми обильною растительностію: виноградниками, фруктовыми деревьями, густымъ кустарникомъ и высокими травами. Турки засѣли здѣсь ерѣвко, стрѣляя изъ за каждой канавки, изъ за каждаго камня и кустика; солдаты наши, сильно поражаемые непріятельскимъ огнемъ, даже не видѣли, въ кого стрѣлять; только штыками удавалось имъ

Великий Князь Николай Николаевич Младший.

выполнять турокъ изъ за ихъ прикрытій. Съ этой цѣлью, солдатамъ нашимъ приходилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взбираться подъ страшнымъ огнемъ на крутые обрывы, сперва подсаживая другъ друга, а потомъ подымая другихъ, державшихся за ружья... Понятно, какъ трудно было одолѣть врага на подобной мѣстности!

Особенно долго держался непріятель въ самой лоцинѣ, саженьхъ въ 200 отъ рѣки, гдѣ стояла водяная мельница. Въ этомъ мѣстѣ лощина изрѣзана ровиками, ручьями и покрыта горами большихъ камней и густымъ кустарникомъ. Турки засѣли за каждымъ кустомъ и камнемъ и въ самомъ зданіи мельницы, около которой и происходилъ самый ужасный бой. Здѣсь-то, можно сказать, и рѣшался споръ изъ за облаганія систовскимъ берегомъ. Турки защищались съ отчаянною храбростью. Изъ-за cadaго прикрытія они безпощадно поражали нашихъ мѣткимъ огнемъ. Солдаты съ озлобленіемъ бросились въ штыки. Рѣзня произошла страшная. Скоро всѣ части перемѣшались, бой завязался почти одиночный, въ разбродъ, холоднымъ оружіемъ... Въ это время здѣсь тяжело раненъ былъ пѣхотинецъ Минскаго полка, Александръ Ракъ, родомъ малоросъ. Получивъ ударъ пудею въ грудь, Ракъ упалъ, а на него свалился его товарищъ Сѣденко; вскорѣ, по близости, сдѣшлся съ туркомъ другой его товарищъ, и оба мертвые свалились тоже на Рака... А бой вокругъ все разгорался. Черезъ то мѣсто, гдѣ лежалъ Ракъ, начали поочередно перебѣгать то турки, то русскіе. Въ то время, когда наши отступили отъ этого мѣста, набѣжали сюда турки и начали грабить и добывать всѣхъ раненыхъ... У нашего Рака и безъ того еле дышавшаго, замерло сердце... Но турки не могли замѣтить, что Ракъ еще живъ: отъ него торчала изъ подъ кучки раненыхъ только одна нога, съ которой баши-бузукки принялись стаскивать сапогъ.... «Я чую ихъ», рассказывалъ послѣ Ракъ, «да и прихилился»... Баши-бузукки разули его, и принялись за другихъ... Вскорѣ, набѣжали сюда опять русскіе, штыками уложили грабителей, а послѣ подняли всѣхъ раненыхъ и доставили ихъ на перевязку, въ томъ числѣ былъ и Ракъ, оказавшійся живымъ... Кромѣ раны въ грудь, у него перебита была рука и, сверхъ того, сильно ушиблена голова и глазъ.

Въ разсвѣту, всѣ турки, оборонявшіе лоцину подлѣ мельницы, были безпощадно перебиты. Оставалось только десять человекъ, засѣвшихъ въ самой мельницѣ, въ томъ числѣ былъ мельникъ и два баши-бузукки. Эту кучку враговъ, никакъ не могли выбить. Турки упорно защищались, и всѣ десять человекъ сдались тогда, когда наши подошли къ мельнице.

Пока наши солдаты отбѣсняли непріятеля отъ берега, переправа черезъ рѣку тѣмъ временемъ продолжалась непрерывно. На турецкомъ берегу высаживались все новыя и новыя войска, съ которыми вскорѣ прибылъ на мѣсто боя и генералъ Драгомировъ, въ сопровожденіи Скобелева. Теперь лодки наши были безпощадны на водѣ только систовскимъ орудіемъ; уже не причинявшимъ, впрочемъ, никакого вреда переправляющейся флотилии. Ружейные же выстрѣлы турокъ по нашимъ лодкамъ совсѣмъ прекратились, такъ какъ высадившіяся войска успѣли уже отодвинуть непріятеля на значительное разстояніе отъ берега.

Оставалось очистить отъ турокъ остальное пространство лощины, за мельницей — и мѣстность по правую и лѣвую сторону отъ нея. Крутые скаты лощины долго мѣшали нашимъ окончательно выбить изъ нея турокъ. Непріятель и здѣсь упорно защищался, стрѣляя съ cadaго обрыва, изъ-за cadaго куста и рывины. Турки не выдерживали только штыковъ. При одномъ крикѣ «ура», они, крича «Аллахъ», живо перебѣгали за другія прикрытія, гдѣ снова останавливались и снова открывали убійственный огонь по нашимъ солдатамъ до новаго «ура».

Во время битвы на гористой мѣстности, влѣво отъ лощины, особенно отличился гвардейскій отрядъ, переправившійся на турецкій берегъ со второй партией войскъ и дѣйствовавшей здѣсь вѣстѣ съ милиціями и волынцами.

Составляя, вообще, небольшой самостоятельный отрядъ, гвардейцы бросались всюду, гдѣ нужна была ихъ помощь, — и по разсказамъ очевидцевъ, вездѣ, гдѣ была гора убитыхъ турокъ, навѣрно лежалъ и гвардеецъ..

Вскорѣ пришлось прибѣгнуть къ ихъ помощи и милиціямъ. Милиціи и волынцы, идя впереди всѣхъ, распространились по турецкому берегу на нѣскольکو верстъ, обливая, можно сказать, каждый шагъ

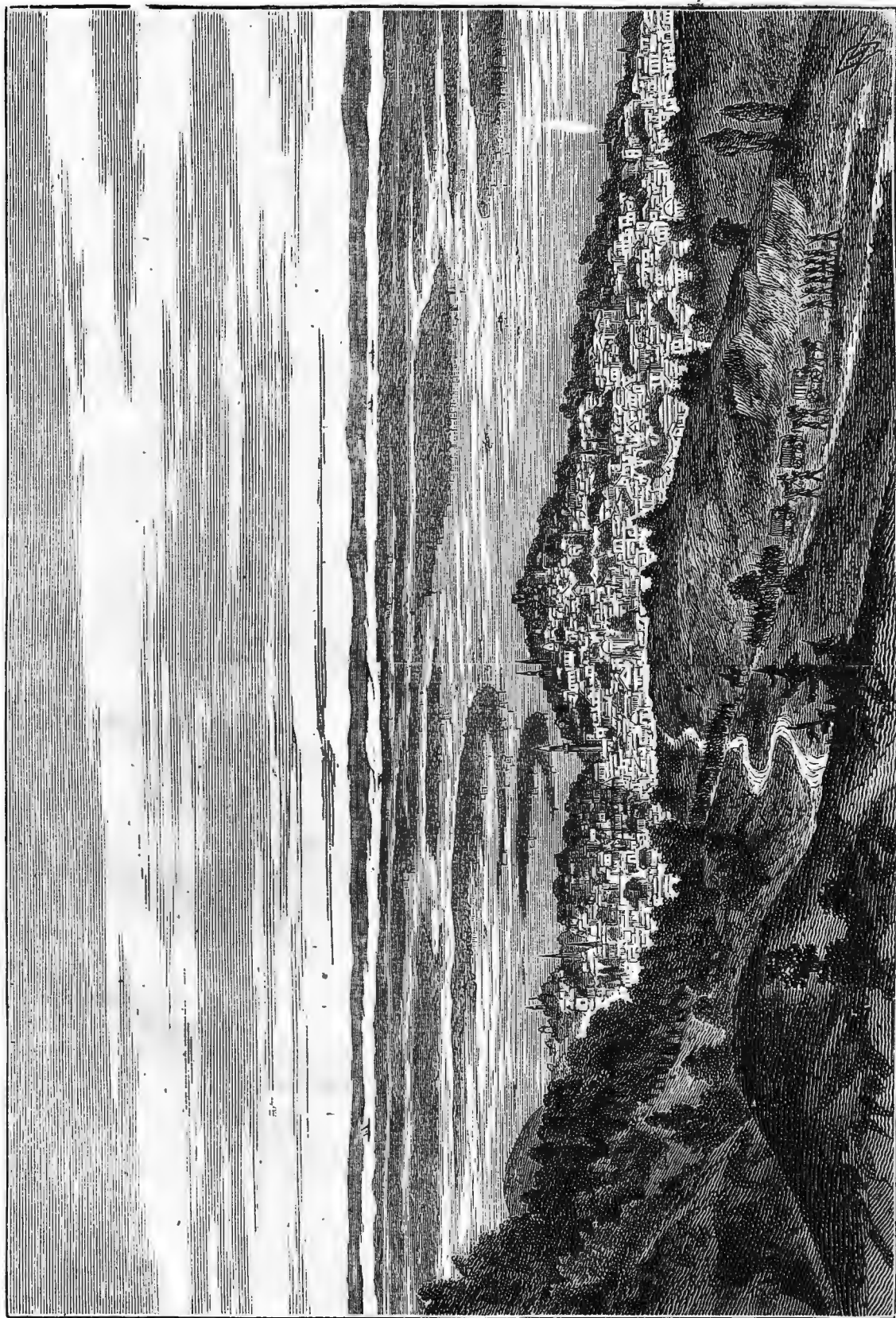
на этой убийственной мѣстности, своимъ потомъ и кровью. Въ одномъ мѣстѣ поручикъ стрѣлковой роты Минскаго полка — Моторный, завладѣвъ горой, оставался на ней всего съ двѣнадцатью чело-вѣками. Увидя, что турки въ огромномъ числѣ бросились отбивать позицію, Моторный закричалъ: «гвардейцы, помогите!» Гвардейцы не заставили долго ждать себя и, вставъ въ ряды съ минцами, бросились на турокъ въ штыки, отстояли гору, которая въ память этого и названа была «гвардейскимъ холмомъ».

...«Въ началѣ было жутко, рассказывалъ послѣ одинъ изъ гвардейскихъ солдатъ: карабаешься въ гору, а пули такъ и свистятъ, а тутъ и гранаты... А какъ выбрались на гору и пошли на «ура», въ штыки, тогда ничего, уже не боязно. Турки смерть не любятъ «ура» и штыковъ, сейчасъ бѣжать. Тутъ-то мы ихъ ужъ били, били... Человѣкъ по пяти на каждого пришлось. У насъ, одинъ восьмерыхъ закололъ, а со мной такой случай вышелъ: закололъ одного, закололъ другаго, ткнулъ третьяго, штыкъ вошелъ на палець, а дальше не лезеть; а онъ схватился за штыкъ, и выхватилъ ножъ... Ну думаю — пришелъ мой конецъ; вдругъ изъ за моего плеча офицеръ протянулъ руку и пристрѣлилъ его револьверомъ; тутъ я вынулъ штыкъ и опарашилъ его прикладомъ... А нашъ командиръ конвоя, полковникъ Озеровъ, все впереди и кричитъ: «братцы, не робейте!» Смотримъ — сѣлъ, ранили въ ногу, а самъ все кричитъ — «братцы не робѣйте!» Повелъ насъ другой офицеръ, ранили и его, перевязался и опять впередъ»...

Вмѣстѣ съ полковникомъ Озеровымъ былъ раненъ и фельдфебель гвардейской роты, и оба, рядомъ, лежали въ кустахъ. Пробѣгавшіе мимо турки замѣтили ихъ и поворотили къ нимъ, съ очевидной цѣлью — приколоть и зграбить, что постоянно дѣлали во время этого боя. Но находчивость фельдфебеля предупредила опасность: замѣтивши неподалеку также раненаго барабанщика, фельдфебель крикнулъ ему: «бей тревогу!» Барабанщикъ затрещалъ въ барабанъ, а Озеровъ и фельдфебель, лежа въ кустахъ, что есть мочи закричали «ура!»... Турки, думая, что тутъ скрывается цѣлый баталіонъ здоровыхъ солдатъ, сейчасъ же повернули назадъ и пустились бѣжать...

О минцахъ и волынцахъ рассказываютъ также множество примѣровъ храбрости и необыкновенной выносливости. Одинъ солдатъ Волынскаго полка, по окончаніи сраженія, показывалъ, что у него всѣ 30 патроновъ остались, т. е., что онъ, въ точности исполняя приказъ Драгомирова, во все время боя — съ 2-хъ часовъ ночи до полудня — работалъ однимъ только штыкомъ... Фельдфебель 6-й роты того же полка былъ раненъ въ началѣ сраженія въ бокъ двѣ раны его перевязали, и онъ опять пошелъ въ бой... Солдатъ 8-й роты Минскаго полка, кохоль, сильно раненъ былъ въ лицо; его перевезли на островъ, сдѣлали перевязку и думали отправить въ госпиталь, а солдатикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, началъ собираться на турецкій берегъ: «еще успѣю душъ пять уходить», говорилъ онъ... Въ упомянутой выше 6-й ротѣ Волынскаго полка всѣ офицеры были перебиты или переранены, вмѣстѣ съ ними, какъ мы видѣли, раненъ былъ и фельдфебель. Маіоръ Подгурскій собралъ эту роту и назначилъ командиромъ ей — унтеръ-офицера. Солдаты, въ одинъ голосъ, стали просить дать имъ офицера. «Мы, ваше высокоблагородіе, пропадемъ съ нимъ», говорили они. — «Друзья мои, отвѣчалъ Подгурскій, вы сами видите, что почти всѣ офицеры перебиты. Я увѣренъ, что онъ молодцомъ поведетъ впередъ, а вы съумѣете отомстить за смерть вашего командира. Солдаты дружно крикнули: «рады стараться», и, повернувъ, пошли снова въ бой...

Къ утру наши храбрецы окончательно очистили отъ непріятеля берегъ рѣки по обѣ стороны лощины. Турки отошли дальше — къ Систову — и засѣли на высотахъ, окружающихъ этотъ городъ. Но и тамъ не могли удержаться долго: русскихъ переправилось на турецкій берегъ ужъ столько, что численный перевѣсъ былъ уже на нашей сторонѣ. Въ это время, т. е. въ два часа по полудни, къ мѣсту переправы успѣлъ прибыть русскій пароходъ съ двумя баржами, и на ту сторону живо перевезены были подольцы, жиитомирцы, 4-я стрѣлковая бригада и весь донской казачій № 23 полкъ. Съ этимъ эшелонномъ прибылъ командиръ бригады генералъ-маіоръ Петрушевскій и Е. И. В. Николай Николаевичъ Младшій. Войска генерала Петрушевскаго были направлены прямо на Систово. Выдержать натискъ такой массы войскъ, турки, бывшіе въ числѣ 6,000

Видъ Систова, занятого русскими 15 июня 1877 года.

человѣкъ, не могли. Мужество постепенно оставляло ихъ, и они стали оказывать уже незначительное сопротивленіе. Станутъ въ ряды и стрѣляютъ до тѣхъ поръ, пока наши не соберутся и не ударятъ на нихъ въ штыки. Турки отойдутъ дальше, снова остановятся и опять принимаются стрѣлять, до новаго нападенія русскихъ. Такъ они перемѣняли позиціи разъ пять, вплоть до города Систова. Многіе изъ очевидцевъ рассказываютъ, что видѣли въ это время бѣгущихъ турокъ съ ружьемъ, положеннымъ на плечо, и въ тоже время, стрѣляющихъ вверхъ: «авось, дескать, попадетъ!»..

Бой постепенно началъ утихать. Выстрѣлы рѣдѣли и удалялись все дальше и дальше къ Систову. Наконецъ замолкло и систовское орудіе, причинившее намъ не мало вреда. Помимо затопленія одного парона, выстрѣлы изъ этого орудія поранили у насъ многихъ. Систовское орудіе стрѣляло даже по нашимъ раненымъ, которыхъ перевязывали на лѣсисто-мъ островѣ и на румынскомъ берегу, позади мѣста посадки войскъ, за лѣскомъ. Орудіе стрѣляло мѣтко: одному батареинному трубачу граната попала въ голову, гдѣ и разорвалась; отъ головы несчастнаго не осталось и косточки! Подъ конецъ боя, систовское орудіе сбито было выстрѣлами изъ нашихъ пушекъ, выставленныхъ на зимницкомъ берегу. Подлѣ него убито было шесть турецкихъ артиллеристовъ, и оно должно было во время боя нѣсколько разъ перемѣнять мѣсто, спасаясь отъ нашихъ гранатъ. Батареей въ Систовѣ, по рассказамъ болгаръ, все время управлялъ англичанинъ. Гораздо раньше систовскаго орудія сбиты были нашими выстрѣлами еще нѣсколько турецкихъ пушекъ, управляемыхъ уже самими турками и выставленныхъ на турецкомъ берегу, ниже долины. Но эти пушки, когда и дѣйствовали-то, мало причиняли намъ вреда.

Къ пяти часамъ по полудни замеръ въ воздухѣ послѣдній ружейный выстрѣлъ подъ Систовымъ, и наши войска вступили въ этотъ городъ безъ боя.

Любопытенъ рассказъ о занятіи Систова въ слѣдующемъ письмѣ солдата:

«Въ Систово или Свистунъ, пишетъ солдатъ, мы добрались скоро и думали понасть первыми, какъ, къ досадѣ нашей, только что подходимъ, а ужъ казаки наши вертятся! Вошли мы въ этотъ Свистунъ, такъ себѣ городокъ, — по улицамъ народъ бѣгаетъ.

Въ одной сторонѣ окружили турецкихъ бабъ. Изъ мужскаго пола уже никого не было. Болгаре, какъ увидѣли насъ, то къ намъ бросились, какъ съумасшедшіе; обнимаютъ, каждый лѣзетъ цѣловаться.. Ребятишки таскаютъ изъ кармановъ, кто табакъ, кто фруту каюу... Многихъ даже слеза прошибла, какъ дѣти поцѣплялись къ намъ на шею. Вѣстимо, и своихъ каждый вспомнилъ. Никогда еще такъ весело не было намъ: на радости такъ въ колоколабы пріударить, говоримъ между собою; да оказалось что колоколовъ-то у нихъ не дозволено имѣть. На утро привезли уже съ той стороны и колокола.

А казаки поперли уже далѣе; уже обрыскали въ первый же день верстъ на двадцать кругомъ. Явились откуда-то и жида; только они здѣсь также ходятъ, какъ и болгаре, только ужъ такіе черные и грязные, что Боже упаси! Къ офицерамъ подлѣзаютъ: дескать, того, другаго не хотите-ли, все представимъ!

«Кажись, здѣсь намъ будетъ не худо; болгаре народъ душевный, не хитростный; только и у нихъ всего не ахти много».

Сами болгаре рассказывали о себѣ, что, когда происходила самая переправа, они все время сидѣли запершись въ домахъ, боясь выйдти на улицу и съ нетерпѣніемъ ждали конца. Больше всего насъ, говорили болгаре, «безпокойло то, что вы, русскіе, не возьмете этотъ городъ до вечера, и оставите въ немъ *на ночь* турокъ».. Болгаре считали себя счастливыми тѣмъ, что турки, наканунѣ, вечеромъ 14 іюня, не знали о намѣреніи русскихъ переправиться въ эту ночь чрезъ рѣку: иначе, болгарамъ тогда же пришлось бы худо... Поспѣшно оставляя городъ, турки не имѣли времени отомстить имъ. И все-таки было, однако, нѣсколько жертвъ турецкаго варварства: одинъ болгаринъ былъ найденъ заколотымъ на одной изъ улицъ, выходящихъ по направленію отступленія турокъ; а другой убитъ былъ выстрѣлами въ то время, когда русскіе только еще высаживались на систовскій берегъ. Болгаринъ этотъ возвращался отъ колодца съ водою; одинъ изъ турецкихъ солдатъ, поздравляя его съ близкимъ свиданіемъ съ своими братьями — русскими, пустилъ въ него пулю. Впрочемъ, и сами болгаре недолго оставались въ долгу у турокъ. Приведемъ на этотъ счетъ интересное письмо 13-ти-лѣт-

ней болгарки изъ Систова, къ своей сестрѣ въ Одессѣ, описывающей свои отроческія впечатлѣнія, при вступленіи русскихъ войскъ въ Сисово.

«Въ среду, утромъ рано, — пишетъ болгарка, — когда мы еще спали, мама услышала громъ пушекъ и, разбудивъ татко, чтобы и онъ слышалъ, подошла ко мнѣ и, разбудивъ меня, сказала: «зажги лампадку и помолись Богу, чтобы сохранилъ насъ, потому,

что къ вечеру будемъ имѣть «гости-русси». И тогда я встала, умылась, зажгла лампадку и пошла на чердакъ къ слуховому окну, чтобы посмотреть, не видно ли оттуда, какъ стрѣляютъ изъ пушекъ. Смотрѣла я оттуда, а татко, напившись кофе, вышелъ къ базару. Возвратившись оттуда, онъ сказалъ: «жена, русскіе пришли, пере-

ходятъ ужъ Дунай, а турки только суетятся по улицамъ и нельзя понять ихъ, что дѣлаютъ. Одни бѣгутъ на сраженіе, другіе возвращаются и говорятъ: что немного осталось (русскихъ), перебили всѣхъ... А какъ стали возвращаться, одни хромые, другіе безъ пальцевъ, безъ челюстей, всѣ залитые кровью, и забравъ *ханумитэ* (своихъ женъ), бѣгутъ куда глаза глядятъ, и въ теченіи получаса или

одного часа — мы уже турокъ не видѣли. Дома свои оставили отворенными совсѣмъ, что въ нихъ было. Одни готовились кушать другіе масло сбивать, — все такъ побросали. Татко опять вышелъ на улицу узнать, что дѣлается, и ни одного турка уже не увидѣлъ... Когда возвратился татко, бѣгомъ бѣжитъ и кричитъ: «скорѣе, Милю, навьючь на осла боченки и спѣши повезти воду русскимъ, потому что

бѣдняжки, уставши изнываютъ отъ жажды». Я же сошла въ садъ, нарвала цвѣтовъ и надѣлала букеты, чтобы встрѣчать ихъ, и вышли мы на улицу, около лавки. А какой-то турокъ, у бѣга я, сталъ стрѣлять въ болгаръ, но болгары бросились на него и отрѣзали ему голову. Когда же мы посмотрѣли въ

Генераль-Маіоръ Драгомировъ.

базару, то я удивилась: красныхъ фесокъ почти не было, смотримъ — все люди въ русскихъ шапкахъ и всѣ имъ подають букеты цвѣтовъ, а тѣ ихъ благодарять и спрашиваютъ: «гдѣ турки», а мы имъ отвѣчаемъ, что не знаемъ, куда дѣвались, и, дѣйствительно, мы не замѣтили, какъ они исчезли... Болгары-же бросаются въ ихъ дома и лавки и обирають ихъ. Когда-же русскіе стали упрекать нашихъ за это, наши гово-

рили, что какъ турки насъ обирали, такъ и мы теперь отплачиваемъ имъ. И все у нихъ перебили и перепортили»...

При вступленіи въ городъ главныхъ русскихъ командировъ съ остальными войсками, болгаре вышли къ нимъ на встрѣчу съ духовенствомъ во главѣ, съ образами и церковнымъ пѣніемъ. И лишь только русскіе войска заняли городъ, сейчасъ же всѣ турецкія фески на головахъ болгаръ исчезли: всѣ надѣли русскія фуражки и шапки и приклеили къ нимъ кресты. Такіе же кресты красовались на воротахъ болгарскихъ домовъ, и даже на волахъ или буйволахъ. Кресты эти обозначали, что животное это принадлежитъ не мусульманину, а болгарину.

Наступилъ вечеръ 15 іюня. Флотилія еще двигалась между берегами безостановочно, переправляя на ту сторону войска 9 дивизій — полки: Орловскій, Брянскій, Сѣвскій и Елецкій. Между тѣмъ, съ обратными лодками привозились съ того берега турецкія вещи: оружіе, фески, турецкій табакъ изъ Систова, недозрѣвшіе фрукты изъ садовъ, виноградъ и проч.

Когда уже стемнѣло, наши понтонеры, солдаты и офицеры, расположились, наконецъ, на берегу кучками, на отдыхъ, за отсутствіемъ палатокъ, подъ открытымъ небомъ. Начались разговоры о недавнемъ прошломъ, о погибшихъ товарищахъ; но утомленію взяло свое: скоро всѣ заснули крѣпкимъ сномъ, и на всемъ берегу воцарилась глубокая тишина.

Все славное дѣло перехода черезъ Дунай у Зи-

мницы и Систова, стоило намъ 300 человѣкъ убитыми и 468 ранеными — потеря, въ сравненіи съ чрезвычайною важностью дѣла, очень незначительная, удивившая своими ничтожными размѣрами даже враговъ нашихъ, ожидавшихъ при этомъ опасномъ дѣлѣ потерь съ нашей стороны чуть-ли не въ десятки тысячъ людей.

На другой день, 16 іюня, на берегу Дуная, на мѣстѣ кровопролитнаго боя, сидѣли уже безпечными, веселыми кружками наши солдатики, какъ ни въ чемъ не бывало: балагурили, шутили, смѣялись и варили въ котелкахъ ужины...

Встрѣча русскихъ въ Сисовѣ.

Въ этотъ же день, 16 іюня, въ Зимницу прибылъ Государь Императоръ съ Главнокомандующимъ, Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ и пожелалъ лично навѣстить и утѣшить раненыхъ, помѣщенныхъ въ Зимницкомъ госпиталѣ. При посѣщеніи ихъ, Государь, глубоко прочувствованными словами, выразилъ имъ свою

признательность за ихъ молодецкое поведеніе.

— Постараемся, Ваше Императорское Величество, *постараемся!* отвѣчали ему на это искалѣченные герои, изъ которыхъ многіе, едва были въ состояніи говорить и слышать...

— Чего постараетесь, сказалъ Государь, уже *постарались*, — и большое Мое и Россіи вамъ за это спасибо, ребята!

— Ничего, Ваше Императорское Величество, крикнулъ на это одинъ раненый молодой солдатикъ, — *отомщимъ* туркѣ за наши раны!

Когда Государь Императоръ изволилъ, при этомъ

привязать, чтобы больным выдавалось все, чего они потребуют, то один из раненых солдатов по простотѣ душевной, ничего не надумавъ въ это время пожелать большого, какъ спросить: «а табаку можно?» Такой простой вопросъ не могъ не вызвать улыбки Государя Императора, и всѣ окружающіе тотчасъ подали солдатикѣ массу папиросъ и сигаръ.

Турки въ первый же день переправы отступили отъ Систова на далекое разстояніе. Но, не смотря

на это, переправа черезъ Дунай еще не была окончательно обезпечена за нами. Войска перевозились черезъ рѣку довольно медленно на одномъ пароходѣ и на понтонныхъ лодкахъ, такъ что въ продолженіе первыхъ 4-хъ дней успѣли переправиться на ту сторону только 8-й корпусъ, 35 пѣхотная дивизія, 4-я стрѣлковая бригада и одинъ донской казачій полкъ. Перевозка лошадей на понтонныхъ платформахъ сопряжена была съ большими затрудне-

ніями, и потому вся наша кавалерія продолжала оставаться на румынскомъ берегу, точно также, какъ и большая часть пѣхоты и артиллеріи, не говоря уже объ обозахъ съ провіантомъ и военными снарядами, которые, разумѣется, совсѣмъ уже немисливо было переправлять на лодкахъ; на одномъ же пароходѣ, какой имѣлся въ нашемъ распоряженіи, немного можно было увезти. Все это, въ связи съ опасеніемъ неожиданнаго наступленія на Систово

со стороны главныхъ турецкихъ силъ, требовало съ нашей стороны быстрой постройки у Систова прочнаго и постоянного моста черезъ Дунай.

Дѣло это, помимо крайней важности его, было весьма трудное и даже опасное, возможное, можетъ быть, только при смѣлости и удали русскаго солдата. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что весь матеріалъ для постройки моста, какъ то: плоты съ настилкою, барки и разныя другія мостовыя принадлежности, заготовленныя нами еще во время стоянки

въ Румыніи, сохранились вдали отъ Зимницы, въ устьяхъ рѣки Алуты или Ольты. Оттуда ихъ пужно было спустить въ Дунай и провезти внизъ по рѣкѣ къ Зимницѣ, мимо турецкой крѣпости Никополя, занятой въ то время еще турками. Это рискованное предпріятіе, однако смѣло и быстро было выполнено нашими храбрыми моряками и саперами. Они проводили плоты по ночамъ, съ возможною тишиною и осторожностью, стараясь

пройти мимо Никополя незамѣченными. Но турки сплошь-да рядомъ отрывали смѣльчаковъ и осыпали ихъ съ никопольскихъ батарей гранатами и картечью. Иногда плоты эти относило теченіемъ рѣки такъ близко къ турецкому берегу, что турки встрѣчали и провожали ихъ ружейными залпами, при чемъ дѣло не обходилось, разумѣется, безъ раненыхъ и убитыхъ.

Разъ у самаго Никополя завязался на плотяхъ

Генераль-Маіоръ Петрушевскій.

отчаянный бой. Турки пускали въ насъ залпами, и мы въ нихъ залпами. При этомъ, одинъ изъ румынскихъ лодмановъ, бывшихъ на плоту, выпрыгнулъ со страху на берегъ; за нимъ послѣдовали и остальные лодманы изъ мѣстныхъ жителей. Наши саперы остались на плотахъ одни, посреди быстрой, широкой рѣки, подъ градомъ непріятельскихъ выстрѣловъ... По малочисленности своей, они никакъ не могли справиться съ плотами, при чемъ впопыхахъ какъ то два плота сорвались и ихъ отнесло теченіемъ въ самому турецкому берегу...

Замѣтили это наши артиллеристы, стоявшіе на румынскомъ берегу, подлѣ Турну - Магурельскихъ батарей.

— Ваше высокоблагородіе, обращаются артиллеристы къ своему батарейному командиру, — позвольте намъ плоты выручить.

— Съ ума вы сошли, останавливаетъ ихъ тотъ..

— Ужъ позвольте... Чтожъ ихъ туркамъ бросать

— Да какъ же вы сдѣлаете это, братцы?

— У насъ лодочка есть. Махонькая—а все переплыть можно.

Осмотрѣвъ батарейный командиръ лодочку — вся въ дыркахъ. Челночекъ какой то.

— Утонете — вѣдь это душегубка.

— Мы заткнемъ чудесно... Ужъ позвольте.

— Ну, Господь съ вами.

На лодкѣ отправилось четверо. Трое артиллеристовъ: фейерверкеръ, Гончаровъ, Овчаренко, донецъ и еще одинъ казакъ. Стали чинить лодку. Сидѣхъ кругомъ. Солдаты хохочутъ надъ пловцами. Гончаренко былъ заправилой.

— Стой, братцы, командуетъ онъ, — штаны, сапоги, мундиръ долой!

— Чего еще!..

— Неровенъ часъ, во дну пойдешь—все легче будетъ...

Перекрестились и отчалили. Съ нетерпѣніемъ и страхомъ слѣдили остальные за этими молодцами. Турки скоро замѣтили ихъ и открыли по нимъ страшный огонь. Подъ залпами непріятели наши герои, вчетверомъ, на душегубкѣ, подобались таки къ непріятельскому берегу, въ недалекомъ разстояніи отъ Никополя. Тутъ огонь турокъ еще болѣе усилился; сверхъ того, изъ города понеслась на нихъ партія конныхъ черкесовъ.. Одинъ изъ плотовъ

былъ большой. Пока его отпихнули, черкесы подсакавали уже на полверсты... Въ этомъ мѣстѣ рѣка круто поворачиваетъ въ румынскую сторону и потому плотъ быстро понесло къ намъ. Въмѣсто того, чтобы въ виду непріятельской кавалеріи спастись съ этимъ плотомъ на нашу сторону, Гончаренко вздумалъ еще и другой маленькій плотъ выручать. «Что же ребята, ужели этотъ оставлять?» Воротились храбрецы, прицѣпили къ нему веревку, и въ то время, когда черкесы подсакавали къ берегу, наши были уже на вѣрномъ теченіи...

Всѣ четверо молодцовъ получили Георгіевскіе кресты.

Благодаря подобной отвагѣ и удали русскихъ солдатъ, весь матеріалъ для моста былъ собранъ къ Зимницѣ дня въ два. Между тѣмъ понтонеры наши быстро принялись за постройку самаго моста; черезъ день мостъ этотъ былъ почти уже оконченъ и только въ серединѣ не доставало нѣсколько звеньевъ, какъ вдругъ показался со стороны Никополя огромный турецкій броненосецъ, медленно спускавшійся къ Зимницѣ, съ очевиднымъ намѣреніемъ—разрушить только что возведенную постройку. Но страхъ натѣнуться на русскіе торпеды и выстрѣлы съ нашихъ береговыхъ батарей скоро остановили смѣлый мониторъ, а когда въ виду его неожиданно показались наши славныя миноноски, то грозный броненосецъ посѣшилъ поскорѣе убраться подальше отъ Зимницы во свояси. Едва только прогнали это страшилище, какъ пришла новая бѣда: въ ночь на 18 іюня поднялся на Дунаѣ сильнѣйшій вѣтеръ, оторвалъ отъ берега 16 понтонныхъ лодоевъ, на которыхъ былъ насланъ мостъ, и унесъ ихъ теченіемъ внизъ по рѣкѣ; желѣзныя лодки были опрокинуты, наполнились быстро водою и многія изъ нихъ потонули.

Нѣсколько человѣкъ, бывшихъ во время катастрофы на серединѣ моста, очутились весьма въ непріятномъ, опасномъ положеніи, будучи отдѣлены отъ берега и простоявъ, въ продолженіи всей ночи, на серединной части моста, удержавшейся на якоряхъ.

Наконецъ, лишь на четвертый день послѣ сивостовскаго боя, 20 іюня, мостъ былъ готовъ во всю ширину Дуная, версты въ двѣ длиною, съ веревочными перилами по сторонамъ и съ фонарями для ночнаго освѣщенія.

Только теперь быстрая переправа на турецкую сторону всей русской армии и своевременная доставка для нея провiанта и снарядовъ были нѣсколько обезпечены, и русскiе могли уже считать систовскiй берегъ окончательно своимъ.

Постройкою моста, можно сказать, вполне закончился славный переходъ русской армии черезъ Дунай. Съ окончательнымъ овладѣнiемъ систовскимъ берегомъ, нашимъ войскамъ открывался кратчайшiй и удобнѣйшiй путь, почти ко всѣмъ турецкимъ крѣпостямъ, къ Балканскимъ горамъ и къ самому Константинополю и, слѣдовательно, войска русскiе, послѣ долгаго двухмѣсячнаго ожиданiя, могли теперь немедленно приступить къ выполнению главной своей задачи — къ очищенiю славянскихъ земель отъ турецкихъ полчищъ.

Два мѣсяца служила рѣка Дунай сильнѣйшимъ оплотомъ для непрiателя; два мѣсяца ждала Россiя, ожидалъ весь свѣтъ, съ трепетной надеждой, съ напряженнымъ вниманiемъ, когда наш войска преодолѣютъ эту грозную преграду, и вотъ, *въ одну ночь*, съ 14 на 15 iюня, преграда эта, со всѣми ея препятствiями, была сломлена, и сломлена окончательно... Успѣхъ былъ безпримѣрный! Огромные размѣры рѣки, бдительность непрiателя, неприступность дунайскихъ крѣпостей, грозный видъ турецкихъ мониторовъ — все это, *постыли съ 14 на 15*

iюня, какъ бы уже не существовало для насъ, и ничто уже не могло теперь препятствовать намъ идти впередъ — на встрѣчу изумленному противнику..

Но помимо важности этой переправы для дальнѣйшаго хода кампанiи, переходъ черезъ Дунай у Зимницы былъ и самъ по себѣ, уже блестящимъ дѣломъ. Ситовскiй берегъ, взятый нашими солдатами съ боя, считался такимъ неприступнымъ, что турецкiй главнокомандующiй, Абдуль-Керимъ паша, какъ увѣряютъ нѣкоторые, говорилъ раньше переправы: «скорѣе у меня на ладони выростутъ волосы, чѣмъ русскiе перейдутъ черезъ Дунай у Ситова».

Столь неожиданный успѣхъ дѣла зависѣлъ прежде всего отъ удачно сохраненной тайны переправы. Непрiатель введенъ былъ въ заблужденiе съ такимъ искусствомъ, что захваченъ былъ совершенно врагъ сплехъ, и едва успѣлъ выставить у мѣста переправы лишь незначительные отряды, да и тѣ, при началѣ дѣла, застигнуты были спящими...

«Турки проспали дѣло» — объяснялъ совершенно справедливо генераль Драгомировъ удачную высадку на турецкомъ берегу.

Остальное, довершили храбрые русскiе солдаты, съ которыми, по общему голосу очевидцевъ, никакiя войска въ мiрѣ не могутъ сравниться по мужеству, терпѣнiю и безпримѣрной стойкости, за Государя за честь и славу своей родины.

КАРТА
ТЕАТРА ВОЙНЫ ВЪ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ

(ГЕРЦЕГОВИНЫ, БОСНИИ, СЕРБИИ, БУЛГАРИИ И ЧАСТЕЙ РУМЫНИИ И АЛБАНИИ)

СОСТАВЛЕННАЯ

Генеральнаго Штаба Полковникомъ Артамоновымъ.

Изданіе Картографическаго Заведенія А.И.Ильина.

Масштабъ
1:336,000

ВЫСОТЫ НАДЪ УРОВНЕМЪ МОРЯ ВЪ АНГЛІЙСКИХЪ ФУТАХЪ.

500 до 2000   2000 до 3000   3000 до 4000   4000 до 5000   5000 и выше

